

22 0114

Солдаты
умирают
с оружием



ВАЛЕНТИН
НЕЖИНСКИЙ

СОЛДАТЫ УМИРАЮТ С ОРУЖИЕМ

ПАРТИЗАНСКИЕ
БЫЛИ

Ставропольское
книжное издательство 1971

9(c)272
H43

Эта книга, как утверждает ее автор, полковник запаса Валентин Нежинский,— коллективный труд. Автор в меру своих сил только записал взволнованные слова ветеранов Великой Отечественной войны, нашел в архивах красноречивые документы, восполнил в отдельных местах недостающие звенья. Книга читается, как увлекательный рассказ о человеческом мужестве и солдатской верности нашей матери-Родине. Это шестая книга В. Нежинского о романтике военного подвига.

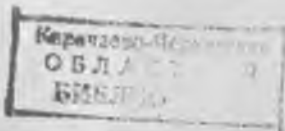
Герои военных былей В. Нежинского — это рядовые, советские люди, представители разных национальностей, в основном северокавказцы. О них автор рассказывает так, что величие боевого подвига человека вырисовывается рельефно, осязаемо.

В книге много имен и событий. Они подлинные. И основных героев всегда окружают боевые друзья, помогающие идти на подвиги. Они такие же скромные герои всенародной битвы с фашистами.

Эта книга о народных мстителях, партизанах Белоруссии, о беспримерном всенародном подвиге в тылу врага.

Отзывы о книге просим присылать по адресу: г. Ставрополь, ул. Артема, 18, Ставропольское книжное издательство.

226117



ПАМЯТИ БЕЗЫМЯННЫХ ГЕРОЕВ
ВОЙНЫ ПОСВЯЩАЮ.

А в т о р.



**ПРОПАЛ
БЕЗ ВЕСТИ**

Мать умерла, так и не узнав о судьбе сына.

Что горше: правда, от которой и в горах не спрячешься, или страшная неопределенность, что убивает волю к жизни и сушит кровь?

Несбывшаяся надежда, что пустой колос-обманка, осыпается горькой пылью. Эта пытка неизвестностью терзает и мучает всю жизнь.

В години ненастья те, кого Родина назвала солдатами, умирая, желали одного — правды об их смертном часе. Перед боем, шел ли разговор в полутемной землянке или в открытой ветрам и ненастью траншее, люди смущенно отводили глаза в сторону — все ж таки и эти слова — проявление душевной слабости; говорили, стремясь многословием смягчить обнаженность просьбы:

— Так вот, друг, если там что случится, отпиши по этому адресу...

Бросающиеся в огонь не хотели гибнуть безвестно. Слезы близких не возвращают к жизни. Это так. Зато самоотверженность погибших — гордость рода, слава и бессмертие Родины, а для них, ушедших, — честное имя, чистая перед собой и народом совесть.

У каждого погибшего солдата неотъемлемое право на собственную могилу и букет цветов, положенный любящими руками...

✓ Умирая, мать прощалась с белым светом и детьми. Неумеющими губами назвала имя старшего, первого ее помощника — Азрета. Где он и что с ним? Прошли годы после войны. Живые вернулись, мертвые оплаканы. А вот ее Азрет... Ни в живых, ни в мертвых. ✓

✓ «Ваш сын лейтенант Узденов Азрет Дадыкович, комendant 54-го укрепрайона, пропал без вести в июне 1941 года». ✓

В отделе учета боевых потерь Министерства Обороны страны точных данных о судьбе лейтенанта Узденова нет. Он в июне 1941 года был на границе. Война шла

огненным валом, сметая тысячи человеческих жизней. Только через три года советские воины вновь заняли боевой рубеж, который в июне 1941 года обороняли лейтенант Узденов и его товарищи.

/ «Пропал без вести в июне 1941 года».

Будь лейтенант Азрет Узденов слабее духом, может быть, оно так бы и осталось.

Но передо мной учетная карточка белорусского партизана, одна из сотен тысяч хранящихся в партийном архиве ЦК КП Белоруссии. Я долго держу в руках этот бумажный листок.

В правом углу небольшого квадрата учетный номер — 291738, отряд имени Суворова, бригада имени Жукова, Барановичской области.

Нет, не пропал без вести в июне 1941 года наш воин-земляк. В карточке записано:

У «Узденов Азрет Дадыкович, 1914 года рождения, карачаевец, кандидат в члены ВКП(б), комендант 54-го УР, в отряде — партизан, командир взвода. Семья проживает в ауле Каменномост Карачаевской области, отец — Узденов Дадык Кзашевич...»

Вот и отыскался оборванный внезапным нападением расчетливого и подлого врага путь лейтенанта Азрета Узденова, солдата, пропавшего без вести в первый месяц войны. Стало известно и многое другое.

Начался солнечный июнь 1941 года. Комиссия осматривала строящиеся укрепления на участке лейтенанта Узденова. Старший в комиссии майор с эмблемой инженерных войск на петлицах, выбравшись из полутемного дота, с еще не заделанным куполом, вдохнул полной грудью летний, теплый, с медовым привкусом воздух, отряхнул щегольские бриджи, сказал:

— Хороша хата, хоть и без крыши!

Вытащил из кармана тяжелый с монограммой серебряный портсигар, достал папиросу.

— Закуривайте, лейтенант! — Прикурив, пристально и долго смотрел в сторону перелеска — за ним была граница. — Дот нужно быстрее заканчивать и получше замаскировать. А осенью над ним лесок насадим. Черт рога не просунет. С куполом поторопитесь. Вооружение прибудет в начале июля. Через недельку наведеаюсь.

...Укрепрайон — это полоса оборонительных сооружений, занятая полевыми войсками. Пограничный УР — щит государства. Уровцы — это те же пограничники, пожалуй, с той лишь разницей, что у них вместо зеленых фуражек — общевойсковые с малиновым околышем.

Азрет Узденов — до армии директор школы в ауле Каменномост, окончил Гомельское стрелково-пулеметное училище, три года командовал взводом и уже год как принял под начало пулеметную роту и строительный участок. Офицер он опытный. Тот же майор из штаба округа в обычной для него, кадрового служаки, добродушно-грубоватой манере, предупредил:

— Это, лейтенант, твой дом! Строителей не жалей. Им что? Сдали и ушли. А тебе здесь жить, драться. А придется — так и голову сложишь. Уровцам отступить не следует. Если совсем уж припечет, — бикфордов шнур. В последнюю дорогу солдаты идут с музыкой!..

Перед рассветом 22 июня загредело и задрожало вокруг. Узденов выскочил из палатки. Ночь была теплой, ласковой, спали на чистом воздухе. Крикнул:

— Дневальный! Роту в ружье!.. — и сам бросился к кустарничку, в нем со своим ординарцем расположился на отдых прибывший вчера для инспекции инженер-майор. Тот бежал навстречу.

— Людей в дот! Выставить посты!

— Сделано, товарищ майор!

Рассвет первого военного утра вставал во вспышках разрывов, в пороховой гари. Гитлеровцы появились око-

ло семи часов, когда горячее июньское солнце залило все вокруг ослепительным светом. Перебежками сотни две фашистов на приличной дистанции окружили дот и залегли. С десятков немцев пулеметчики и стрелки Узденова успели срезать.

Узденов приказал раздать гранаты и готовиться к отражению штурма. Майор усмехнулся:

— Приказ правильный... и бесполезный. Ты бы штурмовал дот? Нет? Ну, и немцы не дураки. Блокировали нас и греются на солнышке. Эх, пушек бы нам!.. Как у тебя с водой и продуктами?

✓ На двое суток! Вода в бочках и ящиках из-под патронов. Другой запасной тары не было.

— Растяни на неделю... Рация действует? ✓

— Действует, но связи нет.

— Положеньице! Не позавидуешь.— Майор сунул руку в карман за портсигаром.

Трое суток гитлеровцы, постреливая по амбразурам дота, развлекали его гарнизон криками «Рус, сдавайся!», игрой на губных гармошках, горластыми песнями по вечерам. Несколько раз стены дота начинали гудеть.

— Танки рядом проходят... опять танки...— говорил, прислушиваясь, майор.— Чертова уйма танков!

На четвертую ночь пулеметчики Узденова сделали вылазку и притащили пленного.

«Язык» — рослый и рыжий саксонец, в сапогах с голенищами наподобие граммофонной трубы, оказался словоохотливым и не трусливым. К тому же немного болтал по-русски. Он полагал, что его плен продлится суток пять-семь.

— Ваш бункер скоро капут. Ам-ам, нету! — немец выразительно выставил живот и похлопал по нему рукой.— Ви сами плен!

Оказалось, что дот блокировали две вражеские пехотные роты. В перестрелке они потеряли шесть убитых

и около десятка раненых. По словам пленного, панцирные дивизии немцев прорвались далеко на восток, обошли Минск и наступают на Смоленск.

Пленного увели. Майор задымил папиросой.

— Давай, лейтенант, думать.

Решили выждать еще несколько дней. Но немцы сократили этот срок. На следующее утро подошла фашистская машина с громкоговорителем. Голос с сильным немецким акцентом стал надсадно кричать откуда-то из ложины:

— Русские солдаты! Командование дота! Ваше сопротивление бесполезно! Вы голодаете! У вас мало патронов! Вы в мышеловке! У вас один выход: сложить оружие. Мы вас не тронем. Отпустим домой Русские! Будьте благоразумны! Пожалейте своих матерей. Высылайте парламентариев для переговоров! ✓

Майор угрюмо процедил:

— Пушку бы нам. Хоть одну. Я бы этому соловью ответил.

А голос все бубнил:

— Мы подтянули артиллерию. Не сдадитесь — уничтожим! На размышление — один час! ✕

Угроза оказалась не пустой. Где-то рядом заухали орудия, и тяжелые снаряды стали долбить бетонные стены дота. Его казематы заполнились пороховой гарью. Пушки били часа три. Едва улегся гул разрывов, тот же каркающий голос завел прежнее:

— Русские солдаты!.. Командование дота!..

Дот молчал.

Наблюдая из амбразуры, Узденов доложил майору:

— Ни одной видимой цели. Прячутся, собаки. Похоже, правду сказал пленный. Мы глубоко в тылу врага. Подмога к нам скоро не подойдет. Продукты кончаются, воды осталось по котелку на отделение. Солдаты теряют силы.

— Согласен с тобою, друг,— ответил майор.— Под утро пойдем на прорыв, ночью нужно взять «языка».

Пленный достался тяжело — потеряли трех своих солдат. Фашисты были насторожены. Пленный немец отвечал неохотно. Сказал, что огонь ведет дивизион тяжелой артиллерии и что с утра пушки ударят снова.

На ночь людей накормили: досталось по доброму ломтю хлеба с копченой колбасой и по глотку воды — остальную берегли для пулеметов. В два ночи уровцы вышли из дота, развернулись для полевого боя. Коротким ударом смяли вражеское оцепление и обрушились на позиции гитлеровских артиллеристов. С ними схватились обстоятельно. Немцы спали, точно на курорте, и не успели очухаться. Уровцы по их позициям прошлись плотной метлой. Несколько вражеских пушек взорвали. Разнесли бы все, но надо было спешить. Без боя прошли верст десять до сосновой рощи. Укрылись в ней, так как начало светать и нужно было осмотреться, провести разведку. Но отдельная рота — это не иголка. Немцы выследили и снова взяли ее в кольцо.

— Тут и стоять будем! — сказал майор. Прислонившись к сосне, он смотрел в бинокль. — Фашисты пушки подтянули... До батальона пехоты, две артбатареи... Будет дело!

Азрет рядом, в окопчике, из-за щитка «максима» просматривал сектор обстрела. Отозвался:

— Сейчас вылезу!

Оглушительно рвануло. Азрет инстинктивно вжался в окопчик. Поднял голову. У пулеметного щитка, дикая в своей нелепости, лежала рука, зажавшая мертвой хваткой пустой сплавившийся серебряный портсигар. Все, что осталось от сумрачного, но душевного майора. Руку так с тем портсигаром и похоронили. ✓

Бой закончился ночью. Уровцев осталось человек соток. Перед их позициями вражеские трупы лежали один

на другом: пулеметчики и стрелки укрепляйона — мастера огневого дела.

Ночью пошли в атаку, снова прорвались верст на двадцать. От немцев оторваться не удалось. Они шли по пятам. Снова бой. Отбивались, экономя патроны. К вечеру, кроме тяжелораненых, осталось десятков бойцов, тех, что еще могли передвигаться. Они вышли из вражеского кольца и на руках вынесли своего командира. Узденов хрипло стонал, на губах пузырилась кровавая пена, у него несколькими пулями была прострелена грудь.

— Не жилец на свете наш лейтенант, — сумрачно сказал один из солдат на привале. — Что делать будем?

— Умрет — похороним, — хмуро отозвался другой. — Повоевал он на совесть!

— Я не о том. Где фронт? Как пробиться к своим? Отощали, патронов нет!

Солдат, что был постарше, опытнее и злей, объяснил:

— Такая она, солдатская жизнь. Часом с квасом, а в другой и голова в кустах... Надо к народу ближе. И обстановку выясним и похарчуем. Да и лейтенанта пристроим, глядишь, и выдюжит. Не из слабаков!

Шли лесом. Добрались до опушки, рядом — деревенька десятка в три хат. Залегли. На околице показалось двое белоголовых мальцов. Идут к лесу. Когда поровнялись, их негромко окликнули:

— Не бойтесь, ребятки. Мы свои, русские.

Ребята и не думали пугаться. Подошли. И, видно, уже поднаторели, не стали ожидать вопросов.

— Здравствуйте. Немцев в нашей деревне нет. Мы сейчас мамку позовем. Отец воюет.

Прибежала женщина лет сорока.

— Побудьте в леску до ночи. Оно надежней. А я баньку подготовлю, по соседям одежду соберу. А хлеба да сала сейчас с мальцами пришлю.

— Ото дело,— обрадовался один из солдат.

— Срам и позор,— хмуро отрезал другой, тот, что обещал похоронить своего лейтенанта, если он помрет. А сам шел ровным шагом, бережно неся на самодельных носилках умирающего командира, и отказывался от подмены. Дескать, выдюжу!

Лейтенант Азрет Узденов так и остался в этой деревеньке. Она называлась Кожево. Их, таких же обреченных на смерть, крестьяне приютили многих. Люди Белоруссии прятали тысячи воинов, выхаживали до того часа, когда пошел гореть-полахать по полям и лесам буйный партизанский костер.

Красноречивые цифры в своей книге «Партизанская республика» приводит П. З. Калинин, в те годы начальник штаба партизанского движения Белоруссии и секретарь ЦК Компартии Белоруссии. Свидетельство такого человека вдвое дороже. Многое еще мог бы рассказать коммунист П. Калинин. Но его уже нет. Вот эти слова:

✓ «В партизанской борьбе на территории Белоруссии участвовало около 370 тысяч человек... Свыше 11 процентов составляли военнослужащие» ✓

Это значит, что военных среди партизан было свыше сорока тысяч. Большинство из них — воины потерпевших поражение в пограничных боях армейских частей. В партизанские отряды пришли из белорусских хуторов и деревень. Они, солдаты, верные своим боевым знаменам, не были побеждены. Многие после тяжелого ранения белорусы вырвали из лап смерти. Другие, хоть изможденные и бессильные, брели туда, куда звал высокий воинский долг — ответственность за Родину. Брели туда, где должна была быть линия фронта, чтобы встать в строй. Обессиленные падали на этой — не повторись она больше! — дороге. Таких белорусы поднимали, выхаживали, ставили на ноги. Солдаты не остались в долгу: они снова пошли в бой за свободу Белоруссии, народ

которой помог им, горемыкам, вернуться в строй, сохранить чистой солдатскую совесть. Одним из сорока тысяч был Азрет Узденов, учитель из карачаевского аула Каменномост.

❧ Какими словами выразить сердечную благодарность за твой великий подвиг, скромный и мужественный белорусский народ? ❧ Немецкие порядки известны: ❧ «За укрывательство красноармейцев — расстрел! Дом и имущество укрывателей подлежат огню!» ❧ Такие приказы объявлялись на деревенских сходах, вывешивались на стенах управ. Гитлеровцы расстреливали тысячи людей, сжигали крестьянские хаты и деревни. Спасая попавших в беду воинов, белорусы нередко погибали сами, но солдат и офицеров Красной Армии на расправу врагу не выдавали. Никого. Ни бурят, ни карелов, ни черкесов, ни удмуртов. Оберегали всех.

Братья белорусы, дорогие сестры! Глубокий русский поклон вам. Нет той силы, чтобы заставить людей забыть ваш подвиг. Он уже стал достоянием и гордостью всей нашей необъятной страны. Честь вам! Слава вам! Знайте, что люди восхищаются вами!

❧..В феврале 1943 года партизанский взвод лейтенанта Узденова за Неманом «столкнул» под откос фашистский эшелон, уничтожил до сотни фашистов и задержался, собирая оружие. Оно было необходимо тем, кто тоже рвался в огонь. Был приказ: оружие собирать. Винтовки и патроны доставались ценою крови.

Гитлеровцы настигли взвод Азрета Узденова. Сутки, лежа в ледяной снежной каше, партизаны вели бой. Январь был метельным, снежным и мокрым. Снегами Белоруссия вообще не обижена. А в тот год в феврале стали перепадать дожди. Снег набряк влагой. Под снежной шубой потекли ручьи. И в этой ледяной купели Азрет и его партизаны лежали часов тридцать.

Партизанский взвол устоял. Азрет доложил командиру отряда о выполнении приказа, зашелся в приступе кашля и, отирая с губ кровь, медленно стал оседать. Его подхватили. Отрядный фельдшер, прижав ухо к груди Азрета, покачал головой.

— Плохо. Двустороннее воспаление легких.— И, отерев кровь с губ лейтенанта, добавил:— У него еще и раны открылись.

Барановичский обком партии тогда уже имел порядочные силы. В глуши Ивенецко-Налибокской пущи (ныне это Минская область) находился партизанский госпиталь. Его начальник — врач Александр Самуилович Тайц — сейчас он живет в Минске. — встретившись с командиром партизанского отряда бригады имени Чкалова Курманом Кипкеевым, остановил его.

— Здравствуйте, командир. Есть разговор. У меня уже месяца два лежит ваш земляк. Да-да. Самый настоящий. Карачаевец, друг мой. Он из бригады имени Жукова. Говорит, что учился вместе с вашей сестрой в Карачаевском педагогическом училище.

Тайц не спешил. Курмана Кипкеева он знал хорошо, доверительно сообщил ему:

— Плох ваш земляк. Очень плох. Острая форма туберкулеза с кровохарканьем. Плюс простреленные легкие. Отправим на Большую землю при первой возможности... А нужно отправлять незамедлительно. Ваш земляк в шалаше, вон там...

Извинившись, Кипкеев быстро шел, почти бежал по тропе.

В шалаше на топчанах (жерди, одним концом прибитые к соснам) лежало двое партизан: москвич Петр, тоже из армейцев, и Азрет Узденов.

Курман обнял обоих, присел к Азрету.

— Яман. Коп яман.— Азрет сразу же перевел свои слова на русский для Петра:— Плохо. Нет сил.

Говорили долго. Азрет ободрился, порозовел. Встреча с земляком — это же счастье!

В своем штабе Кипкеев приказал вызвать старшину роты Иванова. Старшина славился домовитостью. Он мог найти все что хочешь.

— Старшина! — сказал Кипкеев. — Умирают два орла. Нужны мед, масло, ветчина, белый хлеб.

Старшина Иванов — он был одет не хуже командира отряда — сдвинул офицерскую «пилотку» на лоб.

— Сам есть не буду, командир, обмотки надену, — старшина хлопнул по сверкающим хромым сапогам. — Масло есть, мед есть. Будут и белые булки. Старшина Иванов не посрамит наш отряд, товарищ командир.

Иванов выполнил обещание. Первая рота партизан-кировцев взяла шефство над тяжелоранеными партизанами лесного госпиталя. Раненые стали поправляться.

Но самолеты с Большой земли задерживались. Гитлеровцы предприняли очередную карательную операцию. Пушу обложили вражеские дивизии. Их поддерживали танки и авиация.

В третьем томе «Истории Великой Отечественной войны 1941—1945 годов» об этой операции (а она была одной из самых кровопролитных) говорится:

«В начале июля 1943 года, сосредоточив более 50 тыс. солдат и офицеров под командованием генерал-майора полиции фон Готтеберга, оккупанты предприняли наступление против барановичских партизан в Ивенецко-Налибокской пуше. Напряженные бои длились 35 дней».

Гитлеровцы окружили и прочесывали пушу, партизанские отряды были зажаты и по планам, разработанным в Берлине, обречены. Им грозила гибель. Берлинские планы — это танки и бомбы. Опасность была большой. Выход был единственным: рвать кольцо враже-

ского окружения. Подпольный обком партии принял решение атаковать карателей. Кипкеев забежал в шалаш к земляку.

— Азрет, друг. Мы идем на прорыв. Хочешь с нами?

Узденов свесил ноги со своего топчана. Пошатываясь, встал. Рослый, тонкий, прозрачный от источившего его недуга. Выдохнул:

— Куда мне... друг, Курман? Мы солдаты... Скажу правду. Меня и твой мед мало выручает... Плохи дела... У меня «ТТ», у тебя тоже... Дай обойму. Солдаты знают, как умирать. Последнюю пулю сберегу для себя.

Кипкеев неверной рукой нашарил кобуру своего пистолета, вытянул запасную обойму, обнял Азрета. Плечом к плечу постояли. Азрет сказал:

— Прощай, друг... Тебя ждут люди... Иди, командуй... Не забывай!

— Занимайся делом, командир, — сказал второй раненый, москвич Петр. — Я без ноги. И мне не вернуться домой. Попадешь в Москву — на Заставе Ильича меня ждут мать и невеста... Уходи... Сердце горит... Вам нужно вырваться и вернуться... Нас с Азретом задешево не возьмут. У меня автомат и два диска... Пусть потом... Да что там, не поминай лихом, друг... Прощай!

Словно слепой, натываясь на сосны, шел Кипкеев к своему отряду. Вытирал глаза и, прижимаясь к шершавым стволам, сдерживал рыдания.

Все это стало известно совсем недавно. В партизанской учетной карточке Азрета Узденова записано: «Отправлен на лечение». И все. Куда? Когда?

Но воины, даже и погибшие десятилетия назад, оставляют о себе память.

Тяжело припадая на правую ногу — у него вместо ноги протез, — ректор Карачаево-Черкесского педагогического института Курман Кипкеев проходит к окну. Случайно завязался этот разговор. Курман Рамазано-

вич, как и многие ветераны войны, сдержан в рассказах о своих боевых делах. А он тоже немало и храбро воевал.

Карачаевск — городок, находящийся в сердце Кавказского хребта, окружен ожерельем скал. Под лучами щедрого южного солнца он сверкает зеленью садов, голубеет ясным небом. Здесь находится областной педагогический институт.

— Ровно четверть века назад это было. Азрета помню и не забуду. Все способные двигаться раненые тогда тоже пошли в бой, а тяжелораненых спрятали на островке, прикрытом трясиными. Подходы к острову заминировали, оставленным на всякий случай дали оружие, хотя мы и надеялись, что их не найдут. Был приказ обкома сделать все возможное. Но овчарки тот островок отыскивали...— Курман Кипкеев отходит от окна и снова возвращается.— Война это война. Но фашисты не признавали и норм войны.

...Говорит начальник партизанского госпиталя, ныне главный врач одной из минских больниц, Александр Тайц:

— Среди раненых были нетранспортабельные. Их нельзя было ни вывозить, ни выносить.— Тайц потирает левую сторону груди, морщится от боли.— Что можно было в той обстановке сделать? Отыскивали окруженный трясиными, казалось, недоступный островок. Взрывали сосны, в ямах у комлей прятали раненых. Надеялись, что они уцелеют. Хотя бы некоторые. Мы пробивались из окружения тяжело. Раздали все оружие, с винтовками шли медсестры и наши добровольные помощники белорусские мальчуганы — золотой народ, братья милосердия. Многих недосчитались после прорыва — тоже погибли. В пущу вернулись скоро. Партизанские бригады после тяжелых боев заставили карателей уйти и снова сосредоточились на своих прежних базах. Но перед этим

эсэсовцы с овчарками прочесали наш бывший лагерь, отыскиали они и островок, где мы спрятали тяжелораненых. Хоронили мы окровавленные обрывки одежды, истерзанные останки. Похоронили и останки Азрета и его товарища Петра. Никто из оставленных не уцелел. Немцы отыгрались на раненых.— Тайц опять хватается за сердце, поворачивается к медсестре. Та протягивает мензурку с желтоватыми каплями. Тайц, морщась, глотает их, смущенно оправдывается:—Такой разговор труднее самой тяжелой операции. Сердце после инфаркта — что решето. Вы уж извините старика. То, что довелось увидеть на острове,— это был ужас.

Я снова в Карачаевске. Тих и красив этот городок. Встречаюсь с Курманом Кипкеевым, рассказываю ему о разговоре с Тайцем. Из наших земляков Кипкеев последним видел Азрета Узденова.

— Вы спрашиваете, мог ли Азрет Узденов уцелеть? Прочесывание вели немцы с черепами на мундирах. Эсэсовцы... Зверь скорее может пощадить человека!

Кипкеев не преувеличивает. Гитлеровцы уничтожили миллионы людей. Прощаюсь с Курманом, выхожу в зеленые аллеи Карачаевска. Солнце. Несущий прохладу вечных снегов ветер с гор, непередаваемый аромат лета. Иду к автостанции, где рядом — протяни руку — шумит Кубань, а за нею аул Каменноост, родной аул Азрета Узденова. Там его мать и на смертном одре ждала весточку о сыне, пропавшем без вести.

Трудны боевые дороги. Не все вернулись домой, хотя бы траурными извещениями «В бою за Родину, верный воинской присяге...».

Долгие годы для любящих сердец пропавшим без вести числился Герой Советского Союза, партизан Белоруссии — наш земляк Осман Касаев. Он стал славой Могилевщины. Много пропало без вести в первые меся-

цы Великой Отечественной. А они соколами гибли на полях боев, смертью героев легли в тылу врага на боевых тропах белорусских, украинских, смоленских, брянских партизан. Жестокое это дело — война. Нам ненужное. Но... хочешь мира — готовься к бою! Годы пропавшим без вести числился комсомолец Володя Дзанаев из села Коста Хетагурова, а он героически сражался в партизанском соединении Александра Сабурова и погиб героем.

В своей семье до сих пор без вести пропавшим числится воин Аджиев (учетная карточка № 2582). Аджиев убит в бою 19 сентября 1942 года. Он, видимо, был одним из первых окруженцев, снова ставших в армейский сражающийся строй, воевал в партизанском отряде «Неуловимый» Витебской бригады Прудникова. В карточке нет ни имени, ни отчества, не указан адрес родителей. А где-то отец и мать томятся и мучают себя горькими думами о сыне.

Может быть, и сейчас неизвестна близким судьба Домбизулы Корнеевича Каракетова, ефрейтора Красной Армии. Он сражался в составе 152-го партизанского полка Могилевской области. Пал на поле боя 6 мая 1943 года, похоронен в Усакинских лесах, в деревне Гоноратово.

Нет данных и о судьбе Николая Андреевича Шоштаева, 1920 года рождения, комсомольца из аула Каменномост. Конечно, Николаем Андреевичем он назвал себя в партизанах. В отряд имени Суворова Николай Шоштаев прибыл 4 февраля 1943 года. В учетной карточке записана национальность Николая Шоштаева — карачаевец. Это наш земляк. В ауле Каменномост, в Карачаевске, и сейчас живут Шоштаевы. Говорил я со многими. В их семьях есть и погибшие в боях и пропавшие без вести. Николая Андреевича Шоштаева не знают. Кто же он? И у партизан без вести пропадали

группы, уходившие на задания, в гитлеровских застенках безымянными гибли партизанские разведчики и диверсанты. Многие достойные сыны Родины пропадали без вести.

Есть памятники неизвестному солдату. Они воздвигнуты сердцами народными. Будут памятники и неизвестным партизанам. Война не щадила никого: ни юных, ни седобородых. И если армейские законы жестко определяли возраст и физические возможности воина, то в партизаны шли, не проходя медицинских комиссий. И те, кто к военной службе не пригоден. Били врага и гибли сами. Нередко безвестными. Шли и воины после тяжелых ранений, те, которых придирчивые военные медики в лучшем случае отправили бы в далекие тыловые части. И они тоже громили врага. Да еще как! Народная война. Гитлеровские недобитые генералы, всемерно пытающиеся извратить историю Второй мировой войны, и те сквозь зубы, но признают огромный размах партизанского движения на оккупированных немцами территориях Советского Союза, удивительную стойкость и мужество народных мстителей.

Но как мало мы еще знаем о партизанских былях и безвестных солдатах без военной формы. А они во имя Родины совершали невозможное.

Не думай, друг читатель, что это наказ ветеранов боев или нетленные голоса погибших за солнце над твоей головой, за твое счастье. Это истина. Она прозрачней капли родника.

Без истории и традиции нет народа. Без народа нет настоящих людей и светлого — к нему каждый стремится — человеческого счастья. Доброе имя погибшего отца — это право его детей, его народа на уважение и свободу.

Не все пропавшие без вести гибли безымянными. Вычеркнутые из армейских строевых списков многие

воины снова и снова возвращались в строй. Бывало, что и похоронные извещения приходили. Бывало.

«Ваш сын Ахмед Ильясович Алимов пропал без вести...».

Вроде бы и одного такого сообщения достаточно, чтобы списать человека. Это не так. Военные штабы и командиры отвечают за судьбу каждого солдата. Пропавших без вести не должно быть. Правда, пусть и горькая, должна быть исчерпывающей. Штабы и командиры ведут настойчивые поиски, до деталей выясняют обстановку.

Штаб батальона, ротный, непосредственные начальники Ахмеда Алимова — взводный и отделенный командиры опросили тех, кто был рядом с Алимовым в его последнем бою. Очевидцы утверждали, что его накрыло миной в атаке. Когда отошли, подобрать не успели. После второй атаки наши передовые цепи залегли в пяти-шести метрах от места, где упал Алимов. Впереди все было перепахано снарядами и минами. Он лежал не шевелясь, на полосе, простреливаемой и нами и немцами.

Первое сообщение дополняется вторым:

«Ваш сын Алимов Ахмед Ильясович, верный долгу и воинской присяге, пал смертью храбрых...»

А мы беседуем с Ахмедом Ильясовичем в его родном ауле Карамурзинском, по солдатской привычке крепко дышим уже не самокрутками, а модными сигаретами с фильтром. Если б всегда сыны и отцы возвращались под родной кров!

Встреча у нас не случайная. Собеседник интересный.

Гостеприимный стол накрывает Асият Титавна Кужева, она из старинного абазинского аула Апсуа, уже в годах. Разговор идет в ее доме. Я приехал по делам. Асият Титавна в прошлом разведчица Икон-Халкско-

Кувинского партизанского отряда, действовавшего в горах Карачаево-Черкесии.

Их молодость прошла сквозь огонь боев, грелась у партизанских костров, одевалась в армейские шинели и партизанские ватники.

✓ Своими традициями славен род Алимовых, а семья Кужевых — гордость Карачаево-Черкесии. Ее глава — Тита Кишевич Кужев еще в годы гражданской войны водил знакомство с дорогими сердцу каждого ставропольца Яковом Балахоновым и Ваней Кочубеем. В начале тридцатых годов Тита Кужев организовал один из первых в Черкесии колхозов, долго был его председателем, потом был избран головой аульного Совета депутатов трудящихся. Прожил он более 80 лет и всю долгую свою жизнь трудился для людей и семьи.

✓ Двух дочек и трех сыновей вырастил Тита Кишевич. Рамазан, Абдулах, Сафарби — опора и гордость отца.

Военком Черкесской автономной области, комэск Рамазан Титавич Кужев был убит бандитами в 1930 году под аулом Али-Бердуковским, когда скакал к окруженным его отрядом бандитам, надеясь правдивым и честным словом уговорить их сложить оружие и вернуться к семьям, труду. Комэска Рамазана Кужева убили из засады.

✓ Комиссар стрелкового батальона Абдулах Титавич Кужев, до войны первый секретарь Хабезского райкома партии, погиб 18 ноября 1941 года при наступлении советских войск под Москвой, в бою за деревню Агафидово.

✓ Младший и последний сын Тита Кужева — Сафарби в семнадцать лет добровольцем ушел в военное училище. Восемнадцати лет лейтенант Кужев принял взвод и в тот же день повел его в бой. Сражался за Белоруссию, отстаивал город Ленина. В девятнадцать лет офицер-юнец с очень редкой в начале 1942 года наградой — ме-

далью «За отвагу» стал командиром стрелкового батальона.

«Верный воинской присяге, командир стрелкового батальона капитан Кужев Сафарби Титавич в боях за Ленинград...»

Тита Кишевич перенес и этот беспощадный удар. Побелели и голова и брови. Медленнее стал шаг, глуше голос.

Ахба — так в абазинских аулах именуют старейшин, уважительно уступали дорогу отцу трех офицеров-героев, осторожно намекали, что разделяют его горе. Очень уж молодыми погибли сыны Титы.

Но у горцев законы тверже гранитных скал. Оплакивать имеют право матери, жены, сестры, дочери. Мужчины не показывают своих чувств.

Уважительно ответив на приветствие, Тита Кужев (в горах и к столетнему обращаются по имени) продолжал свой путь.

Вырастить и потерять трех сыновей, что может быть горше?! Нужно жечь горем самого себя и не показывать вида. Суровы традиции гор. Безжалостно, позором и изгнанием карают они трусов и предателей. Но так же, как и законы Советской Армии, возвеличивают дружбу, боевое побратимство, верность Родине. И люди гор бились за Беларусь так же, как стали бы драться за родной, неприкосновенный для врага дом.

В ауле Апсуа, недалеко от крупного Эркен-Шахарского сахарного завода, есть школа имени братьев Кужевых. Мальцами переступили ее порог Рамазан, Абдулах, Сафарби. Давно это было. А сейчас в школе, порог которой переступают сотни ребят, им тоже идти в жизнь на труд и подвиги, — портреты погибших офицеров-абазинцев. Четкие, мужественные, словно для медалей, лица. Что ж, братья Кужевы заслужили и медали и бессмертие.

✓Асият Кужева шла тем же героическим путем. Нужно было — стала партизанкой. Разведчица, взявшая двух фашистских лазутчиков, еще до захвата гитлеровцами Черкесска.

Пройдя сквозь вражеские заставы, в ноябре 1942 года — страшный был тот месяц, хозяйничали фашистские оккупанты — Асият в доме отца увидела двух перебинтованных русских парней. Отец знал, что его дочь — партизанка, предупредил ее:

— Ася, это русские солдаты. Один — москвич, другой из Белоруссии. Были ранены. Выходим. Не беспокойся о них. В ауле сама ты не показывайся. Лютует фашист...

Отец, такой родной и добрый, еще год назад выглядевший крепким дубом, сильно сдал, побелел, говорил медленно, напряженно. Мокрые щеки свои Асият долго потом вытирала рукавом партизанской «стеганки». Горькое предчувствие не обмануло ее — отца тоже вскоре не стало.

Людские судьбы переплетаются теснее корней деревьев в вековечном лесу. Дремучие пуши Белоруссии и открытая взорам, ослепительная правда наших навечно заснеженных гор. Две мелодии одной и той же песни о Родине, вечной любви к отчей земле.

Отысканы славные боевые пути армейцев Рамазана, Абдулаха и Сафарби Кужевых. Для областного краеведческого музея необходимы снимки семьи Кужевых, мемориалы — так музейные работники называют личные вещи и документы людей.

Асият Титавна ищет семейные альбомы. В них должны быть фотографии и документы. Мы с хозяином дома, дружно приправляя каждую фразу клубами табачного дыма, беседуем. Я говорю о партизанах Белоруссии.

Слушая гостя и не давая костру погаснуть, Ахмед

Ильясович поддерживает разговор. Мне понятна сдержанная уважительность черкеса. Перед ним — гость, боевой соратник.

Но уж слишком сдержан в разговоре Ахмед Ильясович.

Я много говорил о Белоруссии. Трудно устоять против ее очарования. Хвалил Минск и отзывчивость жителей столицы Белоруссии, умеющих остановиться на бегу, ответить на твой вопрос, подать руку дружбы.

Ахмед Ильясович беседу поддерживал взглядом, репликами — поиски альбома затянулись. Потом буднично проговорил:

— Я воевал в составе советских войск за белорусскую землю. Попал в окружение. С октября 1943 года до полного освобождения Белоруссии был бойцом партизанского отряда имени Дзержинского Барановичской области. — Помолчал, сделал две-три затяжки, сказал: — Ваши слова о белорусском народе мне слышать радостно. Это правда. Неприкрашенная, настоящая. В Белоруссии у меня дорогие друзья. Далеко мы. А сердцами рядом. Вы снова собираетесь туда?

Я молчу. Сказать: «Нет, не собираюсь», — это будет неверно. Задумано много, сделано куда меньше. Неопределенно отвечаю:

— Хотелось бы.

Сейчас уж беседу вести хозяину дома. Он уважителен, умеет смотреть вперед, понимает, что к чему. Я жду рассказа о партизанских делах Ахмеда Ильясовича. Но горцы не любят говорить о себе.

Собеседник переводит разговор на урожаи. Рассказывает о колхозных делах. О боях в партизанском отряде — ни слова. Что мне делать? Самое разумное — это написать людям из белорусского партизанского архива письмо с просьбой сообщить, как воевал партизан Ахмед Алимов за Белую Русь. Что он сделал? Ведь он,

пропавший без вести,— не пропал. Он, погибший во имя Родины,— жив. И его армейские боевые дела дополняются партизанскими.

Так и делаем. Ответ приходит скоро. Белорусские товарищи подтвердили: да, был у них такой партизан, воевал вместе с ними, воевал честно. Приложили характеристику на командира партизанского отделения А. И. Алимова.

Партизанская характеристика на Ахмеда Ильясовича тоже в этой книге. Вы ее прочтете. Он не пропал без вести и не погиб. И во славу Родины бил немцев в партизанах.

У Ахмеда Ильясовича обычная горская семья. Скромная, душевная. Нелегко досталось счастье солдату и партизану. Винтовка — это не лопата и не отбойный молоток.

Нелегка для солдата и мирная, так называемая действительная служба. А военные годы? Редкий отдых в медсанбате или госпитале после ранения, и снова атаки да контратаки, визг пуль и стальных осколков. И смерть, не дающая отсрочки.

Пороховая гарь — тоже не фиолетовые дымки Архызских или Домбайских ущелий. А он, один из уцелевших ветеранов Великой Отечественной, не жалел сердца и крови на своем боевом пути. Звонкое, да только нелегкое у солдата счастье.

✓ Значит, и пропавшие без вести возвращаются к жизни и солнцу ✓

Если бы это всегда было так!

Но долго, ох как еще долго мы будем хоронить останки безвестных героев, долго еще штабы будут искать солдат, заслуживших ордена и медали на поле боя и не получивших их.

Когда-то на фронте пели, адресуя тоску о нежности верным сердцам:

Если лягу в бою,
Спой мне, милая,
Над могилою
Про Отчизну мою.

Есть в Белоруссии и на полях русских равнин под ветрами и весенними ручьями тающие безымянные холмики со скромными памятниками и без обелисков. Подойдите к ним. Теплыми руками согрейте холмики. Под ними — сердца, отданные народу. Сердца воинов, отданные тебе, будущему, вам, люди!



ACKER

Соратники о нем рассказывают легенды.

Анатолий Бархозов... Минута молчания, солдатское скупое раздумье об ушедшем из жизни, и улыбка невольно раздвигает губы собеседника. Толик... Для него не было невозможного. Зимой 42-го у карателей командира утащил...

Федот Подольян, партизанский комбриг, затем секретарь Быховского подпольного райкома партии несколько раз медленно проводит рукой по серебру виска.

— Аскер... Такие люди не забываются. Смелый командир с острым глазом и ясной головой в бою. Поначалу заносило: мог на фашистский танк с пистолетом полезть. От храбрости это было, от ненависти к врагу. Помню его со дня прихода в бригаду. Взводный, ротный командир. Жаловаться не умел. Скромный, выдержанный. За помощью если и обратится, лишнего не попросит. Много раз и друзей и отряд выручал.

В зиму 1942—1943 годов трудно приходилось партизанам. Картошка без соли, да и ту надо доставать, рискуя головой. Полицейские гарнизоны мы еще не успели повыбивать... Одеты — кто во что, и все изношенное, рваное. Полушубки с плеч на плечи ходили — надевали те, кто шел на задание. Йоду залить рану, и того не хватало. А декабрь да январь вьюгами крутят, снегами сыпят. Морозы жмут, только сосны в пуще трещат. Люди обессилены, мерзнут, болеют. А главное — оружия мало. Живем за счет трофеев. Многие тогда приуныли. Аскер и виду не подает, хотя нога у него после ранения болит, а сам он еще слаб. И проводит одну за одной операции. Разгромил фашистское поместье — доставил пять саней с продовольствием. Из засады атаковал группу фашистов, отбил у них обоз с теплыми вещами, похватал полицаев. И с каждой операции — две-три винтовки, подсумки с патронами, а иногда и повесомее.

Аскер попал в отряд Максимова, человека строгого,

даже прижимистого. А тут, что ни совещание, Максимов хвалит Бархозова, заставляет его опытом делиться — других командиров партизанскому уму-разуму учить. На моих глазах партизанским вожаком стал Аскер. В 1942-м около месяца в помкомвзвода ходил, присматривались, каким он будет командиром в новой для армейца обстановке. В январе 43-го назначили взводным, весной дали роту, а летом поставили командиром отряда. И не ошиблись. Умел воевать!

С товарищами Аскер всегда вместе. Народ из окрестных сел его любил. У Бархозова в каждой деревне хорошие знакомые — батьки, мамыши, кунаки, братушки. Старики белорусы по всем своим делам шли к нему. Они его и перекрестили в Толика. Так сердечно и почтительно встречать старых людей может только горец. И нам он дорог был.

Федот Прокофьевич смотрит куда-то в глубь себя. Негромко продолжает:

— Нет с нами Аскера. Десятилетия прошли. Годы свое дело знают — идут все быстрее и быстрее. А встретимся мы, партизаны, каждый из нас о нем думает или говорит... Я с дорогой душой расскажу все, что знаю о боевых делах Аскера, а потом припомню что, запишу и пришлю.

Вот так оно и получается, что давно уже нет человека, а он рядом, в сердцах и памяти друзей.

* * *

Захват командира карателей сам Аскер не считал боевым или выдающимся эпизодом. Пришел в деревню отряд гитлеровцев во главе с полицейским майором. Штаб разместился рядом с домом вдовушки-молодайки, известной на всю округу приверженностью к самогонке и полициям. Для таких было злое и меткое определение — «немецкая овчарка».

Немец и повадился в ее конуру. Чуть стемнеет — шагает в сопровождении солдата. Охранник на пост — зубами клацать, полицай в гости до утра. Его уже ждут: и стол накрыт и подушки взбиты.

Аскера и его напарника каратели застали в деревне. Аскер решил разведать планы немцев, а как действовать — это обстановка подскажет. Народ партизан прячет, связные, не показывая вида, следят за немцами в оба, через местных полицаяв допытываются, зачем каратели пожаловали. А о том, что немецкий командир любовницу себе завел, вся деревня знала.

В тот вечер дверь в хату полицейской зазнобы открылась раньше обычного. Вошли двое в полушубках. В руках пистолеты. Один прошел на кухню, сел на скамейку в угол, чтобы не видно было через окно, второй встал в проем за шкафом рядом с дверью. Трясущуюся от страха хозяйку, предупредили:

— Сиди. Встречай немца, как обычно, приглашай выпить и закусить. Если хоть как предупредишь гостя — первая пуля тебе. Ты ее давно заработала.

Ждать пришлось недолго. Хлопнула дверь, и в комнату прошел невысокого роста немец в шинели. Церемонно поздоровался:

— Гутен абенд, фройлин! — повернулся спиной, снял фуражку, начал стягивать шинель... и мешком сел на пол. Аскер рукояткой пистолета оглушил его.

Немцу заткнули рот, натянули шинель, связали полотенцами руки и ноги и вывалили через кухонное окно в сугроб. Хозяйке тоже руки за спину, привязали к спинке кровати, в зубы еще одно полотенце. Аскер растолковал ей:

— Руки о тебя пачкать не хочется. Живи, если немцев обдуришь. Скажи, кто спрашивать будет, что гость твой после ужина пошел в уборную и не вернулся. А ты ничего не слышала. Резать будут, стой на своем. Около

уборной мы фуражку бросим. Тебе же лучше будет, если фашиста партизаны схватили не в твоём доме. Поняла?

Хозяйка дома несколько раз утвердительно кивнула головой.

— Ну, тогда понемножку распутывайся. Мы связали тебя легко.

Захватив фуражку гитлеровца, Аскер и его товарищи вылезли в окно, с трудом вытащили из сугроба немца, взвалили его на плечи и задами от хаты потащили к лесу. Злая декабрьская метель настрегивала сугробы, сплошной стеной крутила сухой и колючий снег. Немца можно было тянуть и по улице. Вся деревня сидела по домам. Немногие часовые, с головой укутавшись в тулупы, искали защиты от валящего с ног бурана у крылечек, в сенцах хат.

Отдуваясь под нелегкой ношей, метров через двести Аскер заметил, что немец слишком уж молчалив и неподвижен. Остановились. Аскер выдернул у немца из рта кляп, развязал ему руки и ноги, полотенца — в карман: в таком буране кричи во всю глотку, рядом не услышать. А немца тащить по сугробам не под силу. И сам пойдёт.

— Вставай,— толкнул лежащего сапогом Аскер.

Немец молчит и не шевелится.

— Вставай, черт! — Аскер чувствительно пнул фашиста в бок. Никакого результата.

Слабаком оказался тот немец. Аскер оглушил его на совесть, но рукоятку своего «ТТ» обмотал полотенцем — ими все стены хаты были увешаны. Убить вроде не мог. Может, немец задохнулся в сугробе — свалился он носом вниз? Возможно, сердце не выдержало? Гадать бесполезно. Брали важного «языка», а тянутдохлого, никому теперь не нужного гитлеровца. Обыскали карманы: пистолет, ножичек для чистки ногтей. Ника-

ких документов нет. Да и какой дурак, отправляясь на гулянку, берет с собой карты или докладные?! Немца так на опушке и оставили. Даже шинель с него не сняли. Аскер только пистолет вынул из кабуры. И снова вернулись в деревню. Явка была надежной.

Конец этой истории оказался до удивления прост.

На следующий день к обеду гитлеровцы забегали. Начали поиски пропавшего. Приказали выходить и местным жителям. Нашли фуражку, а поближе к лесу и ее хозяина. Лежал он под слоем снега. И в немецком штабе после долгого и пристального допроса бабенки, у которой он был, решили, что она говорит правду. Выпил фашистский начальник, вышел до ветру и заблудился. Выюга. Плутал, выбился из сил, ну, и замерз. А в ту зиму немцев замерзало немало.

Объяснение было удобным. За начальника и его подчиненным дали бы. А тут никто не виноват. Да и деревушка вроде спокойная, партизаны, они где-то рядом, но в деревне — все утверждают — их не видели. Фрицевскую-то подстилку, хоть и сильно помятой, но выпустили, и она потихоньку куда-то исчезла.

Аскер и его напарник о своей рискованной и практически бесполезной операции помалкивали. Утащили гитлеровского начальника — это хорошо. А толк-то от этого? Но откуда-то кое-что просочилось. И у лесных костров нет-нет за самокрутками пойдет байка, как в этих вот местах, «слышал от самого участника», двое партизан выкрали гитлеровца в больших чинах с важными бумагами.

Аскер в этих случаях отмалчивался. Краток был и обосновывая попытку с пистолетом захватить вражеский танк. Такое тоже было. Но за эти дела с Аскера по-армейски строго и по-партийному безжалостно «снимали стружку». Не только в личной отваге видели боевые достоинства Бархозова его старшие товарищи. Он тол-

ково командовал людьми, умел воодушевить их, повести за собой, добыть победу. Героем Аскер Бархзов был на поле боя. Два случайных, немного анекдотичных эпизода — это всего небольшой штрих к облику героя-командира. Да и относятся они к первым партизанским месяцам Аскера.

Правда была в суровой повседневности, в постоянных испытаниях железом, голодом, морозами. Он выходил из них с честью.

Может быть, долгими зимними ночами, на скрипящей крестьянской лавке, в глухой деревнюшке он, залечивая раны, продумал многие варианты войны в тылу врага. Предлагаемые им планы поначалу казались невыполнимо-дерзкими, а на поверку оказывались наиболее подходящими.

* * *

Белорусский сентябрь по-осеннему щедр урожаями, по-летнему солнечен. Ветер мечтательно шумит вершинами сосен. Луга зеленеют травами, неслышно звенят полевыми цветами с тонким, далеко плывущим медовым ароматом. Знойно жужжат золотистые пчелы.

Таким сентябрь был и в том партизанском 1943 году.

И небо голубое и солнце родное, слепящее. Да застыт народу солнцу фашистские свастики, рвет сердце каркающий говор немцев, до холодной, дикой ярости доводят гитлеровские порядки, утверждаемые в селах Белоруссии черными автоматами, железом вражеских танков, кровью и пламенем сжигаемых деревень. Фашизм никого не щадит. Но люди и не просят пощады.

Белоруссия умеет быть мужественной. Ее народ закалялся веками. С рогатинами ходили на медведя и псов-рыцарей, в топоры брали волков и польских гетманов, на вилы сажали кайзеровских солдат. А сейчас идет, полыхает по окровавленной белорусской земле великая народная война.

Поколения белорусов первыми встречали идущих с Запада захватчиков. И первыми шли на смертную сечу. Может быть, поэтому народ-хлебороб и научился лемеха сохи споро перековывать на копыя.

В подпольном райкоме совещание. Заседают в просторном классе. Когда-то здесь был кабинет физики. Об этом напоминают застекленные шкафы с электроприборами, схемы на стенах. Гитлеровцы не успели разграбить школу. Отсюда их убрали под Новый год, попартизански осмотрительно. Дождались, пока перепьются, оглушили часового, остальных повязали чуть тепленькими.

А сейчас село в центре партизанского района. Его охраняет тысяча народных воинов, готовых каждую минуту вступить в бой с врагом. Гитлеровцы уже дважды пытались разгромить партизан и дважды были отброшены.

Партизанские отряды окрепли. Пора и самим переходить в наступление. Сегодня на повестке дня новая боевая операция — атака станции Тошица.

Докладывает начальник штаба партизанской бригады.

В Тошице немцы отремонтировали лесопильный завод и эшелонами гонят доски и бревна на фронт. В сутки через станцию проходит до двух десятков составов. В районе станции три крупных склада продовольствия, склад обмундирования...

— Да, — не удержался кто-то из присутствующих, — хороша Маша...

Командир бригады Федот Подолян, плотный, спокойный белорус с хитринкой в светлых глазах, улыбнулся:

— Ты, друг, не дразни людей гитлеровскими разносолами. О них наши партизаны знают так же, как мы с тобой. Расскажи о силах немцев и плане разгрома.

— Я, Федот Прокофьевич, и подошел к этому. Стан-

ция имеет для противника важное значение. Она прикрывается дзотами и полицейскими домами-гарнизонами, приспособленными к ведению кругового огня. В каждом таком «домике» — две-три полицейских семейки. Дзоты снабжены пулеметами. Охраняют Тошицу 300—400 гитлеровцев. Мы их давно не трогаем. Атака будет неожиданной. Загвоздка — дзоты с пулеметами. Они между лесом и станцией. В дзотах имеются...

— Надо обдурить немцев, — нетерпеливо подал голос командир 830-го партизанского отряда Аскер Бархозов, чернобровый лейтенант лет двадцати шести с яркими, лучистыми глазами.

— Вот именно что обдурить. А как? — поддержал его комбриг.

— Организовать их усиленное питание.... — в хате от хохота задребезжали стекла. Смеялся и сам Бархозов. Потом попросил:

— Разрешите закончить мысль. Я всерьез. Если и для нас мой план не очень понятен, гитлеровцы тем более попадутся. А предлагаю я вот что...

План приняли.

...Каждое воскресенье на станции — базарный день. Базар и сегодня. К дзотам направляются группы празднично одетых женщин с кошелками в руках. Среди них несколько бородатых дедов. Люди не спеша идут торговать. Мимо дзотов им не пройти. Гитлеровцы этому рады. Яйко, млеко, масло поступают свеженькими. Женщины и деды не особенно торгуются, берут всякие деньги, охотно меняют продукты на сигареты, спички.

Ясное, солнечное утро. Тишина. Прохладный, с запахом хвои ветерок из соседнего леса. Гитлеровцы уже заждались. В прошлый раз крестьянки приходили раньше. Завидев кошелки, немцы вылезают из дзотов, гогочут, машут руками.

Крестьянки с дороги группами идут к дзотам... и с расстояния в пять-шесть шагов, выдергивая из кошелок и юбок пистолеты, колотят немцев без промаха. Некоторые «женщины» и «деды» припадают к земле и ползут на амбразуры дзотов. Они умрут, но приказ выполнят. В амбразуры летят гранаты. Дзоты захвачены в какие-то минуты.

...Отряд Бархозова занял позиции со стороны железной дороги. Шли в обход всю ночь. Форсировали Днепр. Командир выставил часовых и дал приказ отдыхать. Но какой там отдых, если люди рвутся в бой! Из рук в руки переходят единственные в отряде бархозовские часы. Восемь тридцать, восемь сорок. Штурм ровно в девять. Кажется, что оставшиеся минуты на волах едут.

Наконец-то команда:

— За Родину, орлы! Бей гадов! — Бархозов бросается вперед.

Удар средь бела дня неожиданной и страшной ночной атаки. Воскресенье. Часовые ушли с постов. Кое-кто с утра пораньше уже бражничать начал. Сентябрь — месяц богатый.

Партизаны-бархозовцы захватывают казарму полицаев, полицейские дома-гарнизоны, бункер с пулеметом. Гвардия Аскера: Савин, Лазебный, Шутов, Винников с товарищами забрасывают гранатами дзот и три пулемета, бьющие из полицейских домов. Андрюхов, Окулич, Климов, Коваленко врываются в казарму и разоряют полицаев.

Дорога на станцию открыта. Партизаны Бархозова бегут к вокзалу. Позади раздается гудок паровоза и, замедляя скорость, к станции подходит эшелон. Вагоны классные. Вместо проводников — гитлеровские солдаты. Бархозов моментально определяет: эшелон с пополнением на фронт.

— Пулеметчики! — во весь голос подает он команду своим орлам.— Очередями по эшелону... огонь!.. Огонь очередями!

Партизанам ясно: если каждый патрон на счету, то сейчас, видимо, нужно оглушить врага.

По команде партизанского комбрига Подоляна, также моментально оценившего обстановку, с другой стороны на вражеский эшелон обрушивают огонь минометы, две партизанские пушки и пулеметы других отрядов бригады. Ошарашенные фашисты из вагонов бросаются врассыпную. Бархозов — его отряд оказался рядом с эшелонном — машет рукой, кричит: «За мной!» — и бросается преследовать бегущих.

Штаб бригады докладывает Могилевскому подпольному обкому партии: «5.9.43 г. бригада совместным ударом своих отрядов взяла и разгромила станцию Тошица. Уничтожено 6 дзотов с пулеметами, 7 домов-гарнизонов, укрепленная вышка, лесозавод, взорвано 7 железнодорожных стрелок, перебит 201 рельс. Разгромлен подошедший во время операции гитлеровский эшелон с живой силой. Гитлеровцы потеряли 137 солдат и офицеров убитыми, много ранеными. Взяты трофеи, в том числе склад с обмундированием. Станция не действовала более трех суток.

Особо отличились... по 830-му партизанскому отряду Бархозов А., Климов, Савин, Лазебный».

План Аскера Бархозова был реализован полностью.

Аскер Бархозов командовал 830-м отрядом. Он сам организовал этот отряд, сам подбирал в него людей, своих партизан он горделиво и с полным основанием именовал орлами. За каждого готов был в бою отдать свою жизнь, но порядки и дисциплина в отряде армейские, жестокие. Вероятно, поэтому и самый молодой в бригаде отряд воевал так, что и бывалые партизаны руками разводили:

— Везучие вы с вашим Аскером!

Такие разговоры между партизанами не редкость. Бархозовцы в чести и у командира бригады — спокойного, но по-партийному взыскательного майора Подоляна, и в штабе, где их командира, кадрового офицера, уважали за толковые советы, находчивость в бою и армейскую точность в докладах. А это дело немалое. Если Бархозов сообщил, что обнаружена вражеская колонна численностью в 150 человек, то в ней именно 150 человек и есть. Проверять не надо. У Аскера и разведка на зависть другим.

К Аскеру особое уважение и у партизан-белорусов. Их в отрядах на каждую сотню добрых девять десятков. Аскер откуда-то с неблизкого Кавказа. Горец. А по-белорусски говорит — акцента не услышишь.

Люди знали, что старший лейтенант действительно служил в Слуцке, военную школу окончил в Минске, с первых дней войны дрался за Брест, Барановичи, Рогачев, под Рогачевом был тяжело ранен, отлежался в белорусской деревушке. Где-то в лесу. Из белорусов создал свой отряд и вот уже второй год дерется за свободу Белоруссии вместе с ее людьми. А вообще-то он в Белоруссии шестой год. Свой человек. И каждому приятно, когда ты обращаешься к командиру по-русски, а он легко переходит на белорусский язык, шутит, смеется. Знает белорусский так же, как и ты, и, видно, любит его.

Недешево дался напевный белорусский язык Аскеру Бархозову. 22 июня под городом Пружаны Брестской области, командуя десантной ротой танковой дивизии, Аскер начал войну. В августе принял стрелковый батальон, еще два месяца, отбивая врага и атакуя его, отходил с боями. 30 сентября 1941 года его ранило разрывной пулей в левую ногу. Бархозов оставался единственным офицером на этом участке. Омертвевшую ногу приказал перетянуть обрывками плащ-палатки. Лежа,

командовал боем. Солдаты переносили его на руках. Но если не везет... Мина взвизгнула рядом. И разбитую ногу пробороздили новые осколки, рваные, иззубренные. Надолго померкло для Аскера солнце. Оставлявшие белорусскую землю солдаты донесли командира до деревни Мосеевки Будакошелевского района. Дальше нести побоялись. Лейтенант был без сознания, бредил. Постучались в первое же окно. На крыльцо вышла седая, старая женщина. Ей сказали:

— Нельзя нести дальше. Примите лейтенанта. Вернемся, отблагодарим.

Женщина взгляделась в землистое лицо офицера.

— Ох, плох-то он, бедняга... Оставляйте. Смотреть будем, как за родным. А благодарить не за что. И наши, горемычные, где-то страдают. Возвращайтесь вот быстрее... Тем и отблагодарите.

Какие они, лекарства в глухой деревушке, когда немцы пограбили все аптеки, разорили все больницы?! И ведь выходили. Себе отказывали, ему, раненому, отдавали лучший кусок. Медленно шел на поправку. Полгода без палки не мог ступить. А без дела не сидел. То на огороде возится, то топором тюкает. Старуха хозяйка начнет было по-свойски выговаривать:

— Отдохнул бы да книжку почитал, без тебя обойдутся.

Бархозов усмехнется, сверкнет глазами, они у него были яркие, открытые и солнцу и людям:

— Солдаты, мать, без дела сидеть не любят. В работе веселей, и болячки отступают быстрее.

— Знаю я твои дела-то. Все в лес смотришь. Сил-то наберись раньше, вояка. Одну ногу недолечил, немец, гляди, и другую подшибет. Да и товарищи твои наказывали оберегать тебя. Раньше, чем нужно, не позовут.

О товарищах и их наказе Аскер слышал не первый раз. Хозяйка рассказывала:

— Ночью это было. До первых кочетов. Стучат. Вежливо так. Сразу видно, наши. Ты еще лежал ни живой ни мертвый. Открываю дверь. Заходят двое. Полушубки военные. Ладные такие ребята. А на лицо вроде бы братья. Чернявые. Плохо я их рассмотрела. Огонь вздуть не позволили. Хотела покормить их—отказались. Спасибо, говорят, мамаша, сыты. Один достает из кармана бутылку, спирт, говорит, медицинский, раны твои обтирать. Другой пакетик кладет на стол. Это, объясняет он мне, самое главное лекарство: раны присыпать. У фашиста, говорит, отняли. Услышали, говорит, что офицер наш—это про тебя они—погибает. Вот и принесли. Земляками твоими назывались. Беречь наказывали. А порошки и взаправду сильно помогли тебе.

Аскер думал, что это кто-то из друзей-армейцев позаботился. Почти год спустя случайно встретил командира отряда из соседнего партизанского соединения Юнуса Каракетова. После объятий Юнус оглядел земляка, порадовался:

— Смотри ты, считай, из могилы выбрался. Не думал я, что уцелеешь. Кичибатыра Хаиркизова благодари. Это он немецкую санитарную машину подбил. Весь сульфидин твоей бабке отдали. Молодец она. Выходила.

— Так это были вы! — ахнул Аскер. — Чего же не подняли меня?

Юнус усмехнулся.

— А ты думаешь, тебя можно было тогда поднять? Нам сказали, что ты уже не жилец на земле.

— А где Кичибатыр? Обними его, если встретишь!

Юнус ответил сквозь зубы:

— Нет Кичибатыра. Погиб. Мсти за него врагу...

Встреча была на ходу, отряды шли разными маршрутами. Земляки распрощались. Кто его знает, удастся ли еще свидеться?

Знакомство с партизанскими связными Аскер свел еще летом 1942 года. Но в отряд его не взяли — слаб был. В декабре связной от командира 810-го партизанского отряда Максимова пришел к Аскеру.

— Командир велел передать: готовим большую операцию. Люди нужны. Спрашивает, можешь ли?

— Да хоть сейчас! — обрадовался Аскер.

— А нога?

— Порядок!

— Ежели порядок, значит, и пошли вместе.

— Так я не один. Пас в деревне подобралось еще добрых два десятка и солдат, и местных. Оружие тоже имеется, и народ обученный.

— О народе командир не приказывал. Командир ожидает тебя.

✓ 27 декабря 1942 года Аскер Бархзов начал свою партизанскую жизнь, а под новый 1943-й сидел за столом рядом с друзьями и чувствовал, что он вроде воскрес или вновь родился. Командир отряда заметил это и предложил тост за нового члена боевой семьи народных мстителей — командира особого взвода Анатолия Бархзова. Ошибки не было. В Мосеевке Бархзов скрывался как Анатолий, знали его под этим именем и партизаны. И сам Аскер привык к русскому имени, а потом, уже после освобождения Белоруссии, дал это имя сыну-первенцу, и как Анатолий Бархзов подписал свое последнее письмо-завещание.

Трехлетняя служба в армии, полковая и офицерская школы, боевой опыт, а больше того, горячее сердце и ясная голова быстро выделили старшего лейтенанта Бархзова в первых же боевых операциях. Перед Днем Красной Армии, 20 февраля 1943 года командир отряда Максимов позвал к себе в хату Аскера, потолковал о том о сем и закончил беседу так:

— Партизанскую закалку ты прошел. Воевать уме-

есть. Так что принимай роту и, как говорится, ни пуха ни пера!

Наступил апрель 1943 года. Чтобы упредить летние операции партизан, гитлеровцы начали карательные экспедиции. Партизаны не оставались в долгу, отвечали контрударами. В тылу врага начался новый этап битвы за Белоруссию и победу.

По приказу Максимова рота Бархозова залегла в засаду на шоссе Могилев — Гомель. Вражеская колонна попала под меткий и плотный огонь. Гитлеровцы, неся большие потери, развернулись и завязали бой. Хорошо замаскированные, с удобных позиций (Аскер мастерски подобрал место засады) партизаны выбивали фашистов. Перестрелка была яростной. Аскеру Бархозову опять не повезло. Его засек вражеский пулеметчик и, уловив минуту, когда партизанский командир переползал, прошил ему правую ногу от бедра до голени.

Сама того не желая, старуха хозяйка из деревни Мосеевка, совсем недавно выходявшая Аскера, будто напороочила ему и эту беду. Левая нога в непогоду дает себя знать, а теперь и правая вышла из строя.

Кое-как перетянув раны, Аскер дал две очереди по вражескому пулеметчику и от потери крови лишился сознания. Тяжелораненого командира из-под вражеских пуль вытащила Александра Сильченко, мужественная партизанка из той же деревни Мосеевка, куда своего умирающего комбата солдаты принесли после боя под Рогачёвом в сентябре 1941 года.

На крестьянской телеге под сеном Александра Сильченко привезла своего командира в знакомую ей семью Дергачевых в деревню Дедово соседнего Быховского района.

У Дергачевых были хозяйка мать, двадцатилетняя дочь Лидия и сын — подросток Николай. Расстрел за укрывательство партизана, да еще командира, грозил

им всем. Гитлеровцы уже укрепились в районе и шныряли по дворам, разыскивая партизан и грабя все, что попадет под руку. Дергачевы знали это и все же взяли тяжелораненого Бархозова. Да и какая белорусская семья отказала бы? Беларусь — это песня мужества.

— Не бойся, выходим. Куда он ранен-то?

— В правую ногу, очередью. Тяжело. Обеспамятовал от боли.

Аскер очнулся. Улыбнулся спекшимися губами.

— Чего носы повесили... лесная гвардия? Солдаты... не сдаются... Пить... дайте,— и снова потерял сознание.

Лида и Николай промыли и залили кровоточащие раны йодом, сменили повязку. Бархозов лежал молча, закрыв глаза.

— Больно ему было? — по-мальчишески заинтересовался шестнадцатилетний Колька, бросая окровавленные тряпки в горящую печку.

— Не больно, не больно,— отозвался Аскер.— Ты давай-ка, паренек, добеги до околицы и глянь из чьего-нибудь двора, что на мосту делается... К мосту...— Аскер перевел дыхание, боль в ноге была адской,— к мосту не подходи.

Николай понял, о чем беспокоится командир. Не безлихости отрапортовал:

— Был партизанский связной. Приказано передать: наши с боем отошли. Фашистов набили кучу. У моста пулемет и шесть «фрицев».

Спрятали Аскера в сарае на сеновале. Партизаны ушли в лес. В деревне хозяйничали фашисты. Аскера предупредили об опасности. Он ответил:

— В случае чего... вы все уходите. В отряде примут. Дом и хозяйство все равно пропадут, хоть сами спасетесь. Со мною пистолет, живым меня немцы не возьмут... Помоги-ка перевернуться на бок... Удобней будет стрелять.

Люди в деревнях хорошо знали подлую натуру фашистов, их жадность, обжорство. Лида пошла на хитрость. В плетеную корзинку положила сена, а сверху — дюжину яиц. Приманку поставила у дверей сарая, на глазах.

Четверо карателей стали обыскивать двор Дергачевых. Двое, выставив вперед автоматы, рванули дверь в сарай.

— Кто есть? Выходить!

Укрытый сеном, Аскер лежал, готовый стрелять.

— Выходить! — уже тише прикрикнул немец и, глянув под ноги, возликовал: — Яйки!

Вытащив трофей во двор, гитлеровцы быстро рассовали яйца по карманам и, приговаривая: «Гут яйки, гут фрекен», — ушли.

Кошелка с «яйками» спасла жизнь не только Аскеру, но и тем двум немецким солдатам, что вскочили в сарай, — за отличную стрельбу Бархозов, будучи курсантом, получил именные часы.

Эпизод со вторым ранением лучше всего закончить выдержкой из характеристики на партизанку Лидию Николаевну Дергачеву, члена ВЛКСМ, 1924 года рождения. Характеристика эта хранится в партийном архиве Института истории партии при ЦК КП Белоруссии:

«Перед вступлением в партизанский отряд № 830 Дергачева, когда старший лейтенант Бархозов, истекавший от ран кровью, не мог сам спастись от фашистов — она с помощью брата Николая скрывала его до прихода партизан и тем самым спасла жизнь красного командира».

Долечивался Бархозов в госпитале партизанской бригады. Хотя и медленно, а здоровье шло на поправку. Об участии в боях пока что не приходилось и мечтать, но без дела Аскер сидеть не умел. Помогал начальнику штаба, обучал партизан владеть оружием. Оружие —

отечественное и немецкое — Аскер знал, как хозяйка свои ножи и вилки. В партизанских трофеях оказывались винтовки, пулеметы и пистолеты всех стран Европы. И бельгийские, и английские, и испанские, не говоря уже о чехословацких и французских. Оружие у партизан было нерешенной проблемой — любой трофей надо было пустить в дело.

Сядет, бывало, Аскер у какого-либо итальянского пулемета или английского автомата, осмотрит его, проверит затвор. Сделает малую, а потом и полную разборку.

— Ага, вот где собака зарыта!

Снова, теперь уже как свой ППД, быстро разберет чужое оружие, вычистит, смажет, соберет, пощелкает курком и вроде бы удивится:

— Смотри ты, поет! А ну, кто охотник? Давай обучу. Патронов — вагон!

Запас патронов — это такой соблазн, против которого устоять трудно. Свои и немецкие патроны партизанам выдавались по счету перед боем, а тут целый патронный ящик, а то и два: немецкие интенданты народ запасливый.

Так вот, вроде и ничего не делая, Аскер обучил десятка два партизан обращению с напрасно ржавеющим трофейным оружием самых неожиданных марок.

Помогая начальнику штаба, Аскер был в курсе событий и знал, что бригаду нужно разворачивать, а размах операций увеличивать.

— Дело у меня есть, — обратился Бархозов в конце июля к майору Подоляну, комбригу, секретарю подпольного Быховского райкома партии.

Подолян, дружески расположенный к Аскеру, пригласил его:

— Давай присядем.

✓ — А дело такое. Если из 810-го отряда выделить не-

большую группу партизан, вокруг нее можно создать еще один, новый отряд.

— Ты же знаешь, Аскер, оружия не хватает и для тех, кто воюет.— Да и люди... абы кого не возьмешь. Проверять и обучать надо.

— Люди рядом. Сам знаешь, комбриг, орлы! Готовы в огонь идти. А оружия у немцев сколько угодно.

Подольян засмеялся. Аскер почти слово в слово высказал его же собственные мысли.

— На заседании бюро райкома обсудим,— пообещал комбриг.

— Бархзов нужное дело предлагает,— говорил на том заседании Подольян.— Людей он уже присмотрел, когда отлеживался в Дедово. Аскер хоть и ранен, а времени не теряет. Белорусский язык вон выучил — наших дедов путает. Прошлый раз из Мосеевки привел с собой двадцать пять человек. Ни один не подвел. Все действительно, как он утверждал,— орлы. В людях разбирается. Думаю, что разузнал, у кого и оружие припрятано. А оружие в деревнях есть. Давайте подумаем.

Думали недолго. Решили организовать два новых отряда, присвоив им номера 820 и 830. Командиром нового 830-го отряда утвердили старшего лейтенанта Аскера Бархзова.

— Ну, а кого мы ему дадим, а? — обратился Подольян к Максиму, командиру 810-го отряда, «крестному отцу» Аскера Бархзова.

— Раздеваете меня,— заартачился Максимов,— лучшего командира роты уведите. И еще давай. Что, кроме моего, других отрядов нет?..

— Худших нам не надо,— усмехнулся Подольян.— Ты их воспитывай, на то и командиром поставлен. Бархзову надо крепких людей дать. Семен Савин в начальники штаба годится, Иван Шутов с Иваном Лазебным во взводные пойдут, толковый партизан Акулич — и ему

дело найдется. Варвару Афанасенко на санчасть. Как, товарищи?

Максимов и сам понимал, что людей дать нужно и не каких-то, а надежнейших. Но какой командир без сопротивления согласится отдавать лучших воинов? Максимов снова пытался было возражать. Подолян перебил его:

— Не жадничай на приданое. Новый-то отряд тебе вроде сына. А вот оружие...

Оружия не хватало и Максиму. Он снова вмешался:

— Возьмут свое. А уж для новых партизан пусть сами добывают. Мы хуже начинали. Аскер достанет. Он парень с головой.

— Хитер,— подвел итоги разговора Подолян.— А с оружием другого придумать нельзя... Значит, так и решим?

Решение о создании новых отрядов было принято 9 августа. Не прошло и месяца—5 сентября Бархозов повел в наступление на станцию Тошицу полсотни вооруженных партизан. За разгром гитлеровского гарнизона этой станции отряд и его командир получили благодарность.

Людей Аскер действительно присматривал заранее. Через них и действовал. В неделю собрал около 30 человек. Походили по дворам. Аскер почему-то подолгу вел секретные разговоры с мальчишками-подростками. Если бы кто из командиров подслушал такие беседы, то шуток бы — не обернуться.

Ребят он любил и понимал. Давно ли сам был таким.

Аскер начинал настоящий мужской разговор:

— Ты, Василь (или Янек), меня знаешь?

— А то! У тетки Дергачихи в сарае раненый прятался. Приволокли — мертвый-мертвяком. Аж синий...

Исправились! — при этом Василь или Янек завистливо оглядывал ладную гимнастерку с ремнями портупей, рубиновые кубики на петлицах и коричневую с блеском кобуру, из которой выглядывала рукоятка пистолета — сладостная мечта каждого паренька, растущего среди боев и оружия.

— Ну, а жизнь как идет?

— Иде-ет, — тоскливо тянул паренек. — Школы нет, мамка замусоленный букварь заставляет талдычить. — Ма-ша ест ка-шу... А мне шестнадцать скоро.

Василь, как водится, бессовестно добавлял себе год, а то и все два. Аскер не высказывал сомнения.

— Скоро, значит, и паспорт получать?

— Паспорт. Только и делов, что бульбу перебирать, да в подпол сыпать. Другие вон партизанят, а мы последние штаны обрываем.

— Делом хочешь заняться?

— А каким?

— Партизанам помогать!

— Я и так помогаю. Патроны собираю где попадутся, тряпки на перевязки рву.

— Знаю. Нужно дело. А в отряд хочешь разведчиком?

— Разведчиком?! — паренек боится, что ослышался. — А не вре... не обманете?

— Зачем обманывать. Я командир. Сам видишь.

Разговор становился конкретным. И выяснилось, что у самого Василя припрятано полдесятка гранат, а у жилов Миколки есть даже «парабель», с кобурой и тремя патронами и что худо-бедно две-три винтовки в деревне лежат и ждут настоящих хозяев.

Насчет разведки Аскер действительно не обманывал. Отобрал в каждой деревне полдесятка парнишек из партизанских семей и поручил их партизану из разведгруппы. Обязанности ребятам дал почетные и неслож-

ные. Вывесил, скажем, утром на видное место рядом — висит, сушится, как и у многих других. Появились гитлеровцы в деревне — быстренько уברי, вроде от чужих загребуших рук. А партизанским наблюдателям все ясно — незваные гости пожаловали. Удалось увидеть, сколько фашистов, — еще лучше. Доберись задами деревни до леса — и в условленном месте положи камушек и щепку — взвод с пулеметом, стреляную гильзу — отряд в полсотни человек, две гильзы — много немцев. Чего-чего, а стреляных гильз и камней для рогаток в мальчишеских карманах всегда с избытком — матери вытряхивать не успевают. И главное, присматривай, где оружие бесхозное валяется. То от своих убитых и раненых солдат осталось или подстреленный гитлеровец убежал в лес, да там вместе с винтовкой и заблудился, а то и просто партизаны после боя не подобрали.

Как бы там ни было, а уже в том же августе не без помощи ребят в отряд Бархозова из деревень поступило более 30 винтовок, ручной пулемет и три десятка гранат.

Аскер, еще формируя отряд, создал две необходимые службы: разведку и оружейную мастерскую. Разведка была и отделом укомплектования и службой боевого обеспечения. В оружейной мастерской сдирали ржавчину, из трех винтовок собирали две.

— Сорок человек под ружьем при ручном пулемете, — доложил Бархозов комбригу в конце августа.

Тот не поверил. Пришел в отряд Бархозова. Приказал выстроить людей с оружием, осмотрел каждую винтовку, повозился с ручным пулеметом — Подолян толк в оружии тоже понимал. Видит — не придерешься. Оружие в отличном состоянии. Подолян удивленно развел руками.

— Из-под земли достал?! По почте прислали?!

— Народ принес. Мы почистили, отремонтировали.

— А патроны?

— Мало: две обоймы на брата.

— Ну и я еще по две дам. Из своего резерва.— Подолян подумал, усмехнулся и добавил:— Взаймы. Так дело и дальше поведешь — буржуем станешь. Оружейный завод уже заимел, наверное, и патронный строишь. И все прибудняешься. Чувствуется максимовская выучка. Наверное, и у тебя скоро в лесу дров не выпросишь? — и оба — комбриг и командир отряда — рассмеялись.

Оружие приносили и боевые группы Бархозова. Они перебили гитлеровские посты у мостов в деревнях Дербичи и Меркуловичи, разоружили нескольких полицейев. Разведчики-диверсанты А. Боханцев, И. Макаенок, А. Мильков, П. Жиленков, П. Змеенков, И. Бычков с операций возвращались, имея на плечах по две и три винтовки.

— В партизанскую копилку! — говорили новые бархозовские орлы, складывая оружие и выгружая из карманов и сумок патроны, гранаты, пистолеты.

Распределяя трофеи после разгрома Тошицы, штаб бригады выделил долю и 830-му отряду.

— А тола почему не даете, товарищ майор? — цепился к начальнику штаба Аскер. Тот отмахнулся:

— А ты что, костер из тола жечь будешь? Подрывников же у тебя нет, а взрывчатка на вес золота!

— И отряда не было, — настаивал Аскер. — Зажимаешь, начальник. Нечестно!

Кончилось тем, что начштаба выделил Аскеру шесть брикетиков тола и запалы.

В свой штаб Бархозов пригласил молоденьких партизан — комсомольцев Алексея Антонова, Николая Ковалева, их дружков.

— Садись, орлята. — И когда те разместились, в упор спросил: — Хотите быть подрывниками?

Комсомольцы в один голос:

— Хотим, товарищ командир!

— Вот и начнем курс подрывного дела.

Со своими минерами Аскер неделями занимался от зари до зари. Благо, время оказалось. Учил так, как его самого, еще новобранца, пять лет назад обучал сержант-сапер.

— Взрывчатка шуток не понимает. Один раз прошляпил — в другой не придется. Делать так вот и только так.

Чего только не умеет офицер-общевойсковик! Бархотов окончил офицерскую школу по первому разряду. Дело свое знал. И гонял своих учеников, пока те не превратились в настоящих минеров.

— Могу аттестаты выдать. Остальное зависит от вашей смелости.

Смелости ребятам не занимать. Для начала спустили под откос мотодрезину. А в середине декабря явившийся в штаб военно-оперативной группы с официальным рапортом сверхобычно начищенный Аскер положил на стол начштаба майора Федяченко лист бумаги.

Начальник штаба был занят и, бросив короткое: «Здравствуй, дорогой!» — продолжал колдовать над картой.

— Что у тебя?

— Донесение.

— Оставь! (Это значит: «Можете идти!»).

— Я подожду.

— Что за донесение? — так же, не поднимая головы, спросил майор.

— Боевое донесение. Обычное.

— Почитаем, — взялся за бумагу Федяченко, видя, что отделаться от Аскера не удастся, и начал вслух: «11 декабря на дороге Могилев — Гомель пущен под откос вражеский эшелон с живой силой. Уничтожены

паровоз, 12 вагонов, более 130 немецких солдат и офицеров, до 170 солдат противника ранено». Федяченко положил рапорт на стол.— Кто же сработал?

— Мои минеры,— не без гордости ответил Аскер.— Минеры отряда № 830 и твой тол. Тот самый, что я на коленках выпрашивал.

— Э, друг, кто старое помянет... За такой рапорт и еще толу дать нужно!

— Вот я за тем и пришел,— поймал начальника штаба на слове Аскер.— Кончился тол. Да и было его всего четыре шашки...

— Положим, не четыре, а шесть.— Память у начальника штаба — позавидовать можно.— Вот распоряжение еще на десять.— И, объясняя свою щедрость, майор сообщил:— Большая Земля подбросила.

Группа минеров Бархозова в том же декабре рванула еще один немецкий эшелон с боеприпасами и продовольствием. Под откосом оказались все двадцать вагонов. Потом подрывники отряда добавили к своему счету две взорванные автомашины с гитлеровскими во-
яками.

Теперь уже начальник штаба, распределяя тол, не забывал и отряд Бархозова. Отряд стал крепкой силой. Две стрелковые роты трехвзводного состава, разведывательная и диверсионная группы, штаб, хозвзвод, санитарная часть.

На общих построениях, когда партизанам зачитываются приказы и вручаются награды, в колонне отряда до 160 бойцов и командиров.

Штаб отряда планирует и проводит крупные самостоятельные операции. Вот схема одной из них. Командир Аскер Бархозов, комиссар Иосиф Стрельцов и начальник штаба отряда Семен Савин разработали план засады на шоссе Дедово — Хомичи. Сведения о противнике дала разведка и связной Хмельницкий из деревни

Хомичи, сообщивший, что в деревне расположился крупный карательный отряд.

В засаду 11 января 1944 года ушла рота Наровского — заместителя Аскера. У Наровского 85 партизан, два ручных пулемета, два автомата, 70 винтовок, десяток пистолетов и револьверов.

У противника: до 250 солдат и офицеров, 12 ручных и станковых пулеметов, полсотни автоматов, около 200 винтовок.

Партизаны подкараулили врага на марше, ударили в лоб, очередями пулеметов прошлись по флангу колонны карателей. Бой длился 40 минут. Из Дедово на помощь карателям подошли еще две пехотные роты. Прикрываясь огнем, партизаны отошли. Потери немцев (связные их подсчитали точно) — 65 убитых (в их числе и командир карательного батальона), 72 раненых.

После этой засады немцы начали патрулировать шоссе мотопехотой и броневиками, сняли с фронта нехотный полк и, в поисках партизан, стали прочесывать окрестности.

Это конспект донесения об одной из ряда операций партизанского отряда Аскера Бархозова. Его отряд по указанию штаба Быховской военнооперативной группы, в которую была реорганизована 11-я бригада, оперировал на стыке Могилевской и Гомельской областей, то прорываясь в Усакинские леса, то отходя в Сожские болота.

Отряд Бархозова был неуязвим. Народ душевный и беспощадный в гнев, народ Белоруссии одевал и кормил партизан, прятал их, восполнял боевые потери отряда.

— Мы — народное войско, — любил в беседах со своими орлами повторять Бархозов. — У нас две главные задачи: уничтожить гитлеровцев и охранять свой народ.

Эти задачи и являлись основой партизанской стратегии.

Только стянув крупные силы, фашисты осмеливались вторгаться в лесные районы. Карательные экспедиции гитлеровцы проводили два-три раза в год. Все остальное время атаковали партизаны.

Энергичный, полный сил Аскер не любил сидеть без дела. Если не дает заданий штаб бригады, Бархозов сам идет к комбригу, в подпольный райком с предложениями.

— Надо фрицев вот в этом гарнизоне стукнуть!

Подолян тщательно расспросит о силах и укреплениях противника, взвесит все, иногда согласится:

— Иди к Рутману (новый начштаба), оформляй приказ!

В другой раз задумается, начнет изучать карту, прикидывать версты.

— Нет. Не хватит у тебя силенок. И вот здесь влипнуть можно.

Бархозов настаивает:

— Мои орлы не дадут маху. Ударим — и в лес. А в лесу нам и черт не страшен. Внезапность и смелость никогда не подводят.

— Так-то оно так, — неспеша начинает крутить сигарку комбриг. — Но внезапность и смелость еще и расчета требуют. Поездку на танке забыл?

Аскер ее, конечно, помнил. Да и как забудешь, если комбриг всегда, как только хочет остудить чью-нибудь горячую голову, обязательно этот танк припомнит.

Бархозов отшутился:

— Пять метров проехал, второй год вспоминаете... Были бы гранаты!.. Да и когда это было? С того времени и немцы поумнели...

А было так. Отряд Максимова находился в засаде. Ждали вражескую колонну, но гитлеровцы пошли дру-

гой дорогой. Чтобы выяснить обстановку, Аскер и его переводчик — оба в немецкой военной форме, вышли к большаку.

Послышался лязг гусениц. Один за другим шли три фашистских танка. У Бархозова в руках цветные флажки — регулировщик. Он стоит, равнодушно поглядывая на дорогу. Два танка пропускает, перед третьим начинает махать желтым флажком, переводчику коротко приказывает:

— Говори о чем угодно, да подольше... Спроси, нет ли на дороге партизан, об этом немец до ночи может болтать.

Танк остановился, открылось смотровое окно, и немец-танкист сердито спросил:

— Чего надо?

Переводчик завел беседу, попросил спичек и начал ругать партизан, высказывать зависть танкистам, которым за броней никакие беды не страшны. Передние танки тем временем скрылись. Аскер внезапно вскочил на танк и, выхватив пистолет, дважды выстрелил в смотровое окно.

— Сдавайтесь! — крикнул он немцам.

Танк рванулся, затрещал пулемет. Аскер и его переводчик кубарем полетели в кювет. Фашисты стреляли по сторонам. Они испугались не двух партизан, с голыми руками полезших на танк, а вероятной партизанской засады с гранатометчиками. Это и спасло Аскера и его товарища. Иначе не выбраться бы им из кювета живыми.

Аскер был прав: будь у него гранаты, солоно бы пришлось немцам в танке. Но гранат у партизан было мало, они заменяли тяжелую артиллерию и шли в дело в самых крайних случаях. В тот раз у Аскера гранат не было и вражеский танк ушел невредимым.

Как-то в начале 1944 года, последнего и победного

года партизанской войны белорусов, Аскер, зондируя обстановку, спросил у комбрига Подоляна:

— Федот Прокофьевич, люди рвутся в отряд. Гитлеровцы лютуют, как бешеные волки. 1 января в Сельцах в амбарах сожгли сто пятьдесят ребятишек, женщин и стариков.

— Знаю об этом,—невесело отозвался Подолян.— В бригаде около тысячи человек. Оружие — проблема, боеприпасы — двойная проблема. Народ живет на одной картошке. Партизанам и хлеб и мясо нужны. Одной картошкой не будешь сыт. Новых людей принимать можно только в крайнем случае. Тех, за кем фашисты гоняются. Выход один, Аскер Хобатович,—злей гитлеровцев бить.

Атакуя со своих баз в Лазовских и Шапчицевских лесах Гомельщины, отряд Бархозова с февраля 1944 года стал планомерно вышибать из деревень гитлеровские гарнизоны и полицейские посты. Захватчиков истребляли. В селах восстанавливали Советскую власть. Взятое оружие, боеприпасы, одежду, продовольствие отправляли в бригаду. Многое раздавали местным жителям.

— Вы, друзья, три года нас кормили. Сейчас и мы можем помочь.

В двадцатых числах февраля Аскера вызвали в подпольный райком партии. Аскер шел радостный. Знал, что регулярные советские войска развернули наступление. Шел, планируя в голове, как организовать встречный удар. В райкоме его встретил командир оперативной группы Федяченко, вручил приказ. Предупредил:

— Майор Подолян просил тщательно изучить приказ и доложить свои соображения.

Аскер присел к столу с листом бумаги.

«Боевой приказ № 10, 24 февраля 1944 года.

Красная Армия форсировала Днепр, прорвала силь-

но укрепленную оборону противника и вышла на железную дорогу в районе станции Тошица.

1. В связи с тем, что в лесном массиве находится более 10 000 мирного населения под охраной партизан, а боеприпасов для ведения боев недостаточно, ПРИКАЗЫВАЮ: всем бригадам и отрядам пробиться на соединение с частями Красной Армии в районе населенного пункта Дедово и вывести все население...

5. Двигаться в три колонны. В голове первой колонны 830 и 425-й партизанские отряды, за ними мирное население.

К 19 часам 24 февраля обязательно вывести все мирное население.

Секретарь Быховского подпольного РК
КП Белоруссии *Подольян*.

Командир Быховского военно-оперативного
соединения майор *Федяченко*
Начштаба майор *Рутман*».

Бархзов задумался. Ему стали понятны озабоченные лица райкомовцев. Красная Армия рядом, но если она начнет наступление и погонит немцев, отступающая лавина гитлеровцев огнем пройдет по своим тылам. Население, прячущееся в лесах, будет уничтожено или угнано в Германию на принудительные работы. Райком принял единственно верное решение: прорывать фронт гитлеровцев с тыла и выводить людей. Нелегкое это дело для партизан: идти в открытый бой против вражеской пехоты, танков, артиллерии.

— Командиров просят к секретарю райкома, — прервал думы Бархзова возглас дежурного.

Подольян предупредил:

— Времени мало. Приказ вы получили. Будем советовать, как лучше его выполнить. И спасти многие тысячи людей. Товарищ Бархзов, вы пойдете в голове

колонны. Прорыв осуществляется в зоне действия вашего отряда. Вашим орлам предоставляется честь первыми ударить по врагу. Вопросы есть?

— С решением райкома партии полностью согласен. Вопросов нет. Прошу разрешить уточнить маршрут движения и место атаки у начальника штаба.

— Уточняйте и отправляйтесь к отряду. Готовьте людей к выполнению тяжелой и сложной задачи. Объясните каждому партизану, что мы действуем совместно с частями Красной Армии.

Совещание шло глубокой ночью, и еще не погасли поздние февральские звезды, а бархатовские орлы, подобравшись к позициям фашистов с тыла, в рост атаковали их, прорвали передний край врага и, смяв фланги, стали расширять прорыв. Части Советской Армии после артподготовки перешли в наступление на смежных участках и жестоким боем сковали фашистов. Без этой самоотверженной помощи армейцев гитлеровцы смяли бы легковооруженных партизан и следовавшую за ними огромную громоздкую колонну женщин, детей, стариков.

Вот еще отрывок из документов партийного архива Института истории партии при ЦК КП Белоруссии о подвиге партизан, выручавших доверившихся им людей:

«Непрерывная колонна мирного населения растянулась на 15 километров, партизанские отряды с обеих сторон прикрывали ее от атак гитлеровцев. Хвост колонны к 18 часам 30 минутам 24 февраля соединился с частями Красной Армии. Выведено свыше 8 тысяч человек мирного населения и 3544 партизана и партизанок.

Секретарь Быховского подпольного РК
КП Белоруссии *Подольн.*

Командир оперативного соединения
майор *Федяченко*».

❧ Почти три года во вражеском тылу. Тысяча долгих дней, ночей под постоянной угрозой смерти.

А здесь встречаются свои родные советские люди, родная армия, за спиной которой не страшны никакие каратели. Поцелуи, объятия. Слезы радости. Всю массу людей отводят в армейский тыл. Люди, поужинав, устраиваются на отдых и впервые за три года спят спокойно, не опасаясь стрекота вражеских мотоциклов и грохота гитлеровских танков.

В сумерках мало что рассмотрели, бросились в глаза разве погоны на плечах офицеров и солдат да обилие автоматов. А утром, уходя дальше в тыл, видели бесконечные колонны машин и большие скопища танков, до времени молча прячущихся в лесах и балках.

— Не устоять фашистам против такой силы. Капут им приходит!

И встречи были. То мать неожиданно узнает сына, то дочка обнимает отца-солдата.

Партизанские командиры собрались в штабе армии. Оружие народ оставлять не хочет. Гитлеровцы насолили крепко, счет еще не закрыт. Война продолжается. Дорог — две. Одна — пробиваться снова через передний край врага и идти в его тылы. Вторая — влиться в части наступающей Советской Армии.

Штаб фронта решает дать партизанам отдых, а затем направить их на пополнение армейских частей.

Армейские порядки известны: медкомиссия, запасной полк, подготовка и только потом — фронт.

Аскеру на медкомиссии говорят прямо:

— После ваших ран нечего и думать о фронте. И с легкими у вас неблагополучно. Поезжайте лечиться.

Аскера вместе с женой, юной партизанкой Машей Макаенок, посылают в один из Кисловодских санаториев. Перед отъездом вручают боевые награды за славные партизанские дела.

Месяц на родном юге пролетел незаметно. Аскер возвращается в партизанский штаб. Снова медкомиссия. Длительный отпуск. Хирургов он провел. Шрамы на ногах объяснил давно зажившими ранами. Подводили легкие. Сказалась холодная ванна в Днепре при выводе колонны.

Друзья успокаивали:

— Не ты один. Медкомиссия каждому третьему дает или длительный отпуск, или зачисляет в нестроевики, а то и увольняет в запас. Регулярная армия. Сам знаешь.

Знать-то он знает, но от этого не легче. Что же делать? Идти на пенсию в 28 лет?

Врачи утверждают, что нужно лечиться. Долго и упорно. Но ему, живому, горячему человеку безделье невыносимо. Пришел в партизанский штаб. Здесь друзья верные, испытанные.

— Меня тоска быстрее болезни собьет. Выручайте.

Друзья поддержали:

— Какая там, к дьяволу, пенсия. Белоруссия встает из пепла, людей не хватает. Выбери дело по душе.

Поехал в Могилев заместителем председателя горсовета. Втянулся в работу и, хоть забот было выше головы и домой приходил за полночь,— окреп, посвежел. И дома радость — родился сын. И вдруг — это оказалось страшнее удара в спину — трагически гибнет жена Мария. Маша. Шестнадцать лет, в 1942 году пришла она в отряд. Два года с бесстрашием юности первой шла в огонь. Стала женой и подругой Аскера, родила сына и погибла в течение пяти минут. Аскер продолжает работать. Но товарищи замечают, что у него усилился кашель, а на платке, что он прижимает к губам, начинают расползаться алые пятна.

По старой дружбе так и оставшийся для товарищей-партизан комбригом Подолян сам начинает тяжелый разговор:

— Аскер! Кончай это самоубийство! Ты нужен сыну, нам, твоим товарищам, партии. Завтра же к врачу.

Опять медкомиссия. Вывод краток:

— Уезжайте на юг. Вам нужны солнце, горный воздух.

Аскер едет в Киргизию. В селе Антоновка, около Фрунзе, живут родственники. Год мужественно борется с беспощадным недугом. Но силы иссякают. Туберкулез осложняют открывшиеся раны. Какое оно, в партизанах, было лечение в крестьянских сараях и лесных землянках?!

Бархзов выходит к берегу Чуйского канала. Подолгу всматривается в синеющий рядом хребет Ала-Тау.

Сколько осталось ее, жизни? Неделя? Видно, меньше. Жизнь тает будто льдинка под жгучими лучами солнца.

Солдаты не сдаются. Они умеют умирать. Аскер дает телеграмму Хасану Джубаеву, зятю и другу. Хасан приезжал дней десять назад. В палате госпиталя шел тогда сдержанный, прямой разговор. Аскер дышал тяжело, говорил медленно:

— Мы мужчины. Не будем прятать правду. Силы у меня кончаются. Ты остаешься старшим. Помоги брату Алиби получить образование. Алик еще мальчишка. Вырасти его человеком...

— Сделаю, Аскер...

— Ты, Саит-Умар и Алиби — три моих брата. Не оставляйте сына моего, Толика...

— Выполню, брат мой дорогой...

— Меня хороните, как солдата и коммуниста. Без слез и плача. Вспоминайте не смерть мою, а жизнь...

— Твоя воля — закон для нас, брат мой...

Смерть уже рядом. Нужно успеть попрощаться с родными. Но Хасана все нет, и Аскер Бархзов, не желая лишний раз беспокоить сердечно относящегося к не-

му врача-консультанта, оставляет записку. В ней последняя воля скромного и нестигаемого человека.

«Алексей Васильевич!

Я чувствую себя очень плохо. Приходится прощаться. Наверно, Хасан нашу телеграмму не получил, и я больше Хасана не увижу. Наверное, он придет тогда, когда меня не будет уже на свете. Скажи ему, пусть он духом не падает. Мы оставили его за главнокомандующего. И за отца, и за мать, и за меня...

В Белоруссии у меня родной сын, Толя. Про него Хасан не забудет. Пусть не обижает братишку Алика. Хасан должен сохранить мои награды и планшет для Толи, мундир и сапоги для Алика, военный костюм для Саши, пальто и часы на память Хасану.

Вами я очень доволен и считаю родным...

Мой паспорт и пенсионная книжка находятся у врача Черновой Л. С.

Разрешите теперь отдохнуть.

19.XII.1945 года.

Анатолий Бархозов».

Хасан Джубаев, родственники и друзья Аскера Бархозова, партизанского командира, свято выполнили это завещание, вывели в люди его брата Алиби и сына Анатолия.

Любовно сохранены боевые награды и вещи нашего отважного земляка. Их можно увидеть в Карачаево-Черкесском областном краеведческом музее.

Могила Аскера Бархозова в селе Антоновка, неподалеку от столицы Киргизии — города Фрунзе. Над этой могилой по-кавказски ярко светит солнце и по-белорусски задумчиво шумят сосны.



ЛЕСНЫМИ ТРОПАМИ

МИША-ЧЕРКЕС

Как он сберег свою кубанку — память о родных просторах и традициях гор, — трудно представить.

Отец, Каплан Ногаевич, звал своего первенца Хаджи-Исмаил, друзья конногвардейцы именовали — Михаил, в партизанском отряде имени Чапаева бригады имени Пархоменко командира отделения Симхова звали по-своему выразительно — Миша-черкес.

Боевые тропы воинов зачастую так перепутаны, что в них нелегко разобраться и опытному следопыту.

Михаил Симхов, воин из аула Псыж, — много боевых орлов дал Родине этот аул, — был таким, как и многие другие его ровесники. Рост — гвардейский, без малого два метра, плечи — косая русская сажень. Богатырь! К этому — щедрое, верное дружбе сердце, улыбка, обращенная к людям, и руки, одинаково крепкие и в труде и в бою.

Глубокой осенью 1941 года Карачаево-Черкесия посылала на фронт добровольцев из казачьих станиц и горских аулов, чтобы сдержать бронированный натиск врага. В Ставрополь, на пункты формирования, поскрипывая необмятыми казачьими седлами, заснеженным поземкой большаком шли кавалерийские сотни.

Нелегко оставлять родимый край. А если и вернуться не доведется?

С коня далеко видно. Слева от дороги — холмистые увалы, просторные степи, справа — в лесном морозном воздухе будто рядом, словно тушью обведенные силуэты могучих гор. Ярко, шлемами кованого серебра поблескивает Эльбрус. Ветерок шатает придорожные, уже без листвы тополя, крутит и несет через дорогу снежные ручейки. С детства дорогой, болью расставания входящий навечно в сердце край отцов и прадедов.

Всадники сдержаны, молчаливы. Над снежной

тишьё сухой шелест поземки да металлический цокот подков.

И кто-то из молодых, потрянув смоляным чубом в такт конной поступи, заводит широко и раздольно песню, одну из тех, что родилась в сердце народа и умеет выразить и радость и печаль.

Эх, Кубань, ты наша родина,
Вековой наш богатырь...

Мелодию подхватывают на вздохе уже сложившимися на учениях в дружный хор голосами устьджегутинцы, зеленчукцы, исправненцы, в песню вплетаются голоса горцев Эрсакона, Псыжа, Теберды, Учкулана. Задумчивая песня разворачивает соколиные крылья, наливается удальством, мощью. В ней — и прощание с родной землей и гневное предостережение врагу. И кажется, что по большаку, все набирая и набирая силу, Кубанью в половодье несется могучий, пенный, сокрушительный в своей безудержной ярости горный поток. Песня заглушает и шум ветра и шорох поземки. Цокот копыт, словно кастаньеты, сопровождает ее.

Конники спешили на войну, прощаясь с отчим краем и, как сыновнюю верность ему, уносили с собой песню. Многие пронесли дорогую сердцу мелодию через всю Европу, другие потеряли песню вместе с жизнью в боях под Москвой, на Жиздре, в тылу врага под Смоленском, где первый гвардейский корпус славного генерала П. А. Белова громил тыловые части, коммуникации, штабы и войсковые склады немцев.

В общем хоре сплетались голоса Ивана Шапошникова — седоусого ветерана гражданской войны, Михаила Симхова — тридцатилетнего, в расцвете сил богатыря — и тоненький мальчишеский голосок Вани Петренко, двенадцатилетнего пионера, бредившего конем и клинком и получившего легкую казачью шашку и ры-

сака-четырёхлетка, умного и верного друга. Ваня едет на войну искать отца. Мальчонка, в таком же, как и у всех, дубленом овчинном полушубке, шапке-ушанке, башлыке,— не верил своему счастью. Мать не отпускала его ни в какую. Виданное ли дело, на войну в таком возрасте? Уговорил. Да, спасибо, и казаки-добровольцы поддержали:

— Ты, Анна Павловна, не сумлевайся, присмотрим! А там, глядишь, и до батьки пристроится.

И вот, десятилетия спустя, вчерашний разведчик первого эскадрона Восьмого краснознаменного кавалерийского полка, теперь уже Иван Иванович Петренко, механик из станицы Усть-Джегугинской, рассказывает о дорогах испытаний и славы, о тех, кто грудью и клинками прикрывал его, непоседливого мальчонку, в бою.

— Я воевал до февраля 43-го. Конники оберегали меня, конечно, как могли. Первый эскадрон был сформирован из наших земляков-добровольцев. А потом их становилось меньше и меньше.

Тяжелые бои мы вели и летом 1942 года, уйдя под Москвой в рейд по тылам немцев. Когда шли на прорыв, рядом были старший сержант Симхов, сержант Мусса Агачев из Эрсакона, сержант Михаил Косов из Усть-Джегуты. Врезались в самую гущу фашистских войск. Два месяца вместе с партизанами Смоленщины громили гитлеровские тылы. Пришлось в конном строю и прорываться. После боя недосчитались многих. Из устьджегутинцев погибли Михаил Косов, Иван Калюжный, Долгов — имя его я запомнил. На моих глазах в бою перед прорывом погиб Иван Шапошников. Геройски погиб. Подбил из ПТР четыре немецких танка и был почти перерезан пулеметной очередью. Я хоронил его, когда отбили немцев. Был он без гимнастерки, в залитой кровью майке. Так и лежал вместе со своим противотанковым ружьем.

После того рейда не видел я больше ни Симхова, ни Муссу Агачева. О них может рассказать их друг, Иван Иванович Шабанов.

Я сам был ранен в феврале 1943 года,— говорит Петренко.— Выходили из вражеских тылов, пробивались клинками. Подо мной убило коня, оглушило. Навстречу нам по немцам ударила наша пехота. Меня подобрала санитарка из стрелковой части, отдала местным жителям, они и вылечили. А потом я стал искать свою часть через полевой военкомат, а военкоматцы меня турнули домой.

— Хватит,— говорит мне комиссар,— навоевался. Уноси ноги, пока цел, мамка небось слезами изойшла...

Конногвардеец Иван Шабанов живет в Черкесске. Он очень дружил с Михаилом Симховым, да и других друзей у него было много. Иван Иванович Шабанов вспоминает:

— Бои на Жиздре, вблизи толстовской Ясной Поляны, большой крови стоили. В прорыв мы вошли удачно. Разметали немцев. И под клинками немало положили. Михаил Симхов был помощником командира нашего сабельного взвода. Как можно забыть Мишу? Мы же с ним из одного котелка ели!.. Джигитом он был — залюбуешься! А человеком... Счастлив тот, у кого такие друзья, как Михаил Симхов!

Ваня Петренко правильно говорит. Тяжелым выдался август 1942 года. Из нашего взвода в боях легли сержант Мусса Агачев из Эрсакона, Ваня Луценко из Черкесска, Хамид Дзыба из Старо-Кувинского аула, Вася Филимонов из аула Дружба.

Помню я Шапошникова. Лихой отваги казак, хотя в эскадроне он был самым старшим по годам. За пятьдесят ему уже перевалило. А в бою, в джигитовке, в пляске — молодым не уступит. Немец нас танками и бронетранспортерами жал. Шапошников четыре танка сжег, а

его самого с бронетранспортера очередь пулеметной достало.

После боя подбирать да хоронить убитых — никакое сердце не выдержит. И думка не о том, что завтра и тебя может скосить пуля. Солдат, он знает, что такое война — смерти не ищет, от пули не бежит. А вот представишь себе, как похоронка в семью придет... А там мать, жена, детишки. Потерять отца-кормильца — что может быть горше?

Нас с Михаилом Симховым 13 августа 1942 года накрыло. Мы прорывались из немецкого тыла. Фашисты нас окружили. Мы заняли оборону, сидим в траншеях, ждем подмоги. Передовая рядом. Немцы лезут и лезут. То артналет, то атака, то бомбежка. Скучать нам не давали. А как атака, то десяток танков идет на нас, а то и больше.

Отбили мы в тот день три вражеские атаки. Дело к полудню. Жара невозможная. Отерли пот, закурили. Отдыхаем. Михаил вдруг хватает у меня винтовку, сует мне в руки свой автомат.

— Вон немец, офицер. Сейчас я ему дам вот с этого бугорка!

Симхов стрелял очень метко, частенько брал у меня винтовку дальнюю цель снять. И сейчас перекинулся через бруствер траншеи, пополз к бугорку. А тут — шмяк, вж-ж. Мина! Уронил голову Михаил, затих. Я к нему ползком. Перевязал индивидуальным пакетом. А их нужно десяток. Михаил весь изранен. Скинул я гимнастерку, порвал на полосы нательную рубаху. Перетянул все намокшие кровью места, подобрал его шапку-кубанку, стащил Михаила на дно траншеи. Через час примерно, когда минометный обстрел поутих, вытащил я друга своего, уложил на бурку и потянул в тыл, в нашу часть. Тяну ползком.

А мины, хоть и пореже, воют и рвутся то там, то тут.

Ну, и моя очередь настала. Разрыва я не слышал. Ударило словно дубиной по голове, сознание вышибло.

Очнулся у крестьян. Спрашиваю: а где друг мой, я его на бурке тянул в санчасть.

Один, отвечают, ты был. Одного и подобрали. А санчасть ваша — кто ее знает, где она. Отступили наши. Лежи, говорят, сил набирайся. Немцы кругом шныряют, не ровен час, наскочат.

Так вот на поле боя и потерял друга... Горько было, не выразить словами. А дней через двадцать, я еще и не отдышался по-настоящему, немцы в хату вваливаются.

— Русиш зольдат? Казакен?

Забрали меня. Орловский, потом Бобруйский лагеря военнопленных, затем увезли в Германию. Как выжил — сам не понимаю...

А Михаил Симхсв был рядом. В том же Бобруйске, только в другой секции лагеря. На Симхове живого места не было. Девять рваных осколочных ран: в грудь, плечи. Хорошо, что был в каракулевой кубанке — два осколка в ней застряли. Месяц отлеживался, потом поднялся. У него не только рост, но и здоровье было богатырским. Почти год в концлагере. Пытался Миша бежать. Первый раз получил двадцать пять соленых, второй раз избили чуть не до смерти:

— В следующий раз так легко не отделаешься!

Стали вербовать в полицию. Михаил посоветовался с дружками, из тех, кого вместе пороли и спины для памяти солью посыпали. Подумав, решили:

— Пойдем в полицаи. Дали бы оружие только, а уж мы Гитлеру послужим!

Взяли Симхова в полицаи. Дали Михаилу винтовку, поставили охранять гараж в том же Бобруйске. Как его жизнь сложилась дальше, не знаю.

А дальше было так. Два месяца тянулся, козырял немецкому начальству. 15 марта 1943 года начал свою

полицейскую службу, присматривался к окружающим людям, а партизанские связные — к нему самому. В ночь на 15 мая выставил раму в гараже, бидон бензина — в окно и горящую тряпку. Шесть грузовиков вместе с боксами уничтожены начисто, а сам вместе с партизанским связным — в лес. Партизаны уже ждали, гараж вроде экзамена был.

Давно это было. Но сохранились документы, отыскались боевые друзья Михаила Симхова по партизанскому отряду: комиссар Федор Попов, заместитель командира отряда и начальник разведки Иван Доценко, разведчица отряда Жанна Иосиповна Цыганкова (в годы фашистской оккупации она жила в Бобруйске).

...Бобруйск гитлеровцы считали своей крепостью. Стоит он на перекрестке шоссе и железных дорог. У фашистов в городе был большой аэродром, военные госпитали, склады, различные штабы и службы. Город охранялся сильным гарнизоном, но даже в самом Бобруйске оккупантам партизаны постоянно напоминали о себе.

Партизанские связные вели агитацию в казармах «добровольцев», подпольные группы патриотов действовали на аэродроме, в полицейских управах — везде, где есть советские люди. «Аусвайсы» — пропуска — у партизан не отличались от настоящих. Да и как их отличишь, если они печатались в одной типографии и заверялись одной и той же печатью?! К подписи тоже не придерешься. Может быть, она чуть-чуть и не такая, как следовало бы, зато по ней с условным поворотом, соответственно дате выдачи пропуска, четкий, даже уж очень четкий оттиск подлинной печати.

Вот по Бобруйску, развалившись в щегольских санках, запряженных отличным рысаком, едет немецкий военный чин и с ним три полица. Чин из небольших, но

важный. А в действительности никакой он не гитлеровец. Это партизанский разведчик Иван Доценко, а с ним его ребята.

Навстречу санкам — местная жительница из лойяльных к оккупантам Жанна Цыганкова. Молодая, симпатичная. С настоящим немецким «аусвайсом».

Доценко кивает ей: не робей, дескать, Анка-партизанка, в случае чего в беде не оставим!

Партизаны получают мины с Большой земли, сами организовали их производство из неразорвавшихся фашистских авиабомб. Но эти мины еще нужно доставить подпольщикам Бобруйска.

И вот магнитные мины-малютки в лукошке с двойным дном в Бобруйск несет четырнадцатилетняя сестренка Жанны Рая. Носит их и Жанна, носит двенадцатилетний Сережа, сын погибшего в боях за Сталинград белорусского солдата Аркадия Русаковича.

В тот день, когда произошла незапланированная встреча начальника разведки чапаевского отряда с одной из отрядных связных, «полицай» Ивана Доценко вскрыли склад немецкого военного госпиталя, находившийся в бывшем Доме офицеров, забрали все оружие, много обмундирования, продуктов, а взамен оставили краткую, но выразительную записку:

«Смерть немецким оккупантам!
Русский Иван»

Назавтра — все дома Бобруйска оклеены фашистскими объявлениями с гарантией всех земных и небесных благ за выдачу партизан или достоверные сведения о них. Только напрасно оккупанты ищут предателей. Партизан нет, и они кругом.

...И он пропал без вести. Больно об этом писать. Но правда есть всегда правда. Митя. Летчик. Немцами был

схвачен в госпитале в Минске. Фашисты всех офицеров тогда постреляли. Митю спасло ранение в голову. Наши хирурги при черепном ранении любую самую великолепною прическу удаляют начисто. А у гитлеровцев как было? С шевелюрой, хоть ты и гражданский человек, числят офицером Советской Армии, и в расход. Стриженный — значит солдат, пригодится для работы на благо великой Германии!

Уходящие на смерть товарищи по госпиталю, просили дружка Митьку:

— Не забудь! Отомсти врагу!

Митя — он называл себя Резвым, но это явно придуманная фамилия — не забыл. Врагу мстил умно и тонко. Он возглавлял патриотическую группу на бобруйском аэродроме. Мечтал увести у немцев боевой самолет. Не удалось. Погиб, выручая товарищей.

Комиссар партизанского отряда имени Чапаева Федор Тимофеевич Попов так рассказывает об этом:

— Жанна Цыганкова жила около аэродрома. Среди его персонала — группа советских военнопленных солдат, чернорабочие, несколько шоферов. Нужно было установить с ними связь. Мы имели данные, что среди военнопленных есть подпольная группа патриотов. Жанне поручили связаться с ними. Как-то докладывает она мне, что познакомилась с Митей, шофером аэродрома из команды военнопленных. Выяснили, что Митя, лейтенант, летчик с нашего сбитого под Минском «ястребка». Митя сам искал партизан. Вот и встретился с нашей связной. Проверив Митю, мы разрешили Жанне привлечь его.

...Громоздкий немецкий грузовик тормозит и останавливается у переулка. К машине с ведрами воды спешит женщина. Шофер заливает воду в радиатор, грузовик трогается. Ничего особенного не случилось, только в

карманах шофера появилось две или три мины-магнитки. А женщина зажимает в руке донесение о Бобруйском гарнизоне. Той же ночью на аэродроме — грохот взрыва, и подготовленный к полету немецкий бомбардировщик разлетается на куски. В чем дело? Случайность? Хорошо, если бы один или два самолета. А за два месяца это уже тринадцатый бомбардировщик. В ночь на 7 ноября грохнули сразу два бомбардировщика, а один вместе с экипажем, не успев взлететь, взорвался на собственных бомбах.

Немцы неистовствуют. Но обнаружить диверсантов не могут.

Жанна передает Мите при очередной встрече совет начальника разведки отряда:

— Вот еще две магнитки. Заложи их и уходи в отряд. За тобой следят.

Но у Мити свой план.

— Мины заложу. За себя оставлю надежного парня, он вне подозрений. Немцы ожидают какие-то новые или модифицированные самолеты. У меня подготовлена группа, захватим самолет и перегоним на свой аэродром. Я летчик, мое дело воевать в небе!

Но Митиной мечте не суждено было сбыться.

В тот день какой-то немецкий фельдфебель полез по лестнице-стремянке замерять бензин в цистерне. Свесился в бак, а проходивший мимо военнопленный вроде бы невзначай толкнул ту лесенку. Гитлеровец и бултыхнулся. Вытащить не успели, богу душу отдал. Набежали офицеры-немцы, стали расстреливать всех оказавшихся около цистерны военнопленных. Митя был вблизи. Обед военнопленным — баланду — привез. Подошел к своему грузовику, достал из-под сидения пистолет. Пять раз успел выстрелить, пять гитлеровцев сбил на землю. Но его свалили, связали и в тот же день тут же, на аэродроме, повесили.

— Погиб наш Митя,—вытирая слезы, доложила связная.

В землянке командир отряда Дмитрий Сезик, его заместитель и начальник разведки Доценко, начштаба Василий Маницын, комиссар Федор Попов. Они поднялись, застыли по команде «Смирно!»: вечная память тебе, отважный сокол Митя. Нужно увековечить твое имя, но как — фамилия никому не известна.

Первым молчание нарушил командир:

— В память о Мите фашистский эшелон — под откос. Что там сообщает разведка?

— Через Мирадино к фронту должен пройти воинский эшелон в 14 вагонов.

— Вот его и опрокинуть. Вызвать Василия Рудько!

— Командир подрывной группы Рудько по вашему приказанию...

— Садись! Вот смотри...— командирский карандаш пополз по карте и остановился. Станция Мирадино. Эшелон должен пройти на рассвете.

На разборе этой операции Рудько очень хвалил Мишу-черкеса. Та ночь выдалась темная, ветреная, подрывать эшелон решили у самой станции в сотне метров от семафора: здесь немецкая охрана не так настроена.

Но нужно было снять часового. С кинжалом, зажав в зубах, припадая к жесткой, сухой осоке, к гитлеровцу неслышно пополз Миша-черкес. Часовой неторопливо шагал по своему участку. У семафора — его напарник, с другой стороны — патруль. Гитлеровец не ожидал нападения. Он так ничего и не понял и не успел вскрикнуть. Железная рука зажала фашисту рот, кинжал ударил в грудь.

Место фашистского часового занял партизан. Он ходил, как и немец, посвечивая фонариком,— сигнал соседним часовым, что все в порядке. А порядок-то уже

партизанский. Так потом рвануло, что немцы сутки убитых возили и трое суток дорогу чинили и убирали разбитые вагоны.

Главное в этой операции было — умело снять часового. Подними фашист тревогу, и операция сорвана.

Миша-черкес — это и есть Михаил Симхов. Он выделялся богатырским телосложением. На нем была серая каракулевая кубанка, с которой он не расставался ни зимой, ни летом.

Жанна Цыганкова в своем письме рассказывает:

«Мишу-черкеса знал и любил весь отряд. Человек он был веселый, отзывчивый, очень сильный и очень храбрый. Мне часто приходилось от ребят-диверсантов слышать, что, уходя на сложные операции, они всегда просили командира отряда Дмитрия Сезика подключить к ним Мишу-черкеса, который командовал отделением партизан-стрелков. Командир соглашался при условии, что сам Миша-черкес не возражает, а тот никогда не отказывался. Если так можно сказать, воевал за двоих: и отделением командовал и во всех важнейших операциях наших диверсантов участвовал.

Меня Миша называл то сестренкой, то дочкой. Последний раз я его видела в феврале 1944 года. Мы, партизанки, помогали по приказу командира отряда приводить в порядок обмундирование наших лесных солдат, а пооборвались многие так, что и рубашки и штаны вроде из одних дырок состояли.

Помнится, однажды я чинила Мише-черкесу гимнастерку и куртку. Он сидел рядом, тоже что-то делал и развлекал нас, портных поневоле, рассказами о Кавказе, о своем ауле, семье и горском гостеприимстве. Приглашал в гости в Черкесск.

А вскоре каратели блокировали нашу бригаду. Начались непрерывные бои и бомбежки. Я была отправлена вести разведку в тылу врага, держала связь с отрядом,

доставляла подпольщикам Бобруйска оружие, боеприпасы, взрывчатку. Иногда узнавала новости о знакомых партизанах. Слышала и о Мише-черкесе. Воевал он храбро и умело».

Бесценны документы партизанской эпопеи, сохранившиеся в архивах, драгоценны чудом уцелевшие личные бумаги погибших или безвременно ушедших из жизни ветеранов. Но что может быть дороже свидетельств товарищей по боям! Документы — они предельно кратки, их схему выработала обстановка тех лет: «Число, месяц, год; в таком-то месте отряд (или партизанская группа) провел боевую операцию, гитлеровцев уничтожено столько-то, трофеи взяты такие-то, в бою отличился...» Вот и все.

Боевые документы составляют в пределах требований старших штабов. Поэтому многогранная и напряженная жизнь партизанских лагерей за строчками документов только угадывается. Для того чтобы представить обстановку давнишнего боя, надо хотя бы пройтись по местности, где он когда-то гремел, постоять у сосны, где давно ржавеют отстрелянные гильзы, послушать шелест чеканной листвы дуба, воспетого в партизанской песне, особо полюбившейся сабуровцам:

На опушке леса
Старый дуб стоит,
А под этим дубом
Партизан лежит.
Он лежит, не дышит,
Он как будто спит.
Золотые кудри
Ветер шевелит.

Только березы и сосны тоже поведают не многое.
Да, было. Свистели пули, от разрывов содрогалась земля. Раскаленный металл впивался и в стволы деревьев, прожигал и сердца сынов земли нашей... Было.

Многое остается еще, да так и останется за семью печатями, если не повстречается участник событий, в неспешной беседе не поделится и грустью о друзьях, кого нет, и радостью былых боевых успехов, не таясь, расскажет и о героическом и о смешном — а оно тоже рядом, — вот только тогда ты и почувствуешь теплое дыхание жизни, услышишь навеки замолкшие голоса, почувствуешь биение живых сердец.

Эту встречу я давно искал, а она все не получалась. И вроде бы от Черкесска до Георгиевска, где живет и трудится Иван Павлович Доценко, не так уж и далеко — верст сто тридцать — и сам Иван Павлович, зная, что я готовлю книгу о ставропольцах — партизанах Белоруссии, рад помочь, но дни так наполнены делами и заботами, что счет им вести не успеваешь.

Встреча состоялась в Черкесске совсем недавно. Прежде чем начинать разговор, я протягиваю рукопись главы «Миша-черкес», прошу:

— Иван Павлович, пройдитесь карандашиком, и попридирчивей. Для пользы дела!

Разговор идет в небольшом кабинете. Доценко устраивается поудобнее в немудрящем кресле, неторопливо листает страницы, на некоторых задерживается.

А я тем временем откровенно рассматриваю долгожданного и неожиданного гостя, одного из организаторов партизанского движения на Могилевщине (Доценко партизанил с августа 1941 года). О таких, как он, в народе говорят:

— Силен мужик!

Ивану Павловичу пятьдесят с гаком. Смоляные без седины кудри, цыганистые яркие брови, армейская выправка, угадывающаяся и за гражданским пиджаком, цепкие с прищуром глаза, привычка десять раз обдумать слово и только потом сказать его.

— Все правильно. Придираться не следует. Даже

обстоятельно написано, интересно. А как оно было не на бумаге, а в жизни, послушайте...

Увлекательной была та беседа. Потом мы ее ненадолго прервали, под вечер снова встретились и засиделись до полуночного боя Кремлевских курантов.

— Вы говорите, что кое-что из действий партизан и подпольщиков кажется невероятным. Невероятное в те годы было обычным.

Сравните хотя бы потери партизан с потерями гитлеровских карателей и полицаев. Один партизан — десять-пятнадцать врагов. А трофеи? Боеприпасами, продовольствием да и оружием до середины 1943 года нас в основном, хоть и против своего желания, а снабжали сами немцы. А сила-то была у них.

Боевые дела?

Мы не числили на своем счету вражеские самолеты, уничтоженные на Бобруйском аэродроме подпольной патриотической группой Мити Резвого. Установили с ним связь, помогали ему. Пламенного сердца был сокол. Обстоятельства гибели его установлены точно. А вот фамилия, имя, звание? Летчик! Не ради себя он старался и голову сложил. Во имя Родины. Я верю, еще отыщется след отважного сокола Мити.

Это сейчас в книгах о войне проще простого прочитать, скажем, такую фразу:

«Всего с июля по ноябрь 1942 года партизаны Белоруссии пустили под откос 597 эшелонов...»

Цифры эти весомые и точные. А что за каждым из этих составов?

Иван Павлович не спешит с рассказом. Он у него обстоятельный, запоминающийся.

Было это в августе того же 1942 года. Поработали мы на немецких коммуникациях добротнo. Фашисты тоже свои меры приняли. Новых гарнизонов понастави-

ли, усилили патрулирование железных дорог, ввели другие меры предосторожности.

Вначале для нас просто было: заложил мину нажимного действия, залег в леске и жди фейерверка. Немцы нашли выход: впереди эшелона, перед паровозом, стали цеплять платформы, груженные балластом, чаще всего песком. Наедет такая платформа на мину — взрыв, платформа, может, две — под откос. Ну, там полотно еще разворотит, но крушения не произойдет. Паровоз успеет затормозить, состав целехонький. Опыта по ремонту железнодорожного полотна немцам не занимать. И вот эшелон, снова прикрывшись платформами с балластом, опять начинает считать километры.

Мы сменили тактику. Перешли на мины натяжного действия. Заминировали «железку», подрывник отполз, замаскировался и ждет. Тут уж немцам и «подушка» из платформ не поможет. Подрывник рванет шнур тогда, когда на мину наедет паровоз. Картина получается что надо. Паровоз — под откосом, передние и задние вагоны разбиты, да и другим досталось. Полотно тоже искорежено на десятки метров.

Пришлось немцам охранять железную дорогу чуть ли не на каждой шпале. Охрану они организовали плотную.

Лето 1942 года. Бои на советско-германском фронте снова достигли большого напряжения. Гитлеровцы рвутся на Кавказ и к устью Волги. Нужно помогать Красной Армии. Штаб требует от нас усилить активность на железных дорогах, а к этим дорогам подойти нельзя.

Две или три наших подрывных группы вернулись с потерями, не выполнив задания. Такого у нас еще не было.

Командир отряда Дмитрий Петрович Сезик собрал свой боевой актив.

— Так дело не пойдет! — Сезик себя не жалел, по полному счету и с людей спрашивал.

— Нагнал немец солдат. К дорогам действительно подступиться трудно! — докладываю я.

— На войне легкого не ищут. На войне есть приказ. Оружие и взрывчатка — в руках. Получил приказ — умри, но выполни. А толу сейчас хватает. Самodelками фашистские эшелоны крушили, сейчас взрывчатку с базы получаем, а дела — шиш с маслом!

Подумал я подумал и говорю Сезику:

— Давай, Дмитрий Петрович, следующую диверсионную группу поведу я. И разведку на железной дороге проведем и поработаем на ней.

Сезик посопел носом — дел в штабе невпроворот, идут и идут новые люди, их проверять, обучать и вооружать надо. И планы операций разрабатывать надо и разведку не ослаблять.

Не любил дотошный и строгий наш командир нарушений порядка. Каждый исполняй свое дело! А тут посопел, покрутил головой. Ладно, говорит, пять суток сроку, толом не ограничиваю, людьми тоже. Без подорванного эшелона не возвращайся. И хитро так подмигнул: «Договорились? Ну вот... А группу поведу я сам».

— И до этого, — рассказывал Иван Павлович, — мы не однажды ходили с диверсантами и разведчиками. И местность знали, а в тот раз петляли около «железки» десять суток. Не подойдешь. Днем патрули, ночью — патрули и засады. Огонь ливневый.

С нами тринадцать бывалых ребят. У каждого три с половиной килограмма тола, оружие, боеприпасы, продовольствие. Нагружены как верблюды. Измучились. А горше всего то, что сами убедились: на железную дорогу не выйти.

— Что же делать? Возвращаться в отряд с опозданием и без эшелона? Лучше уж рискнуть — с боем про-

вести операцию. Но и это не выход — операция наверняка будет провалена.

Решили посоветоваться с людьми, знающими обстановку. А лучше лесников ее никто не знает. В деревне Отрошковици напали на след одного такого. Гацук Иван. В лесниках лет двадцать ходит. Узнали, что у него большая семья, что лесником он и при оккупантах остался. Вызвали на беседу. Разговор начали круто:

— Немцам служишь? (Гацук выглядел своеобразно: тонкий как жердь, рост — метра два, позже его в отряде прозвали «Три Ивана» за непомерную длину). Он оказался не из трусов. В партизанском отряде доказал это. И на вопросы отвечал спокойно, не теряя достоинства:

— А это кому как, — Гацук не очень-то пугается. — Лес, по силе возможности, настоящим хозяевам сберегаю. Война пришла и уйдет, а лес, он — народный.

Видим, надо разговор по-другому вести.

— Мы партизаны. Помогй нам!

— Так я потому и разговариваю, что вы партизаны. И помочь всегда согласен.

— Нужно найти участок на дороге, где охрана у немцев послабее.

Задумался Гацук, говорит:

— Есть такой... У самого Бобруйска. Под носом у немца. А так — и ударить и уйти сподручно.

— Берешься вывести?

— А для чего же разговор веду? Детвору в случае чего не оставьте. Семеро у меня.

— Знаем. Не оставим.

Вывел нас Иван Гацук самыми глухими и короткими тропами чуть ли не под Бобруйск. Наблюдаю я в бинокль. Редкие патрули, все так, как было до немецких чрезвычайных мер. Дождались темноты. На минирование вышли все. Мину заложили редкую. Весь тол. Почти

45 килограммов. Понимали, что это расточительство. Но злости накопилось. Тол в отряд нести было не по правилам. Да и рвануть решили так, чтоб и немецкий комендант Бобруйска в кровати подскочил. А он нам насолил здорово.

В интервалах между проходом редких патрулей подрыли насыпь, заложили тол, протянули шнур, навели маскировку. У партизан правило — готовься к худшему, и здесь его тоже не забыли. Немец, как правило, ночью поезда не пускает. А на рассвете или днем мину обнаружить могут. Тогда пропала вся работа наша, полцентнера тола. В отряде лучше не показываться.

Отползли. Ждем. Минуты идут длинные и тяжелые. А тут еще ни закурить, ни словом переброситься.

Перевалило за полночь. Что-то насторожило меня. Толкнул подрывника — им был сам командир Дмитрий Сезик, — шепчу:

— Не спишь?

— Нет. Слушаю. Вроде постукивает...

А оно стучало громче и громче. Вот и огоньки зашверкали. Накатывается эшелон с двумя паровозами. Обнахалились немцы — решили, что отогнали нас от дороги, стали и ночью поезда пускать. Сезик точно рассчитал и рванул шнур.

Ахнуло так — казалось, земля перевернулась и придавила нас. На дороге вспышки огня, взрывы, крики. После узнали: фашистский воинский эшелон с техникой и цистерной горючего шел. Сорок или сорок два вагона и четыре площадки с балластом. Покорежило весь тот состав и побило, а что уцелело, огонь подчистил.

На что уж Дмитрий Иванович Сезик, командир наш, и себе промахов не прощал, а тут собрал диверсантов, построил их, поблагодарил:

— Молодцы, ребята! Поддержали партизанскую славу!

О том, что мы 45 килограммов толу спалили и вместо пяти суток на операцию потратили одиннадцать, Сезик ни слова не сказал.

Чуть позже выяснилось: весь наш тол поработал на славу. А мы, особенно Сезик, ругали себя за то, что хоть часть взрывчатки не сберегли. Ведь на тот эшелон и половины толовых шашек за глаза хватило бы.

Партизанский фугас был заложен со стороны откоса, протянулся он на несколько метров. Под взрыв попали оба паровоза. От них остались оси и сплющенное железо. Состав шел на большой скорости, разбился вдребезги и, валясь под откос, раскорректировал полотно почти на полверсты. Мы и не предполагали такого эффекта.

Гитлеровцы с узловых станций Осиповичи и Бобруйск прислали ремонтные бригады с тяжелыми тягачами, чтобы растаскивать местами намертво сцепившийся эшелон. Из Бобруйска и его окрестностей для работ были согнаны сотни местных жителей. Железнодорожная магистраль Минск — Гомель замерла на девять суток.

Эти подробности нам стали известны от пришедшего в отряд секретаря Бобруйского райкома партии Николая Лемиша — он не успел эвакуироваться, скрывался под чужой фамилией и оказался в числе выгнанных на ремонтные работы, позже был парторгом отряда.

Штаб партизанского движения Белоруссии эту нашу операцию оценил как одну из самых удачных и всех ее участников отметил правительственными наградами. Дмитрий Сезик получил орден Красного Знамени, Иван Гацук — медаль «За отвагу», я — орден Красной Звезды. Мы о таких наградах и не мечтали.

Я почему так подробно рассказал об этом деле?..

Иван Павлович замолкает, сосредоточивается. Он не любит сыпать словами как горохом. Торопить его бесполезно. Добродушно улыбнется, ответит:

— Расскажу, расскажу. — И не отклонившись ни на

пылинку в сторону, продолжает последовательный, точный рассказ. Его речь надо бы записывать на пленку.

— Примерно через год, почти на том же месте, правда, чуть поближе к станции Мирадино, мы повторили удар. Под него попал эшелон поменьше, но тоже весомый.

У гитлеровцев тактика была несложная: закрыть все подступы к дорогам. Для этого сгоняли местное население, предупредив людей:

— Услышите шум, увидите партизан — поднимайте тревогу. Если что на вашем участке случится, ни одного в живых не оставим!

И расстреливали людей сотнями.

В 1942 году это затрудняло наши действия. И все же немца били там, где он не ожидал. Обманули мы гитлеровцев и при взрыве второго эшелона под Мирадино.

С полгода район этой станции охранялся на каждом метре. Мы знали это и больно кусали немцев в других местах. Немцы понемногу перебрасывали охрану из Мирадино. Мы не мешали им, а когда охрана у Мирадино стала обычной и, пожалуй, побеспечней, чем в районах наших активных действий, мы вновь напомнили о себе.

Я участвовал и во второй операции под Мирадино. Важная роль в ней принадлежала Мише-черкесу.

Операция, в отличие от первой (11 суток), заняла около трех суток. Была тоже очень нелегкой. Переход в оба конца составлял верст сто двадцать. А на каждом участнике операции — взрывчатка, оружие, боеприпасы, продовольствие.

Михаил Симхов шел вторым, я третьим. Невольно присмотрелся к нему.

На привалах и дневках Миша-черкес успевал помочь ребятам разгрузиться, от одной спички жаркий и бездымный костер развести, наладить варево. Присмотрелся внимательно: у Михаила то лишние пакеты тола,

то вместо одной винтовки — две, а передо мною, видимо, напрягая последние силы, появляется паренек из молодых, не привычный к такому темпу. Шестьдесят верст за день с тяжелым грузом — это не каждому под силу. А Симхову и с добавочной порцией вроде бы ничего.

Неуемной силы был человек. А другим и того сильнее был. Заботой о товарище. Он не ждал просьбы о помощи. Увидит, что товарищу тяжело, — и уже рядом.

В армии дружба между начальником и подчиненным — дело сложное. В партизанах несколько проще. Вот с того нашего похода под Бобруйск стал Симхов для меня не таким, как другие боевые товарищи, а ближе, сердечней.

И еще вскоре пришлось мне увидеть Мишу-черкеса в деле. Проводили мы через месяц вторую операцию «Рельсовой войны» под условным названием «Концерт».

Расскажу поподробнее. Наш подпольный Минский обком партии имел семь партизанских бригад. По фронту в 155 километров все бригады в полном составе в ночь на 29 сентября 1943 года скрытно вышли к двухпутной дороге Минск — Бобруйск и залегли перед ней.

В ноль часов над одетыми ночной мглой лесами и полянами взвились зеленые ракеты. Условный сигнал.

Партизаны поднялись на штурм. Где были вражеские гарнизоны — их блокировали, патрулей и фашистскую охрану сбили. И за дело. Тол подкладывали под шпалы, чтобы каша была погуще.

Команда:

— От дороги отойти!

И пошла канонада. Наш отряд получил участок около шестисот метров. Разворотили весь. А всего в тот раз на белорусских железных дорогах было подорвано 116 500 рельсов.

Громкий «концерт» получился. И в Берлине слыша-

ли. Гитлер со всей Европы рельсы снимал, возил в Белоруссию.

Миша-черкес действовал рядом. Выданной ему «под отчет» толовой шашкой подорвал свой рельс, а потом, когда мы проверяли качество работы, он ломом или осколком рельса (в темноте я не рассмотрел) стал выворачивать уцелевшие шпалы, относить и топить их в болотце поблизости. До команды на отход много успел утопить.

— Я сейчас вот задумываюсь,— говорит Доценко,— почему так запомнились мне дела Миши-черкеса? В отряд он прибыл в начале августа, наши связные уже рекомендовали его. За новичками у нас присматривали. А мне, как начальнику разведки, это и по штату было положено. Только тех новичков и без Миши-черкеса хватало. Этот и тени сомнения не вызывал. Настоящий солдат. Каленый, надежный. Ну, а после, когда уже взаимная симпатия, что ли,— в этих вещах я не силен, не знаю как и сказать,—Иван Павлович посмеивается,— вот когда нас партизанский хлеб без соли да вражеские пули сблизили, и я стал по дружбе Михаилу то одно, то другое дело подбрасывать.

Хорошо помню такой случай. Весной сорок четвертого года.

Прибегает в наш штаб связной из деревни Чикили и, еле переводя дух, сообщает: дескать, в деревню заскочили гитлеровцы, грабят крестьян, сопротивляющихся избивают плетками, угрожают расстрелами. Деревня в нашей партизанской зоне, рядом с ней — отделение Симхова.

Докладываю Сезику, а он решения принимал мгновенно. Оглядел штабную нашу комнатенку. Кого послать? И мне:

— Давай на коня. Передай Симхову приказ: народ выручить, гитлеровцев побить!

Я с этим распоряжением с места в галоп к Мишечеркесу:

— Тревога! С отделением — в Чикили. Гитлеровцы налетели!

Симхов сразу же (отделение в полной боевой):

— За мной! Приготовиться к бою! — и широким шагом повел свое отделение, в поводу у него конь Орлик, на нем запас патронов, продовольствия.

Подходы к деревне хорошие: лес, густой кустарник. Мы вышли почти к опушке. Осмотрелись. Слышим крики, плач. В деревне суматоха. Видим, две подводы, у них суетятся семь или восемь фашистов. Трое или четверо тянут упирающуюся всеми копытами корову.

Симхов присмотрелся, говорит мне:

— Вроде полицаи. А это вояки известные. Я их припугну! — Быстро сбрасывает со своего Орлика тюки, берет ручной пулемет, поднимается в седло, командует своим партизанам:

— В засаду у дороги. Цепью. Хватать всех, кто побежит. — А сам стрелой влетает в деревню...

Иван Павлович по-своему добродушно и хитровато посмеивается:

— Тоже из области трудно представимого!

Гитлеровцы очухаться не успели, как Симхов подлетел к телегам и прямо с седла начал расстреливать налетчиков. Фашисты оказались безоружными. У кого винтовка на телеге, у тех, кто корову тащил, — за спиной; стрелять-то нечем!

В бою у нас правило было. Старший начальник без особых оснований в распоряжения подчиненного не вмешивается. Потом уж дело другое. И под трибунал мог отправить.

Я немного нарушил это правило, приказал с шумом атаковать деревню. Дали на бегу залп в воздух и с криками кто «ура», кто «бей, гадов!» — цепью на деревню. В

этой небольшой стычке уничтожили четырнадцать фашистов, их оружие забрали, подводы тоже, а все награбленное вернули крестьянам.

Подшучивал я после над Симховым:

— Что же ты, спрашиваю, так оплошал, немцев за полицаев принял?

Михаил на полном серьезе — а он умел тонко спрятать шутку — объяснил мне:

— Понимаешь, Иван Павлович, корова с толку сбила. Полицаев здесь буренки за людей не считают, хвостами от них отбиваются. Четыре немца на одну корову — и справиться не могут. Какие же это солдаты?! Значит — полицаи.

Шутка она шуткой и остается. Симхов рассчитал верно: немцы сами себя обезоружили, ну, он их и проучил.

Михаила Симхова, Мишу-черкеса, знали в штабе бригады. За Чикили он получил благодарность от комбрига. Дело было негромкое, успехи у нас бывали и покрупнее. Но и для партизан, действующих частенько вопреки всяким правилам, необычное. Молодецкое. Поезжайте в Чикили, там сейчас будут утверждать, что немцев было не меньше взвода, а Миша-черкес их шашкой порубал.

И снова на губах Ивана Павловича улыбка добродушного, знающего жизнь человека.

Хорошо, когда о товарище есть что вспомнить, расказать, приблизить его к сердцам, одухотворенным подвигом, неважно — в прошлом этот подвиг или в будущем.

— Обстановка партизанских блокад? — переспрашивает Доценко. — В книгах все правильно. Каратели зажимали партизан в железные кольца. Били снарядами, бомбами, минами. Пытались душить голодом и выжигать нас огнем.

Были и мы однажды на волосок от гибели. Красное озеро — это по карте, по-местному — Князь-озеро — памятно тем, кто пережил последнюю гитлеровскую блокаду.

Зажали нас в этом месте. А оно — болота и трясины с блюдечками озерной воды. Мокнем мы, кто по колено, кто по пояс в воде. А немцы рядом. Крики команды ветром доносит. Нашупай гитлеровцы нас, открой огонь — перестреляли бы всех.

ПАРТИЗАНСКАЯ ДОЧЬ

Дмитрий Сезик покашливал. Сложения он был не хлипкого, а здоровье подкачалось. В партизанах его не поправишь. А Сезик себя не жалел. Он считал, что командир во всем должен быть образцом, и действительно был примером для партизан.

Снимая стружку за дело, а иной раз и «для порядка», он и себе скидок не давал. Такой уж характер удался. А присмотрись — далеко не сухарь этот командир. Совсем не сухарь.

И партизаны — их на мякине не проведешь — попривыкнув к установленным командиром порядкам, пришли к выводу: командир знает, что делает, и требует то, что надо.

Ранней весной 42-го прибилась к отряду девчонка-замухрышка Надийка. Из подростков уже вышла, в девушки ни лицом, ни статью не определилась. Покочевала с партизанами неделю, узнал командир, сдвинул брови:

— Что, детский сад при отряде откроем? Позовите ее! (Штаб Сезика находился в деревне Малеин).

Пришла. Остановилась в дверях хатенки. Невзрачная, плакавшаяся. Глаза в пол, руки плетями по бокам.

— Чья ты? Сколько лет? Где родители?

— Местная. Шпак Надежда. Восемнадцатый пошел... отца, мамку, всю семью немец пострелял... Хату спалил за партизанство. Одна я. Не гоните! — И, уронив голову на руки, повалилась на колени.

Сезик подскочил на табуретке:

— Да ты что, у попа на исповеди?! Встань сейчас же. Говори толком.

Что поп на исповеди устраивает — партизанский командир и представить не мог. В церкви бывал в том возрасте, когда носят или водят, что девчонка должна «говорить толком» — тоже неизвестно, на его вопросы она уже ответила. Решать судьбу партизанской сироты предстояло ему. Сезик попытался, сам того не понимая, свалить с себя неожиданный груз.

Растерялся командир. Нелегко сиротские слезы вытирать. Горе горькое, беспомощность пришла опереться на его плечо, а что он мог сделать?

— Да ты ведь в партизаны просишься. Мы все время в боях, немцы за нами с овчарками охотятся. И голодуем и замерзаем. Это вот сейчас в хатах. Прижмет немец — в леса уйдем!..

Поймав себя на многословии, Сезик оборвал речь. Посопел носом, а это с ним бывало, когда он задумывался над важным делом или кем-то недоволен: товарищами или собой. Сейчас он сам себе не нравился.

А девчушка тем же безропотным голосом, не поднимаясь с колен, умоляла:

— Не гоните! В огонь пойду. Винтовку дадите — стрелять буду. Одна я. Кроме вас, никого на свете. Прогоните — в речку брошусь. Все равно гибнуть!

Сезик уже овладел собой. Спокойно переспросил:

— Значит, в речку? Эх ты, пичуга. пичуга... А полы протирать не надо. Их мыть нужно. Вставай, вставай. Что делать-то умеешь?

— Все, что скажете,— отряхнув коленки, заявила пичуга.— Мыть полы, стирать, варить...

— Было бы из чего, любой из наших сварит, — хмуровато пошутил Сезик и сдвинул брови.— Что же мне с тобой делать?

— Раненых да больных у нас много,— подал голос фельдшер, человек из гражданских, старательно и неумело осваивающий армейские порядки Дмитрия Сезика.— Для ухода за ними способней женских рук нет. Это я официально докладываю.

Сезик осмотрел еще раз девчонку-пичугу, метнул взгляд на фельдшера: тоже нашел женщину! Подумал: фельдшер, хоть мужик он и с завихрениями, а дело предлагает.

— Иди в его распоряжение. Будешь медицинской сестрой. А ты,— это уже фельдшеру,— подучи свою кадру, чему сможешь!

— Есть подучить!

Девчонка от роду оказалась крепких солдатских кровей. В хате, где дышать было нечем от тошнотной мути и гниющих ран, она жила и работала. Научилась отмачивать раны и делать перевязки, помогала фельдшеру в более сложной медицине — подготовить стерилизатор для уколов или несложной операции, еще что-либо. Кое-чем из инструментария отрядная медицина располагала. Не было главного — лекарств. И медицинская сестра, отмаявшись день-деньской, ночами всхлипывала в своем уголке. Плакала не о себе. Оплакивала отца и мать, жалела вот этих молодых и поживших партизан, у которых гноятся раны, лечить нечем, а она, хоть и не медик, а понимает: мучаются люди и не все выживут.

Но дело шло к лету, партизаны поокрепли. Стали появляться и лекарства. Ушли из самодельного госпиталя приболевшие и ослабевшие, стали, как говорил партизанский фельдшер, «выписываться» и раненобольные.

Процедура была твердой. Полагалось доложить:

— Товарищ военфельдшер, чувствую себя здоровым. Прошу направить в строй!

Партизанский фельдшер, добряк и балагур, сам того не замечая, в наведении армейских порядков подражал командиру, и если у Сезика это шло от ума и твердой воли, то у Ильи Сазоновича от стремления не отстать кое в чем получалось наперекосяк. А так лечил он на совесть, психотерапии, как сейчас говорят, то есть подбадриванию больных, уделял внимания с избытком. Верили ему. Он в глаза и за глаза ходил в доброжелательных Сазоньках.

Осмотрев в последний раз подопечного, Илья Сазонович отпускал его, если не находил опасности простудиться.

— Инфлуэнца,— в таких случаях, похаживая по своей больничной палате, разъяснял терпеливым слушателям (а куда денешься?!) Сазоньч,— по современному грипп, явление простудно-инфекционного характера. Периодами принимает масштабы стихийных бедствий. Выписывать с риском на грипп я не имею права.

Так как «риск на грипп» отмечался в ненастье, то пациенты Сазоньча обращались с просьбой о выписке в солнечные дни, и дело решалось к обоюдному согласию.

Надийка осталась почти не удел. Она была не из тех, за кем работа бегаёт. Штаб и госпиталь неподалеку.

Штабной ординарец (он же и повар) и раньше за-скакивал в госпиталь.

— Надийка! Вот пшено и сало, сваргань кулеш. Я с пакетом в бригаду. Возвернусь, прихвачу. А то командиры оголодают.

— Надийка, вот бульба да цыпак. Там соус или суп состряпай. Что повкусней. Отощали мси начальники.

Потом ординарцев стало побольше, и тройка от шта-

ба к госпиталю пошире. Обыкновенная жизнь, какая она? Приказы выполняй на одной ноге, спи одним глазом, обед готовь единым духом.

А Надийка что? Возьмет бульбу или пшено, шматок сала или щиплака. Негромко ответит:

— Не беспокойся, Петрусь. Приготовлю.

Бывало, задержится тот Петрусь, а все поспело, перекипает. Завертывает чугунок в полотенце и — в штаб, на стол. Поклонится:

— Кушайте на здоровье! — и ходу. К ней привыкли, как к безмолвной тени. Стали отмечать обыкновенские пересолы, зубоскалить:

— Ну и настрашал ты Надийку, — посмеивались начштаба Василий Маницын и начразведки, дотошный, с хохлацкой лукавинкой Доценко. — Она же за дверями с горячим чугуном дежурит. Ждет, когда ты или за бумаги усядешься или к окну подойдешь. Опять борщ холодный!

Сезик шутки принимал всерьез:

— А если б тех Надиек десятков пришел, что бы я делать стал? Общепит или военторг создавать?

Вообще-то Сезик Надийку не замечал. Фельдшер хвалит, обыкновенцам тоже помогает. Хорошая девчонка. Это порядок, так и должно быть.

Приболел Сезик. Слег. Кашель. Температура. Попытался встать, упрямством прогнать хворобу. Не тут-то было. Слабость, головокружение. Шатнуло, и на пол. Уложили, отругали. Фельдшер со своим главным и единственным помощником уже с больного стянули гимнастерку, нижнюю рубашку. Сазоныч трубочку свою то туда, то сюда. Помолчал, потер переносицу, доложил комиссару Павлу Панкратову, который и по складу характера, возрасту, армейскому званию был ровней Сезику и имел такой же голос, как и командир:

— Положение тяжелое. Крупозное воспаление лег-

ких, ослабленное сердцебиение. Прописываю медикаментозное лечение, полный покой и усиленное питание.

— Покой и питание обеспечим. А чем лечить будешь, Сазоныч? — не скрывая озабоченности, спросил комиссар.

— Медикаменты есть из трофейных, как-то: стрептоцид, сульфидин и другие. Необходимы все лечебные факторы в совокупности! — Сазоныч умел поддержать достоинство профессии медика и весомость выводов древнейшей из наук.

Сезику отвели отдельную горенку. И две недели, приходя в сознание или пробуждаясь от сна-кошмара, Дмитрий видел над собой ясные и тревожные глаза. Медицинская сестра выполняла все предписания своего хлопотливого начальника и без всяких предписаний дневала и ночевала на скамье у изголовья бредящего и мечущегося в жару командира.

А ему приходилось туго. И что больше помогло — трофейные медикаменты или заботливые женские руки, которые каких-то полгода назад Сезик ни коим образом не считал за умелые, — это еще вопрос.

Командир осилил липкую тину горячки, из горенки перебрался в штабную комнату, перешел на общий стол. Надобность в медицинской сестре отпала.

Но штабники, которым в печенки въелись ординарские деликатесы, настояли, чтоб Надийку взяли поварихой в штаб.

И за первым же обедом Дмитрий Сезик, суровый, знающий только дисциплину да уставы командир, глянув на пичугу-заморыша, чуть не поперхнулся.

Обед подавала стройная, как березка, ясноглазая и светлая девушка.

«Ну и ну, — подумал Сезик, — и когда расцвести успева?!.. А много ли надо молодости для цвета?».

Потом стали замечать, что командир появляется в

наглаженной гимнастерке и бриджах, что подворотничок у него снежной белизны.

А однажды апрельским вечером, когда командование отряда, народ спаянный, дружный, сидя на завалинке, проветривали головы, дымя махоркой, Дмитрий Сезик сказал:

— Не думал не гадал, а судьбу свою нашел. Поздравьте. Женюсь.

— Надийка? — поинтересовался начштаба.

— А кто же еще? — даже удивился Сезик.

— Ох и припомнит она тебе, Дмитрий, как ты ее в отряд принимал! — не унимался Маницын.

— Тю на тебя, Василь! Да такую жену искать — не скоро найдешь. Отвоюем, на руках носить буду!

— Вот-вот, ты ее тогда в объятия сразу и принял, — все пытался «завести» Сезика начштаба, которого словно осы подзуживали.

— Отстань, — беззлобно отмахнулся Дмитрий Сезик и с хитринкой добавил: — На свадьбе почетным гостем будешь, рядом с невестой усажу.

— Уж лучше рядом с жареным поросенком да с бутылкой покрепче!

Обошлись без свадьбы. Не до нее было Сезику. Наступало партизанское лето. Забот появилось невпроворот. А Дмитрий был не из тех, кто думает о себе.

Командирская жена так и осталась для всех Надийкой. Тихая и застенчивая, она и раненых обстирывала, и мужа начищала и наглаживала так, что все тот же неугомонный начштаба в свободную минуту, потягивая самокрутку или трофейную сигарету, с рассчитанной мечтательностью тянул (при Сезике, конечно):

— До чего ж замечательно женатым. Полный комфорт и все удобства. Женюсь! Честное слово, женюсь!

Сезик спокойно, уходя от дружеских наскоков, похоже, сочувствовал:

— Потарапливайся, Василь, девчат хороших в окрестности, как на ярмарке. Выбирай любую — бегом побежит. А то война кончится, фронтовики орлами налетят и расхватают всех. И останешься ты на бобах. Проживешь жизнь бобылем и на старости лет портки тебе некому будет постирать!

Крепкую опору нашел себе Дмитрий Сезик в девушке-тростинке. А Надийка в своем Дмитриии, хоть и нравом он крутоват, души не чаяла.

Нет, не запугал ее, девчонку, при первой встрече сердитый командир. Сердцем своим измученным поняла она, что его окрики лучше сочувствия, что ее горе — это горе и этого сурового, отягощенного большой заботой человека. И она безошибочным женским чутьем из многих, а среди них были и такие, что откровенно любовались ею, выбрала человека, неискушенного в сердечных делах, заботами отвлеченного от таких дум. Выбрала и не ошиблась.

...Иринка родилась в положенный срок. В отряде это было событием. Для лесных воинов, которые уже забыли или по молодости никогда не видели новорожденного, Иринка олицетворяла вечность жизни, торжествующей над законами смерти, действующими на войне. Ребенок появился на свет радоваться цветам, шумящему лесу, солнцу. Партизанская дочка, первая на бригаду!

Партизаны забегали поглядеть на еще бесформенный комочек будущего человека и тащили в подарок кто сосновую шишку, кто трофейную губную гармошку, а кто-то из молодых «на зубок» (это новорожденной-то!) пригнал тяжелый, военного образца, велосипед (видно, гитлеровского самокатчика на мушку поймал).

По душевной скромности Надийка принимала ни ей, ни ребенку не нужные дары, складывала их рядом с

колыбелью — подарком хозяйки из соседнего дома — в угол, где выросла целая груда бесполезных предметов.

Дмитрий Сезик, вернувшись после напряженного дня домой, увидел эту груду. Спросил:

— Выкинуть?

— Не надо, Митя. Это от сердца подарено. Пусть полежит. Я потом ненужное уберу, а что годное ребятишкам отдам.

— Дело твое, — согласился Дмитрий и присел к колыбели, рассматривая пухлое, с неоформившимися еще чертами личико крохи.

Кроха чмокала соской (подарок другой соседки), пускала пузыри, сопела носом.

Сезик расхохотался и сквозь смех с трудом выговорил:

— Смотри ты, а Ирка — точный мой портрет... и носом сопит, как я!

Напуганный ребенок потерял соску и заплакал.

— Ну-ну, ты на отца не очень-то покрикивай, — проговорил Дмитрий и быстренько убрался в сторону.

Надийка подошла к колыбели, отыскала соску, перепеленала ребенка, покачала, и кроха уснула.

Партизаны были способны не только на бесполезные знаки внимания. Неподалеку от выхода из горенки Сезиков появилась глубокая, с накатом в два бревна и удобными ступеньками, щель. Надийке объяснили: по сигналу «Воздух!» с Иринкой — вниз. Вот столик, вот скамейка. Сиди и жди отбоя.

Щель была получше штабной, но сам Сезик к этому никакого отношения не имел. Он думал о порученном ему отряде, о бойцах, особого внимания семье не уделял, не в его правилах это было.

Бомбежки становились все чаще. Захватывали они и Надийку с ребенком по дороге. А у нее забот хватало: и за молоком для Иринки нужно сходить, и ребенка

фельдшеру надо показать — Иришка нет-нет, а приболеет. Да мало ли дел у молодой матери и хозяйки!

И если она оказывалась под бомбами и жалась с ребенком, прикрыв его собой, к стенке хаты, рядом, откуда только они выскакивали, оказывались партизаны, вырывали Иринку, хватали Надийку за руку и бегом волокли в ближайшее убежище.

Усиление бомбежек — верный признак наступления гитлеровцев. И оно началось.

Кое-кто из серьезных исследователей на Западе и сейчас удивляется: как удавалось партизанам вырываться из стальных когтей немецкого хищника?

Как?

Гитлеровцы в тот раз пошли полками с танками, полевой артиллерией, минометами. Армейская авиация немцев разбивала деревни, бомбила кажущиеся подозрительными лесные массивы.

Отряд Сезика оставил свою базу. Женщин, детей, раненых отправили подальше в леса. Партизанские роты, сражаясь с врагом, медленно отходили. Немцы несли потери, но и положение партизан становилось все тяжелее. Кончалось продовольствие, и патроны выдавались уже по десятку на ствол — только для верного выстрела. И эту норму удавалось сохранять лишь потому, что падали убитыми и ранеными партизаны. Но если каждая винтовка еще могла выстрелить десять раз, то партизанских винтовок на линии огня становилось все меньше.

Петля стягивалась все туже и туже. Чувствуя, что сопротивление партизан слабеет, гитлеровцы усилили нажим, чтобы ускорить конец этой затянувшейся операции.

В тот день атаки карателей следовали одна за другой. Сезик приказал раздать последние патроны.

До ночи партизаны продержались. А ночью, бросая

все, что не нужно, ушли в Красные озера — топкие болота с зеркальцами воды. На одном из таких зеркалец, в полуверсте от берега, сгрудились партизаны, их семьи, люди, бежавшие от карателей.

На что рассчитывал Сезик, приказав отойти в болото и держаться совершенно бесшумно?

Была одна надежда — туман. Последние дни дождя, в воздухе висела пелена из мельчайших капель дождя, по местному мжичка. Но это еще не был туман. Он лег плотной, ватной и липкой завесой с утра, когда каратели начали метаться по берегу озера, прочесывать лес, отыскивая исчезнувших партизан. Долго гудели над озером фашистские «мессершмитты» и «фокке-вульф». Но в таком молоке много не налетаешь, стукнуться — пара пустяков. И не побомбишь. Где свои, где партизаны? Гитлеровские летчики, побросав ракеты и убедившись, что и они ничем не помогают, ушли и больше не возвратились.

Наступила глухая тишина со смутными звуками: кто-то, словно обернув железо ватой, стучит им по камню; закрыв рот руками, кто-то кричит. Чувствовалось, что на берегу идет какая-то усиленная возня, ясно было: гитлеровцы ищут партизан. Слышался лай собак. Но Сезик — мужик дальновидный. Приказав спуститься в воду, он километра полтора вел людей вдоль берега и только тогда оттянул их к центру озера.

Где-то на берегу протрещали очереди пулеметов. Вспыхнула и быстро затихла перестрелка.

Колонна партизан стоит клином. Ее острие — бойцы, сохранившие один или два патрона, за ними — офицеры штаба, у них пистолеты и револьверы, дальше — те, у кого винтовки со штыками, затем — раненые и все остальные. Если туман станет рассеиваться, Сезик начнет атаку. Используя растерянность немцев — появления партизанского отряда из озера фашисты, надо думать,

не ожидают,— он попытается прорваться, рассчитывает на первом этапе боя и арсенал партизанский пополнить — назначены трофейные команды, они пройдут полосою за атакующими, соберут все вражеское и свое оружие и примут участие в ударе на прорыв.

Люди, поддерживая друг друга, кто по колено, кто по пояс в воде, стоят уже часов двенадцать. Делятся последними крохами сухарей, картофелинами.

Туман лежит густой, молочной пеленой. На озере напряженная тишина. И тут тонко, пронзительно заплакала Иришка. Все пеленки ее давно были мокрыми, мать не могла ничем помочь, у нее от нервного напряжения пропало молоко.

Надийка — она была рядом с мужем — услышала его яростный шепот:

— Ты что, отряд погубить хочешь?

Надийка пыталась зажать дочурке рот, но иззябшие пальцы не повиновались. Плач не утихал.

— Брось... в воду,— приказал Сезик. По тону Надийка поняла: говорит не муж, но командир, отвечающий за отряд и доверившихся отряду людей.

— Не могу, Митя...

— Дай сюда!

— Отдай мне! — стянув с плеч шинель, Павел Панкратов, комиссар, быстро замотал в нее малютку, протянул матери и тем же быстрым шепотом, каким велся весь этот разговор, спросил Надийку:

— Удержишь?

— Удержу,— чуть слышно ответила та.

Панкратов взглянул Надийке в глаза, буркнул:

— Тебя саму держать надо.— Обернулся. За спиной — Миша-черкес. Ну, этот не уронит.

— На, держи крепче! — И Надежде: — Не бойся!.. — цокая зубами, добавил: — На св-вадьбу не з-забудь пригласить!

Донесшимся с озера через стену тумана непонятным звукам гитлеровцы не придали значения: то ли какой речной зверь голос подал, то ли еще что. В этих лесных дебрях и без тумана чертовщины не оберешься. А сейчас в двух шагах ничего не видно. Партизаны, наверное, ушли известными только им тропами через болото, а возможно, таятся в лесу и постреливают. У немцев и на берегу этого озера-болота уже есть убитые и раненые. Два раза загоралась перестрелка. Оба командира доложили, что с трудом отбились от напавших партизан и вынуждены были отойти, прикрываясь огнем. Может быть и такое. А может, со слепу палили свои по своим. В такой мгле все может быть.

Шум на берегу стих, и Сезик к вечеру — а он ничем не отличался от ночи — выслал разведку. Ее итог был неправдоподобен: немцев на берегу не было.

Партизанская колонна в порядке, установленном для прорыва, двинулась на сушу.

Сезик послал вторую партию разведчиков — по берегу озера и в глубь леса.

Снова те же самые рапорта:

— Немцев нет!

Обшаривая лес, разведчики наткнулись на три ящика патронов, принесли их. В отряде было десятка четыре немецких винтовок, их владельцы, на зависть другим, тут же получили боеприпасы.

Командир разрешил сделать привал, разжечь костры и заправиться «чем бог послал».

Бог оказался скуповат. Заправляться пришлось крутым кипятком. Но и он был небесной благодатью.

После короткого привала, подсушивания одежды и обуви колонна по приказу неумолимого командира пошла к ближайшей деревне. Уже рассветало. На опушке Сезик разрешил привал и стал ожидать посланных вперед разведчиков.

Снова один в один доклады:

— Немцы ушли!

И более страшное:

— Деревни нашей округи уничтожены начисто.

Предупредив об этом уходивших от немцев вместе с партизанами местных жителей, Сезик повел свой отряд на бывшую базу, рассчитывая на спрятанные запасы. Но гитлеровцы оказались предусмотрительными. Не пожалев труда и времени, они проверили щупами все дворы, разыскивали все ямы. То, что было поценней, разграбили, ямы с картошкой залили керосином и сожгли. Уцелел только небольшой тайничок в лесу — в нем было тысячи три патронов.

Сезик сидел в наспех устроенном шалаше у костра. Услышав этот рапорт, он приказал Маницыну:

— Распиши боеприпасы по ротам и прикажи раздать. Тысячу патронов зарезервируй. А вот с продовольствием что будем делать — ума не приложу.

— Крестьянские ямы с картошкой искать надо!

— Уже ищут. Та же история. Немец все, что мог, испакостил.

А картошка была нужна позарез.

Надийка, разорвав на пеленки свою рубашку, хотела перепеленать Иришку — старые пеленки стали отваливаться от ребенка с кусками кожи. Иринка уже не кричала, а, словно понимая все, как взрослый человек, тянулась взглядом к матери, глухо и обреченно постанывая. Прибежавший на крик Надийки фельдшер, схватился за голову:

— Единственное средство — крахмал. Пересыпать младенца слоем поплотней, сейчас еще можно надеяться на благополучный исход. Без этого...

Партизаны узнали и об этой беде. Картошку искали все. Повезло Мише-черкесу. Он принес на плече мешок, свалив его, доложил:

— Бульба. Нашел ее в разбитом бомбой подвале. Порыться надо, там ее порядком.

В штабе, в соседних шалашах, все, кто чем только мог, начали скоблить и тереть картошку, в котелках сушить беловатую массу. Для Иришки, дочери Надийки и командира, дочери всего партизанского отряда.

Тот погреб с картошкой (осел от взрыва, вход завалили края воронки) спас отряд от голода. Миша-черкес его каким-то особым чутьем обнаружил...

Летом 1966 года один из соратников Дмитрия Сезика (а кто он, догадаться будет не трудно) проехал по местам, где когда-то партизанил. Сейчас это смежные районы Могилевской и Гомельской областей. Приехавший встречался с партизанскими побратимами. С налетом грусти вспоминали первых героев отряда, павших в бою с крупными силами карателей 23 февраля 1942 года: начальника разведки отряда молодого, отчаянной храбрости, местного комсомольца Павла Струка, проводника, он к тому времени стал уже наводчиком станкового пулемета; Ивана Гацука (его осиротевшую семью партизаны взяли под свою опеку и сберегли); лихого и в пляске и в бою двадцатилетнего лейтенанта Толю Завертяева, раненного в этом же бою и умершего от газовой гангрены в партизанском госпитале — одиноком домике на лесистом островке Хомин Рог. Толя похоронен в лесу у Хомина Рога.

Вспомнили первого комиссара отряда, душевного, а при трудностях кремневого человека Павла Панкратова. Он дважды был ранен в боях, после второго ранения лечился в Москве, в 1944 году приехал майором с орденом Красного Знамени служить военкомом в Глуцкий район. Туда, где сам же партизанил, а вскоре какой-то фашистский недобиток ночью метнул в него гранату.

Начштаба Василий Маницын, до войны техник-

строитель, внешне вроде бы наглухо застегнутый штаб-ник, а в действительности — весельчак, храбрец, хороший товарищ, умер в 1954 году. Михаила Симхова, Миши-черкеса не стало в 1959 году, а казалось, что такому богатырю сноса не будет. Невеселый был этот список утрат.

Заговорили о командире. Если сказать, что Дмитрия Сезика любили, это будет неточно. Им гордились. Он все трудности переносил вместе с бойцами, не давал себе никаких поблажек.

А у Сезика был туберкулез. Он скрывал это от друзей. Друзья знали и, шадя самолюбие командира, делали вид, что верят словам Дмитрия о «проклятой простуде» и «хроническом катаре горла».

Знала и Надийка. И когда Дмитрий сказал ей о болезни, она успокоила его:

— Лечиться будешь.

Подрезало крылья партизанскому командиру суточное купание в осеннем Красном озере.

В дни прощания летом 1944-го отправлялись кто куда: в части Действующей армии, в войска МВД, на восстановление народного хозяйства. Дмитрия Сезика отправили на пенсию как инвалида второй группы. Обнимая на прощание своего командира, люди видели — не жилец он на белом свете: восковое лицо с лихорадочным румянцем, спекшиеся от постоянной температуры губы, глухой, непрерывный кашель.

Партизаны привыкли видеть своего командира стройным, подтянутым, но сейчас Дмитрий совсем истончал. Крепко его болезнь, видно, скрутила.

Плоха была и Иринка. Держала Надежда в руках молчаливый, тихо посапывающий сверточек.

Сезик до войны был учителем. Отвоевав, он уехал с семьей на Украину, работал директором средней школы

в родном селе Андрейковке Хмельницкой области. Там же отпраздновал День Победы. В родной земле навеки и остался.

— А Надежда, а Иринка?

Дорогу указали точно:

— Вот та хата!

В доме никого. Постояв во дворе, гость догадался заглянуть в огород. Здесь кто-то возится, убирая картошку. Но у женщины совершенно седая голова. Неужели это она. Надежда?

— Хозяюшка!

Женщина выпрямляется, извечным движением, чтобы защитить лицо от яркого августовского солнца, прикладывает руку к глазам и ачает:

— Иван Павлович! Да не может быть!.. Ведь сколько лет!..

Да, лет прошло со дня расставания немало, более двух десятков.

Надежда просит гостя отдохнуть, скрывается в домике и через несколько минут, освеженная и принаряженная, приглашает боевого соратника и друга мужа в дом.

Скромная крестьянская обстановка. В доме ни пылинки. Прохладно. Пахнет травами, свежевывытым деревом.

На стене — большой портрет Дмитрия Сезика. Сделан он, видимо, с фотографии, но рукой умелой: темно-русые волосы, светло-голубые глаза. Хорошо передано выражение спокойной сосредоточенности. Характером Дмитрий был горячеват, но умел держать себя в руках. Кому-кому, а Ивану Доценко — он почти три года был заместителем Сезика — характер командира хорошо известен.

Перехватив взгляд гостя, Надежда Петровна вытирает глаза:

— Недолгое счастье мое... Горюшко неизбывное!..

Отвлекая женщину от невеселых дум, на правах старого друга и соратника, Доценко спрашивает, боясь нанести еще одну рану и надеясь, что этой раны не будет:

— Надя, а как Иринка?

— Дочка наша? А сейчас!

И вот на фоне настезь распахнутой двери, в квадрате, за которым буйство летних красок, зной и золото августовского полудня, возникает девичья фигурка. Она повыше матери (ростом в отца пошла), поплотнее и куда женственней.

— Да ты пройди в хату. Иван Павлович не чужой тебе. Отцов друг. Три года вместе воевали.

Девушка делает несколько шагов, протягивает руку:

— Ирина! — голос у нее звонкий, чуть прерывающийся, видно, спешила.

— Да садитесь же, садитесь! — хлопчет мать, усаживая и гостя и дочку.

Доценко переводит глаза с матери на дочь. Похожи. Когда-то Надюша была вот такая же. Впрочем, нет. Ирина — красавица. Лучшее от матери, лучшее от отца. Переброшенная через плечо коса золотится под солнечным лучом. Такие же темно-русые с золотым отливом были волосы и у Дмитрия Сезика.

Ирина охотно рассказывает о себе. Окончила педагогическое училище, преподает в школе. Недавно вышла замуж. Муж тракторист. Живут дружно. Думают учиться дальше... Да и почему не строить планы будущего, если вся жизнь впереди?!

Встреча людей, у которых за спиной волнующие события, не возможна без воспоминаний.

Иван Павлович по-родственному пошутил:

— А вот не вмешайся комиссар, и тебя бы, Иринка, давно на свете не было. Стала бы ты лягушонком в болоте.

— Вы о Князь-озере, Иван Павлович? — серьезно спросила дочь командира и улыбнулась.

— Отец был прав. Если даже кто-то неразумный может погубить людей, его нельзя щадить... Я поступила бы так же, как отец!

Молодость не любит сомнений.

Обняв на прощанье Надежду и Ирину, Доценко спешил на автобус. Думалось легко, хотя мысли носились стаей вспугнутых уток.

Партизанская дочь Иринка! Если бы тебя мог увидеть отец! Умирая, он шептал твое имя. Просил жену: «Сбереги дочку. Это все, что оставляю. Пойми меня... Прости, родная!..»

Что ж, дорога у Ирины светлая, место и счастье в жизни она нашла.

А вот мать ее! Всю себя отдала любимому, выхаживала его, а оставшись со слабенькой малышкой, отогрела ее у раненого сердца, отстояла.

Сама поседела, завяла без времени. А ведь ей — Доценко без труда высчитал: Иринка родилась в 1943 году, Надюше было лет 19, прошло 23 года — значит Надежде чуть-чуть за сорок... Неужели же сорок лет — бабий век?!

Сколько же слез довелось тебе выплакать, сколько сил отдать мужу, ребенку? И есть ли предел твоей самоотверженности, жена партизана, мать?

...Деревня Залесье в том же Октябрьском районе, где когда-то действовал отряд Дмитрия Сезика. После его смерти Надежда с девочкой вернулась в родную Беларусь.

И сейчас, вечерами, когда шумят окрестные леса, ей часто слышится сдержанный голос мужа, озорные шутки начштаба Василия Маницына, твердые, словно обрубленные, фразы комиссара Павла Панкратова...

— Бульба! Нашел в подвале. Там ее навалом! — это веселый голос Миши-черкеса.

Если бы не эта картошка, не было бы и ее, Иринки. Девочку уложили в крахмал, а ей самой в руки сунули котелок крутого картофельного отвара, предупредили:

— Губы не опеки!

И она, плача и захлебываясь, глотала удивительно вкусный и бодрящий навар.

Нет Дмитрия, нет Павла Панкротова, Василия Маницына, Миши-черкеса. Многих нет. А голоса их звучат, тревожат, подбадривают, отгоняют сердечную усталость.

* * *

Я начинал это повествование рассказом о нашем от-
важном земляке Михаиле Симхове. Он никогда не был
один. Мишу-черкеса, когда он уходил на фронт, окружа-
ли друзья земляки. В партизанах его боевыми побрати-
мами стали белорусы и украинцы, русские парни из
Брянской, Смоленской и Рязанской областей.

Людям Белоруссии дороги имена наших земляков —
легендарного Османа Касаева, Кичибатыра Хаиркизова,
Аскера Бархозова, Хмары Догужиева.

Ставропольцам близки и дороги боевые побратимы
сынов нашего края. Ведь дружба — это оружие, которое
никогда не ржавеет и не отказывает в тяжелую минуту.

Я разыскал боевую характеристику на Михаила Сим-
хова. Она подчеркивает его исключительную храбрость
и мужество; его участие в боях, диверсионной и охот-
ничье-поисковых группах. Читаю характеристику До-
ценко:

— Все правильно! — посмеивается Иван Павлович. —
Помню, и я ее подписывал.

Да, третья подпись на характеристике: «Начальник
разведки отряда — Доценко».

— Скажите, Иван Павлович, а как вы попали в партизаны?

— Очень просто. В августе 1941 года нас забросили для организации партизанского движения в Бобруйский район. Места были знакомые — до войны и казармы наши там находились и ученья на местности сотни раз проводили.

В группе были старшие сержанты Дмитрий Сезик, Василий Маницын, Павел Панкратов и четверо рядовых, в их числе я. Было нам кому лет двадцать, кому около этого.

Человек пять из будущего руководства отряда: командир, его заместитель, а потом и начальник разведки, начштаба, наш комиссар и, кажется, Андрей Кортон были из разбитой врагами на границе 121-й стрелковой дивизии...

121-я, 121-я?! Что-то знакомое, а сразу припомнить трудно.

Да ведь...

— Иван Павлович! В 121-й стрелковой дивизии батареей 76-миллиметровых пушек в пограничных боях командовал лейтенант Осман Касаев, впоследствии командир 121-го партизанского полка, капитан, Герой Советского Союза... Значит, вы...

— Однополчане. Соратники по боям на границе и партизанским тропам. А Дмитрий Сезик в арtpолку взводом разведки командовал. Наверняка знал Касаева Османа.

Иван Павлович самые неожиданные вещи сообщает в своей обычной манере — неторопливо, спокойно.

— Могли ли быть у нас встречи с партизанами из Ставрополя? — повторяет он мой вопрос и отвечает: — Конечно, могли. Отряд Османа Касаева действовал километрах в пятидесяти от нас, Аскер Бархзов — того ближе, в соседнем районе, восточнее. Южнее нашей зо-

ны, тоже очень близко, располагались сабуровцы. И с ними встречались, делились табаком, новостями с Большой земли.

О своих делах, понятно, никто и слова не проронит. С переходящими нашу зону идут представители штаба или нарочные привозят распоряжения.

А партизанских тропок проторили много. Они сплетались, расходились в стороны, а вели к одной цели. Еще одним неразрывным узлом закрепляли вековую дружбу народов ленинской Страны Советов.



**СОЛДАТЫ УМИРАЮТ
С ОРУЖИЕМ**

Перед лесной деревушкой они чуть не столкнулись. Тропинки развели их на сотню метров в стороны. Оба слышали шум шагов, насторожились, приготовили оружие. Кто его знает, на кого наскочишь? Может быть, и свой, из окруженцев, такой же, как и ты, бедолага. А если фашист или полицей? И оба, прячась за деревьями, пошли на сближение. Если враг — будет схватка.

У одного в руках черный немецкий автомат, у другого винтовка с оптическим прицелом, у обоих на поясе ножи.

— Э-э, друг, — окликнул из-за дерева снайпер, — ты кто такой?

— Свой, русский.

— Называй фамилию, звание и часть!

— Какой любопытный! И часть тебе и звание. Фамилию скажу. Хаиркизов Кичибатыр. С Кавказа.

— Кичибатыр! — во весь голос крикнул другой. — Убери свой автомат... Я Юнус... Каракетов Юнус из Эльтаркача... Брат!..

Два человека, только что готовые стрелять и колоть, стиснули друг друга в объятиях. Спутанные войной солдатские тропы под белорусским городом Борисовом свели земляков Юнуса Каракетова и Кичибатыра Хаиркизова. Война — мастер на всякие неожиданности.

Кичибатыру было 23 года, Юнусу — 22. Оба служили действительную, окончили полковые школы, прошли через огонь яростных пограничных боев.

Присели на поваленную сосну. У Кичибатыра нашлась закрутка махорки. Затягивались по очереди.

Кичибатыр поведал о горькой судьбе своего 257-го арtpолка, в котором командовал отделением разведки. Похожим был и рассказ Юнуса, помкомвзвода стрелковой роты. Его батальон погиб. А какие в нем были ребята — герои! В бой вступили под Молодечно, защи-

шая каждый вершок родной земли, отходили до Земино, здесь были окружены. Сутки за сутками держали круговую оборону, остались без боеприпасов; на прорыв шли кто с чем — у кого винтовка, у кого саперная лопатка. Вырвалась горстка. Уходили вдвоем: двое были тяжелоранеными — остались в деревушке по дороге. Идет один. Со вчерашнего утра во рту ни крошки хлеба. В этой вот деревеньке, он уверен, крестьяне и поесть дадут и табаком снабдят. Нужно ждать до вечера. Иначе вместо хлеба можно получить свинцовую порцию.

Кичибатыр достал из кармана завернутый в газету пакетик: хлеб, мясо.

— Энээ. Но деревня — вот она. Вечером запасемся продуктами.

Молча, со вкусом поели. Лесом обошли деревню, в небольшой речке освежили лица, напились.

На опушке леса залегли, внимательно наблюдая за деревней, обменивались редкими фразами. Обоих волновала одна мысль: что делать дальше? Оба думали, что путь один — пробираться к линии фронта.

До темноты было далеко. Вспомнили родные горы, родственников. Снова и снова возвращались к тем кровопролитным и таким неудачным боям у границы. В бою солдат видит себя и соседей. Они, сержанты, знали, как дрались их батальоны. Гитлеровцы прорвались целую тяжких потерь. Успели ли подойти наши резервы? Что происходит на линии фронта? Где она?

По-юношески горячо поклялись: друг друга не бросать, что бы ни случилось, в плен не сдаваться, оружия из рук не выпускать!

В деревню вошли ночью, после первых петухов. Засели у хлева, где шумно дышала корова. Стали ждать, верно рассчитав, что под утро хозяйка выйдет доить корову. Хозяйка и продуктами снабдит, и расскажет, что в деревне делается.

Отчаянные и ясные это были головы. Продумали вариант и на тот случай, если бы попали во двор врага. Плохо встретят — пригрозят уничтожить корову — Юнус у коровы и будет дежурить. Хаиркизов, тот действует по обстановке, а в случае чего, прикрывая друг друга, отходят в лес. Все, кажется, предусмотрели, но перед утренней зорькой у хлева появился бородатый мужик с ведром.

— Не пугайся, отец, мы свои.

— А я не пужливый... Голодные небось. Погодите малость, зараз соображу. Да сами-то не бойтесь, германа у нас нету.

При случае вспоминая эту встречу, Юнус и Кичибатыр любили пошутить о том, кто же кого успокаивал: они дядьку Александра или он их?

Хозяин, не щедрый на пустые разговоры хлебоборб, завел к себе в хату. В чистой горенке накрыл стол, растолковал. Говорил он по-русски, перемежая русские, и украинские, и белорусские слова.

— Старуха моя до зятя подалась. Я в хате один. Лампу жечь не будем. Солдатская ложка дорогу найдет.

Юнус и Кичибатыр дружно работали зубами, запиная картошку холодным, из погребя, молоком.

Хозяин объяснял им:

— Фашисты нас трохи пошарпали и укатали. А колхоз мы по дворам спрятали. Кому корову, кому телка, а кому и коняку. Зерно тож немцу по усам мазнуло. Подзавалили они пару кабанчиков да трех бычков. Я здесь за председателя оставался... а сейчас — по лицу дядьки Александра побежали лучики смеха, — а нынче я староста. — И не без юмора добавил: — Смотрите, не поперхнитесь!

Юнус и Кичибатыр переглянулись. Ну и чертов старик! То ли шутит, то ли правду говорит. А если правду,

то что же это за староста? Угощает словно званных гостей, смотрит прямо в глаза. На предателя что-то не похож.

А старик продолжал:

— Сам не пойму, как оно получилось. Согнали фрицы народ к сельсовету: выбирайте себе старосту. Народ помялся-помялся, кричит: дядьку Александра. Вот и не разберусь, то ли я от немцев, то ли от народа. И полиция тем же манером выдвинули. Митька, племянник мой. Бригадиром был в колхозе. Хозяйственный мужик. Ломаной подкове, и то работу подберет. Если с патронами у вас нехватка — снабдит. У него всякие найдутся: и наши и вот к этой тарактелке — дядька Александр повел бородой на немецкий автомат Кичибатыра.

Утолив голод, Кичибатыр — Юнус молча признал его старшим — попросил хозяина:

— Дай нам, отец, чего можешь, на дорогу, и мы пойдем. А за душевную встречу спасибо тебе солдатское.

Хозяин потеревил себя за бороду.

— Продуктов не жалко. Дам столько, сколько унесете. Да вот куда вам податься? Был я вчера в районе. Герман ходко идет, вам и до зимы не догнать его. Один бес, все равно где-то в деревне зимовать будете. Лучше уж у нас. А то гитлеры по дороге прибьют или схватят. Попадете в лагерь — сгинете. Лютует немец. Одно слово — фашист.

Солдаты задумались. Далеко ли уйдешь, пробираясь по ночам, тратя время на поиски продуктов и рискуя при этом нарваться на гитлеровцев?

А старик, угадывая их мысли по сосредоточенным лицам, продолжал свое:

— Своих дожидаться и здесь можно. А меня вы не остерегайтесь. Я германа знаю. В империалистическую осиротил он нашу семью. Отец лег в Пинских болотах, брат в плену пропал. Я с девяностого года. В герман-

скую аккурат в солдатский возраст вошел. Мобилизовали и меня. Пулеметчиком был на империалистической. Я такой друг герману: попадетсЯ какой в темном местечке — обухом успокою. А народ у нас дружный, надежный — не выдадут.

И снова заговорил:

— Крепко подумайте, сынки. За хлебом — сарай, там сено, отдохните, посоветуйтесь. А то в лес. Сейчас в сосняке хорошо...

Кичибатыр поднялся от стола, сделал шаг, покачнулся и рухнул на пол, его подхватил дядька Александр.

Тут-то Юнус узнал, что у друга прострелено левое плечо.

Хозяин уложил Кичибатыра на лавку, быстро сдернул с него гимнастерку, размотал бурые бинты.

— Рана сквозная. Да уже и подсохла. Сморило парня. Подержи-ка голову. — Старик быстро отыскал какие-то пузырьки, принес чистое холщевое полотенце, разорвал его и ловко перебинтовал плечо.

— Вот оно и ладно. Я на войне и в санитарах ходил. Дело знакомое.

Двое суток Юнус и Кичибатыр отлеживались на сеновале. В деревне все было спокойно. Дядька Александр за Кичибатыром ухаживал, будто за родным сыном. И друзья поверили в деда: видно, настоящей души человек. Назвали свои имена, фамилии. Только имена назвали русские — Николай, Леонид. Так их звали дружки-солдаты в армии, где они сдружились еще на действительной, до войны.

Солдаты отдохнули, поокрепли, плечо Кичибатыра не тревожило (он его разбередил, стукнувшись о дерево перед встречей с Юнусом). Вынужденное безделье уже томило. Сержанты подолгу обсуждали, как им быть.

— С дядькой Александром нам повезло. Но не можем же мы за его спиной сидеть?!

— Я тоже отсиживаться не хочу,— соглашался Юнус.— А как твое плечо?

— Да разве это рана? — сердился Кичибатыр.— Я могу и ходить и стрелять. А вот что нам делать?

Солдатская совесть подсказала им, что делать.

Лес стоял притихший, настороженный, приглушенно шелестели придорожные, покрытые пыльной порошей, сосны. Безмолвная дорога и прилегающие поляны были избиты серыми оспинами воронок. Кора сосен еще поблескивала липкими смолистыми натеками. Деревья врачевали раны, нанесенные войной. Другие, зеленые, в два охвата, еще недавно цеплявшие своими вершинами облака, обрубленные снарядами, тоже продолжали жить, но были похожи на обезглавленных великанов, только стремлением к жизни удержавшихся на ногах. Еще жили и поверженные, с вывернутыми пожелтевшими на солнце, полуосыпавшимися комлями. Безмолвные жертвы человеческой ярости, подломленными ветвями, они упирались в землю. Так во время перебежек солдаты, передохнув минутку-другую, опираются на землю, чтобы подняться к свету, ринуться в атаку.

Война здесь уже отгремела, но все вокруг еще было полно ею и только набирало сил, чтобы затянуть, стереть следы разрушения.

...Из лесу, быстро шагая напрямик, вышли двое в обтрепанном, но ладно подогнанном обмундировании. Оба до бровей заросшие черными колючими бородками, юношески стройные. В петлицах — сержантские треугольники. У одного на шее немецкий автомат, на поясе массивная кобура с тяжелым трофейным пистолетом. У другого такой же пистолет, а в руках советская снайперская винтовка.

— Перекурим? — спросил первый.

— Можно. Колонна ползет улиткой. Успеем.

Не переходя дороги, сержанты присели на мощные, выпирающие из земли корни вековой сосны. Положив на колени оружие, свернули плотные сигарки. Поплыл запах крепчайшего самосада.

— Хорош! — протянул один.

— Медведей травить можно!

— Привыкнешь. Солдат ко всему привыкает.

— Какие мы сейчас солдаты? Сами себе и генералы, и интенданты, и медики. Как твое плечо, Кичибатыр?

— Я о нем меньше тебя думаю. Артиллерийских разведчиков пули не берут... — И улыбнулся: — Разве что снайперские, вроде твоих, Юнус.

— Выходит, каждому свое. Нашего брата, снайпера, снаряды тоже меньше трогают.

— Здорово получается. Значит, в артиллерийском бою я за тебя прячусь, ну, а уж если стрелковый начнется, ты моей артиллерийской спиной прикрывайся. Идет?

В ответ последовал выразительный взмах руки: шути не шути, а дела в общем-то — веселиться нечему.

Не спеша дотянули сигарки, вмяли в сочный мох окурки. Кичибатыр спросил:

— Значит, так и решим? Я ухожу вперед. Снимаю направляющего. Ты бьешь двух задних. Останется еще двое. С ними сблизимся и тоже уничтожаем. Я на себя беру правофлангового. Так?

— Хитрей не сообразишь. Нас-то двое?! Надо уничтожить пятерых конвоиров.

— Договорились. Я пошел. Залагу у поваленной сосны.

Растаял светлый табачный дымок, затих хруст веток под тяжелыми сапогами Кичибатыра. Над желтоватой от песка лесной дорогой только мелодичное жужжание шмелей — где-то рядом их гнездо. Горячее сентябрьское солнце поднялось в зенит, аромат хвои стал еще острее, но вскоре его начал заглушать душный запах пыли.

Легкий ветерок нес ее с востока, где слышался приглушенный шум многих ног. Пыльное облако приблизилось, и вот в нем прорезалась серая масса. Затем словно из тумана выплыли людские фигуры. Вот они уже рядом.

Впереди колонны направляющий конвоир, рослый немец с автоматом на шее. Сзади, шагах в пяти, так, чтобы видеть впереди идущего, шагает старший, — второй конвоир. Колонна оборванных людей начинается в трех шагах от него.

Юнус стиснул зубы. Он тоже мог быть в этой колонне. Люди еле бредут. Да разве это люди? Призраки. Ввалившиеся щеки. Опушенные головы. Волочащиеся по пыли ноги.

Конвоиры покрикивают. Но заставить колонну военнопленных ускорить шаг невозможно. Люди истощены до предела. Они обессилели, подавлены безнадежностью своей судьбы.

В нос Юнуса шибает разким запахом пота, смешанного с удушливым запахом гниющего на немытых телах тряпья. Это воздух тюрьмы, Юнус напрягает все силы, чтобы не закашлять.

«Черт, — мысленно ругается он. — Хоть противогаз надевай!»

Колонна медленно пылит. Вот и замыкающие конвоиры. Юнус медленно поднимает винтовку и ловит на мушку старшего конвоира. Его он убьет первым. Убьет без жалости. Этот немец вчера на глазах Юнуса пристрелил двух обессилевших. Пнул ногой и, уткнув ствол автомата в голову упавшего, выстрелил. Не человек, а машина с заданными движениями. Когда упал другой, он и его пнул точно так же и тем же жестом вскинул автомат. Юнус этого немца хорошо приметил. Отстрелялся фашист. Вот только Кичибатыр даст очередь из своего автомата, и немцу крышка.

Короткая очередь бьет оглушительно и внезапно.

Гулко гремят выстрелы Юнуса. Не глядя на упавших конвоиров, Юнус бросается к дороге. Звучит еще очередь. Юнус стремглав бежит к центру колонны — там еще конвоир, но колонна раскалывается криками, грудится толпами.

Юнус не пробежал и десятка шагов, как все было кончено. Уцелевший немец просто был втопан в землю военнопленными.

— Внимание, товарищи! — крикнул Кичибатыр и несколько раз повторил: — Тихо! Тихо!!!

Люди замолчали. Кичибатыр предложил:

— Идите за нами. Тут недалеко полянка. Там посоветуемся. Убитых немцев забрать с собой. Кровь засыпать.

— Я догоню тебя! — отозвался Юнус. — Уводи людей... А вот ты, ты, ты, — стал выбирать Юнус из народа покрепче, — останетесь со мной.

Колонна, которую повел Кичибатыр, скрылась в лесу. Люди Юнуса, горстяминося песок, засыпали пятна крови на дороге, сосновыми лапами замели следы схватки.

И снова над дорогой веселая лесная тишина, легкий, задумчивый шум сосен, жаркие лучи солнца.

В глубине леса на поляне необычный митинг. Кичибатыр уже выяснил, что освобожденные — это советские пленные солдаты и офицеры, которых гитлеровцы перегоняли из концлагеря под Борисовом. Их около ста. Среди них есть сломленные неволей настолько, что не могут даже порадоваться свободе. Многие в окровавленных тряпках, с гноящимися ранами. Но у многих раненых решительные лица, смелые глаза. Пятеро уже сжимают в руках оружие фашистских конвоиров. И, видно, легко с ним не расстанутся.

За этой колонной следили два дня. Двигалась она медленно. Можно было напасть и раньше. Вблизи на-

селенных пунктов это представлялось рискованным: могли на выстрелы подоспеть гитлеровцы или полицаи. Боялись не за себя. Нырнули в лесную чащу — ищи-свищи. Гитлеровцы отыгрались бы на пленных. Поэтому, стискивая зубы, друзья-сержанты наблюдали, как конвоиры избивали военнопленных и добивали выбившихся из сил.

И вот с ними почти рота советских людей. Но разве это рота? Измученные, безоружные люди. Им нужен отдых, обильная еда, лечение. Даже и эти вот, с горящими глазами и светящимися от радости лицами, что вцепились в отбитое у врага оружие, и они не выдержат жизни в лесах.

Кичибатыр ведет с освобожденными беседу.

— Вы свободны и должны подумать о себе. Кто хочет с нами — возьмем. Для этого нужно окрепнуть. У нас нет медсанбата. В лесу жизнь волчья. Мы стреляем, и за нами охотятся. Ослабевшие не выдержат.

Кичибатыр говорит короткими фразами. После каждой — гул голосов, выкрики. В несуществующий отряд Кичибатыра и Юнуса просятся почти все. Даже и те, с глазами обреченных.

Отдав свои кисеты с табаком, Кичибатыр и Юнус советуются, покамест люди курят и привыкают к неожиданно обретенной свободе.

Отыскивается и решение проблемы. Правильное оно или нет — покажет время. А сейчас командует Юнус:

— Тяжелораненые и ослабевшие — вон к той сосне! Легкораненые — сюда! Здоровые и годные к бою — вон туда!

Образуются две группы: явные инвалиды и те, для кого раны — дело второе, а главное, получить оружие и, если терять снова свободу, так уж вместе с жизнью. Что ж, Юнус и Кичибатыр не медики. Да им и некогда выяснять боеспособность людей.

Достав немецкие карты, оба сержанта отделяют группы людей:

— Вот смотрите, это деревня. Немцев нет. Ночью стучитесь в крайнюю у дороги избу. Примут, переоденут и спрячут. Идите!

Всеобщий наказ: скрывать, что они военнопленные, выдавать себя за гражданских, держать ухо востро. Уходящих Кичибатыр напутствовал:

— Белорусы — душевный и смелый народ. За себя не бойтесь, не выдадут. Кто может, помогайте по хозяйству. Нет сил — отдыхайте. А мы с вами еще встретимся. — Это тем, кто покрепче и рвется в бой.

Лес поглотил людей, и полянка опустела...

В деревне не знали, что у старосты, дядьки Александра, скрываются двое военных. Приходили они глубокой ночью, да и то по установленным дням. До зари задами двора — благо лес рядом — уходили. Сарай был базой снабжения. Заботливый хозяин или его жена, молчаливая, но приветливая женщина лет пятидесяти, для ночных гостей оставляли продукты, укутанный в стеганку чугунок борща, другую не мудрящую, но плотную крестьянскую еду. В сарае — сеновал. Есть где и отоспаться.

Кичибатыр и Юнус предпочитали свою землянку. Они ее вырыли и оборудовали в чаще леса. В землянке — запас продуктов, две винтовки, патроны. Под неумолчный шум сосен, здесь же, сержанты держали военный совет, вели долгие беседы.

— Мы с тобой, Кичибатыр, кустари-одиночки. Сколько уже бродим по лесам? Уничтожили десяток фашистов да столько же предателей. Не сегодня-завтра и нас подстрелят. Вот и конец нашей войне. Отряд надо создавать!

— Э-э, Юнус, — неторопливо отвечает Кичибатыр, — быстрый ты очень. Ну, соберем десяток хлопцев, воору-

жим их. А кормить чем? Одежда и обувь тоже в лесу не растут. Нам самим в какой-либо отряд попасть надо. Мы не одни здесь, в лесу. А до того давай колонны военнопленных перехватывать. Сегодня удачно получилось.

— Вышло здорово, — соглашается Юнус, — следует повторить.

...Колонна советских военнопленных вместе с конвоирами где-то под Борисовом словно испарилась в жарких лучах сентябрьского солнца. Гитлеровцы спохватились не сразу. В горячие дни всяческой путаницы и в хваленых немецких штабах хватало.

Но через несколько дней так же таинственно исчезла вторая, на этот раз особая колонна, состоящая из людей, «подлежащих чрезвычайному режиму».

Обреченных на смерть было 55 командиров, солдаты-коммунисты, политработники. Десять конвоиров в черной эсэсовской форме шли с автоматами наизготовку. Около местечка Лукомль по эсэсовцам, громом среди ясного неба, загрели выстрелы. Из придорожного леса выскочили русские солдаты и, громко крича: «Бей гадов, ребята!» — атаковали охрану колонны.

Все произошло настолько стремительно, что только один из конвоиров успел сообразить и в три прыжка скрылся в лесу. Пятерых гитлеровцев Кичибатыр и Юнус уложили, с остальными разделились сами военнопленные.

Нет. И голод и надругательства не сломили советских людей, оказавшихся в плену. Даже самая крошечная надежда бросала их в бой за честь и свободу.

Кичибатыр и Юнус поняли это после разгрома гитлеровского конвоя под Борисовом.

Вследив очередную колонну, братья задумались: вдвоем с десятком автоматчиков не справиться. Нужно, чтобы и военнопленные помогли.

И план своей новой боевой операции Кичибатыр и Юнус дополнили призывом к военнопленным: «Бей фашистских гадов, ребята!» Если б все планы выполнялись, как этот!

— А где же ваши люди? — обратился к Юнусу один из военнопленных, представившийся как политрук.

— Какие еще люди нужны? — не сразу догадался Юнус. — Мы и есть люди...

— Всего двое?!

Вдвоем они действовали полгода. Вдвоем гранатами и огнем автоматов разгромили волостную управу деревни Пузьки Чашницкого района, спалили там же гитлеровскую молочную ферму, ликвидировали полицейский гарнизон вместе с его начальником, уничтожили полдесятка торговых шкур-бургомистров.

Действовали безошибочно. Убирали тех, кто, выслуживаясь перед фашистами, запятнал себя кровью народной. Народ и указывал на таких. Кичибатыр и Юнус били внезапно и безжалостно.

Продолжали исчезать и колонны военнопленных.

В октябре 1942 года гитлеровский комендант Борисова опубликовал целое воззвание:

«В районе города Борисов и по окрестным селениям действуют советские бандиты Коля Черный и Леня Черный, из красных офицеров, они совершают дерзкие нападения, убийства и поджоги...

За голову каждого из вышеупомянутых бандитов, кем она будет доставлена, назначено 50 000 рублей наличными и две коровы.

Укрывательство и содействие означенным врагам Германской империи влечет за собой расстрел виновных и членов их семьи с одновременной конфискацией всего имущества; дома будут преданы огню.

Приметы данных бандитов...

Приметы в общем даны были довольно точные. Види-

мо, убежавший конвоир сообщил. А возможно, предатели постарались.

Крестьяне белорусы, которым на сходах объявлялось это воззвание, пряча мстительные огоньки в глазах, немногословно бубнили в бороды:

— Ото ж, злодяки. Без цидули так и не поймешь, с чего это наши злыдни полицаи вдруг хвосты поджали. И впрямь дорогие они люди, Коля и Леня...

Дядька Александр, нарочным вызванный в район (теперь он назывался волостью), вернулся насупленный. Дождавшись своих постояльцев, зазвал их к себе, протянул лист с крупными типографскими буквами и вроде бы сердито, вроде бы ласково потребовал:

— Ну, Черные вы там или рыжие, а кто пограмотнее, читай вслух.

Юнус прочитал это объявление и даже весьма одобрил его стиль.

— Крепко завернуто. Сразу видно: за живое зацепило...

Дядька Александр остановил его.

— Что зацепило, а немцы расписались в своей глупости — это и дурак поймет. Я лишний десяток листов этих для того и выпросил, чтоб люди до закрутки цигарки подумали, до чего два солдата настрашали германа. А только и вы сами подумайте о себе. Немец лягавых найдет. Деньги сулит большие. А вас во всех деревнях по округе уже знают. Глядите, сынки, не оплошайте!

* * *

Осенью 1941 года засуетилась не только служба безопасности города Борисова. Тысячи советских красноармейцев и командиров не выпустили из рук оружия и на свой страх и риск начали войну в тылу врага. Били гитлеровцев и патриоты-подпольщики, и первые партизанские отряды, созданные партийными организация-

ми, армейцами, в силу военной обстановки оказавшими-
ся в тылу врага.

В треугольнике Лепель — Толочин — Борисов действовало более пятнадцати партизанских отрядов: два отряда «Мститель», отряд «Боевой», отряды Кириллова, Трегубова, Дубровского, Яроша, Кузина, Гудкова, отряд № 208 и ряд других. Гитлеровскому начальству пришлось крепко задуматься.

Дядька Александр предупредил своих сынков.

— Немцы в районе, тьфу, черт бы ее... волости, прямо сказались. Начальник полиции грозит пожечь все села, где прячутся солдаты. В Ульяновске два маслозавода псу под хвост и гарнизон—двадцать германов—туда же. А перед народом выступил офицер с орденом Ленина. Говорил, что фашист насобачился глотать да только всегда костями давится... Смотри-ка, кавалер ордена Ленина! За него эти нехристи, наверное, миллиен посулят и стадо коров.

Кичибатыр заинтересовался.

— А как бы узнать, где он скрывается? Что народ говорит?

— Что народ говорит? — переспросил дядька Александр.— Народ о таких, как вы, молчит. И под пыткой не скажет. А я все ж таки староста, мать его...— И всегда сдержанный дядька Александр загнул такое колено, что Кичибатыр и Юнус рты разинули.

В народе говорят: «Рыбак рыбака видит издалека». А солдат солдата узнает по доблести.

Кичибатыр и Юнус могли остаться безвестными. Видно, мало наставлял их дядька Александр. Уходят его сынки, проверив оружие, прощаются по-горски, двумя руками пожимая заскорузлые пальцы старого солдата.

— Вы там... умнее будьте. Стукнули, и в лес... До отцовской хаты. Удачи!..— И все.

А им, по молодости, нужен был въедливый армейский старшина и требовательный командир, который за каждую солдатскую жизнь в ответе.

Вдвоем громили фашистские управы. Разбили бы и эту — не было гранат. Стали отходить. Их зажали на околице деревни у моста.

Кичибатыр сказал Юнусу:

— Я брошусь в атаку. Ты лежи. Проскочу — за мной погонятся — ты уйдешь.

Юнус сквозь зубы ответил:

— Умирать будем вдвоем.

Они стреляли метко. Да гитлеровцы и не очень तो-ропились. Зачем? Ведь и за мертвых награды дадут. Окружены двое. Наверное, те самые. Рассветет — легче будет взять.

Патроны братья начали экономить. Держали гитлеровцев, чтоб не подползли на бросок гранаты. А фашисты все подбирались. И когда гранаты стали рваться внизу и за спиной (братья «зацепились» перед настилом моста, у кромки речного берега), — они поняли — конец!

...Такое бывает раз в жизни. И не у каждого.

Раздался настоящий командирский голос — таким он бывает на учениях, так звучит и в бою:

— Цепь! Перебежками вперед! Гранаты к бою! Огонь!

Заухало, затрещали очереди автоматов. И тот же, немножко насмешливый голос приказал:

— Друзья! Я старший политрук Леонов. Фрицев разогнали. Иду к вам. Не стрелять!

Чего-чего, но капитану Леонову (впоследствии он командир партизанской бригады) уверенности и смелости занимать не приходилось.

Часом позже начало рассветать, и Леонов, убедившись, что трофейное оружие и патроны собраны, при-

казал Юнусу и Кичибатыру явиться к нему (послал своего ординарца, хотя мог, чуть повысив голос, позвать братьев).

Василий Леонов любил армейский порядок и знал уставы. Когда Хаиркизов и Каракетов представились ему, поморщился:

— Сержанты... А вид? Вы же не черные, а чумазые!— довольный шуткой, посмеялся и снова:—Вдвоем полезли на взвод фашистов! Этого мало. Влипли... То же мне, герои! Из-за вас последние гранаты пришлось израсходовать... А что такое граната? Валюта! Больше. Граната—это победа! А бороды-то у вас! Волков пугать, что ли? Сбрить!

Братья слушали этот разнос, не скрывая радости. Неужели это он, кавалер ордена Ленина?

Да, это был он. Гимнастерка, туго прижатая широким ремнем, командирские бриджи, форменные сапоги, кобура на поясе, «шпалы» в петлицах, а над левым карманом, против сердца, тихо светится с детства родной и близкий Ленинский профиль.

Капитан Леонов перехватил взгляды вырученных им воинов. Суховато объяснил:

— Орден за финскую...

И продолжал выговаривать:

— За эту операцию вам надо бы по пять суток гауптвахты на брата... А за мужество,—построжел, вытянулся для отдачи приказа:

— Смирно! От лица службы объявляю вам, сержант Хаиркизов и вам, старший сержант Каракетов, благодарность!— Подошел такой же, как и они, молодой, обнял. Великое это дело—ласка командира.

Друзьям повезло, что Леонов с группой своих солдат в ту ночь шел этой же партизанской тропой Услышав перестрелку, поспешил к месту боя. Спас для Родины двух солдат. И, как оно по-армейски положено,

не ожидая слов благодарности, начал «снимать стружку» с оплошавших.

Затем договорились не терять друг друга из виду. Леонов дал две явки, приказал накапливать оружие (Кичибатыр и Юнус ломали его, чтоб не досталось врагу, собирали только патроны).

...Докладывая о ядре своей будущей партизанской бригады штабу партизанского движения Белоруссии, в июле 1942 года Леонов сообщал:

«Отряд насчитывает до 70 человек, преимущественно из окруженцев. Среднего и младшего состава — 12 человек, старшего политсостава — 2, остальные — рядовые, 5 человек — из местного населения. На вооружении: винтовок — 40, СВТ — 6, пулеметов танковых — 5, ручных — 2, наганов и пистолетов — 8.

Разгромлены управы: Ульяновская, Пузьки, разгромлено 3 маслозавода.

К началу зимы 1941 года карачаевцы (Хаиркизов, Каракетов) освободили несколько групп советских военнопленных...»

Сколько еще свидетельств доблести и несгибаемого мужества сынов нашей земли мы отыщем? Сколько еще вчера безвестных, уже не удивляясь их подвигам, поднимем на пьедесталы бессмертия?!

Не одному поколению восхищаться мужеством и верностью Родине ее непобежденных сынов!

Об этом говорят и документы. У них, этих бумаг, есть свое право. Право на беспристрастность. Написанные на обороте каких-то немецких бланков (их взяли, что-то разгромив), на листках ученических тетрадей (отец, потрепав теплую головенку, пообещал «потом» купить тетрадь толстую, «общую»... и не вернулся), некоторые документы составлены прямо на газетном тексте — еще одно свидетельство обстановки тех лет.

В апреле 1942 года группа Леонова стала партизанским отрядом, в котором было 86 человек. Действовал он мелкими группами. Кичибатыр и Юнус на операции ходили вдвоем. Леонов, сам человек редкой храбрости, откровенно восхищался смелостью Коли Черного и Лени Черного, так именовали Кичибатыра и Юнуса, хотя свои смоляные бороды они давно сбрили и приобрели вид строевых командиров, таких же, как и Василий Леонов. А старший политрук всегда выглядел, как перед выходом на парад.

В ноябре решением подпольного обкома партии отряд Леонова был развернут в бригаду.

«Бригада,— докладывал в январе 1943 года Леонов,— насчитывает более 300 человек. Имеет следующие отряды:

1. Отряд «Коли». Командир отряда Хаиркизов Кичибатыр Алимурзаевич, член ВКП(б)...

5. Отряд «Лени». Командир отряда Каракетов Юнус Кеккезович, кандидат в члены ВКП(б)...

Партизанские отряды начали разгром фашистских гарнизонов, опорных пунктов, планомерное уничтожение созданных гитлеровцами животноводческих ферм, боевые операции на дорогах. Сотни людей уходили в леса. В мае 1943 года у Леонова было 800 бойцов, в июле—1200...

— Не хватает оружия,— говорил своему заместителю Леонов,— мы могли бы организовать партизанскую дивизию.

Заместителем у Леонова был Кичибатыр. Комбриг все ж таки уговорил его, хотя Хаиркизов долго отказывался.

— Ну чего ты не соглашаешься? — настаивал Леонов.— В боевой обстановке ориентируешься быстро. Людей увлечь умеешь. Да и спросить, когда надо, не стесняешься... Не робей, друг, дело пойдет.

Крепкого помощника подобрал себе комбриг.

Вот строки из боевой характеристики:

«Кичибатыр Хаиркизов был грозой для немцев. Никогда не знал страха. За смелость и отвагу в августе 1942 года был выдвинут на должность замкомбрига. Участвовал во всех операциях, проводимых общими силами бригады, ряд операций возглавлял лично».

Не знал страха... Но, видимо, дело было не только в этом. Кичибатыр отыскивал ходы, неожиданные для врага. Самые рискованные операции проводил с таким хладнокровием, что крутил головой и сам комбриг, мастер на головукружительные хитрости.

Немецкая полиция безопасности и СД понимали, что осведомленность партизан, их внезапные удары — это результат работы партизанской разведки.

— Надо ослепить «лесных братьев»! — требовал начальник СД. — Нужно ликвидировать их агентуру.

Кое-какие данные у гитлеровцев были. За подозреваемыми и установили слежку. Не обошлось без предателя. Фашисты заслали продажную душонку и расшифровали многих партизанских связных и разведчиков.

Гестаповцы провели массовую облаву по всей округе, захватили 29 патриотов и отправили их в тюрьму местечка Вятно.

— Выжать из арестованных все, что возможно, а потом уничтожить! — приказал начальник СД.

Спасшиеся от облавы связные известили штаб бригады. Партизаны загоревали.

— Будем вызволять людей? — обратился Кичибатыр к Леонову.

— Надо, — согласился тот. — Но как? В местечке гарнизон в 400 солдат. Тюрьму без артиллерии не взять.

— Обойдемся без пушек. Я кое-что придумал.

— Выкладывай. Сам знаешь, время не терпит.

Оставив все остальные дела, комбриг и его заместитель до полуночи спорили, второпях, ломая карандаши, набрасывали варианты схем, расчетов.

— Это самое разумное,— наконец согласился комбриг.— Операцию разрешаю.

...К воротам Вятнинской тюрьмы подкатило два грузовика. В них под охраной десятка полицейских столько же арестованных.

— Принимай пополнение!

Двое гитлеровцев вышли из дежурки и стали рассматривать бумаги, которые протянул им старший конвоя, говоривший с легким акцентом горца.

— Сколько всего арестованных? — спросил один из фашистов и тут же свалился от удара прикладом. Та же участь постигла и второго гитлеровца. Выпрыгнув из кузова, «полицаи» и «арестованные» ворвались в дежурку, через нее во двор тюрьмы. Работали ножами, прикладами. Все было сделано без единого выстрела. О нападении на тюрьму ее охрана даже не успела сообщить. Дрожащие надзиратели покорно открывали камеры, нашли ключи и от тюремных ворот. Грузовики развернулись и вместе с людьми, спасенными от смерти, помчались к лесу. Ну и жали же водители! А в кузовах и обнимались, и плакали, и смеялись. У многих партизан среди спасенных были родственники.

Партизанские разведчики позже установили, что комендант местечка, узнав об этом налете на тюрьму среди бела дня, чуть не задохнулся от бешенства. Крику в его кабинете, во всяком случае, хватало. Ведь на следующий день в Чащниках был назначен расстрел арестованных. Вовремя подоспели партизаны.

Кичибатыр Хаиркизов руководил разгромом Подворецкого полицейского гарнизона, засадой у деревни Маринца (уничтожено 18 эсэсовцев), многими другими операциями.

От Кичибатыра не отставал и Юнус. Вот выписки из журнала боевых действий отряда Каракетова всего за два месяца 1943 года.

«5 ноября. Отряд перекопал дорогу Сенно — Витебск и разрушил 3 моста».

«13 ноября. На минах взорвано 6 гитлеровцев».

«21 ноября. Взорвана повозка с 3 полицаями».

«25 ноября. На дороге Сенно-Витебск уничтожено 300 метров телеграфно-телефонной связи».

«26 ноября. В том же районе взорвана повозка с солдатами-ремонтниками: 2 немца убито, 2 ранено».

«27 ноября. Взрывом мины под мостом убито 3, ранен 1 немец. Мост уничтожен».

«3 декабря. Из засады убито 11, ранено 5 немцев.

На дороге Волосово — Толочин взорвана автомашина, убито 6 и ранен 1 полицай».

«14 декабря. В городе Толочин магнитной миной взорвана автомашина — убито 4 гитлеровца, 1 ранен».

«21 декабря. На шоссе Сенно — Витебск в районе деревни Савиничи взорвана автомашина (потери противника не установлены)».

«23 декабря. Отряд провел бой с карателями в районе Взятых трофеев. Каратели отброшены».

не совхоза Белица. Убито 39 гитлеровцев, ранено 20.

— Это боевые действия в наименее удобное для партизан время. Поздняя осень и зима в Белоруссии мокрые. Дожди, слякоть, каша из воды и снега. Партизаны Каракетова не считались ни с чем. Часами, промокшие до костей, лежали в засадах. И словно молния внезапно поражали врага.

Сердце Юнуса горело болью и ненавистью. Кичибатыра не стало. Погиб он, как и сражался, — орлом.

Вот документ о последнем бое Кичибатыра Хаиркизова, заместителя командира партизанской бригады.

«8 июня 1943 года Хаиркизов получил сведения, что

из деревни Ново-Белица на Сенно по шоссе движется автоколонна карателей. Хаиркизов взял партизанский отряд тов. Пащенко, организовал засаду в лесу в районе севернее деревни Короли и заминировал шоссе.

Когда передняя автомашина взорвалась и шоссе было перекрыто, отряд налетел на противника. Было убито более 25 немцев и много ранено. Бой продолжался около 2 часов. Гитлеровцы оборонялись яростно. Поднимая партизан в атаку, Хаиркизов был убит. Отряд стал выходить из боя, не успев собрать трофеи».

Комбриг Леонов не раз предупреждал Хаиркизова.
— Неосторожен ты. Налетишь на пулю.

Кичибатыр возражал:

— Я, товарищ комбриг, партизанский командир. Не могу прятаться за чужие спины. Да и народ злее дерется, видя командира впереди.

Леонов морщился.

— Твое дело руководить боем, а не ловить пули. Смотри, ты коммунист, на бюро райкома дадут жару!

Но до райкома и сам Леонов дело доводить не хотел. Дорог ему был отчаянный и по-армейски исполнительный заместитель.

...Ловил пули Кичибатыр и до этого. Зимой 1942 года его вторично ранило в левое плечо навывлет. Юнус, увидев тогда перебинтованное плечо друга (жили они вместе), спросил:

— Старая рана открылась?

— Давно заросла. Новая рядом. Леонову не проговоришься...

— Всего на вершок от сердца! — помрачнел Юнус.

Третья и ударила прямо в сердце. Кичибатыр упал лицом вниз. Санитарка подползла к нему, перевернула — убит. Вытащила тело командира из-под огня. Увидев залитое слезами лицо отважной белорусской

девушки, командир отряда Иван Пашенко все понял и приказал, отстреливаясь, отходить. Удайся атака — было бы по-другому.

Каратели были вымотаны, не имели сил преследовать партизан и повернули назад. Только смерть Хаиркизова спасла их от полного разгрома.

Тысячи людей хоронили бесстрашного партизана. Знали его, любили. На могильный холмик легли десятки венков — от партизанских отрядов, от крестьян, от подпольного партийного райкома. На траурном митинге гневно и сурово звучало:

— Не забудем тебя, Кичибатыр! Отомстим!..

— Жизнью клянусь, тебе Кичибатыр, большой кровью за твою кровь заплатят фашисты! — сдерживая рыдания, стонал над безмолвным другом Юнус.

И он мстил так, как мстят врагу за родную кровь.

Разведчиков отряда Лени Черного (впоследствии это отряд имени Каракетова) обучал Кичибатыр Хаиркизов. Среди них были и вчерашние военнопленные, из тех, кому друзья вернули свободу. Были белорусские парни — спокойные, приветливые и беспощадные в бою.

Разведчики и диверсанты отряда ходили за десятки верст. Плохо жилось оккупантам в той округе. Гитлеровцев били повсюду. И в одиночку и гарнизоны. В дождливый вечер того же 1943 года Юнус пришел в хату, где партизанский комбриг уже располагался на отдых.

— Разрешите доложить результаты разведки?

— Давай!

— В Лукомле у начальника гарнизона день рождения. Фашисты загуляют...

Комбриг понял сразу.

— А план операции продумал?

— Готов.

— Так, так. Толково, — выслушав Каракетова, со-

гласился комбриг.— Только трех отрядов для Лукомля мало. Ударим бригадой. Зови-ка начштаба, будем сообщать.

Сутки ушли на подготовку операции — партизаны действовали быстро. В ночь на 6 октября бригада двинулась на Лукомль. В авангарде шел отряд Каракетова, на который и возлагалась труднейшая часть задачи.

Удар был нанесен по вражескому штабу и артиллерийской батарее. Каракетовцы заняли важнейшие опорные пункты фашистов, захватили пушки и стали уходить. Фашисты бросились за партизанами и нарвались на мощную засаду. Бригада зажала гитлеровцев в тиски.

Гарнизон разгромлен, захвачено 30 пленных, 45 винтовок, шесть пулеметов, три пушки, ящики снарядов и патронов...

Эхо этого партизанского удара отозвалось и в Витебске, где оккупанты стали поспешно готовить очередную карательную экспедицию.

А по тому, 1943, году операция для бригады была обычной, и комбриг, делая ее разбор, напирал на то, что мало собрали трофеев: оружие оставалось, как и всегда, самой острой проблемой.

Шел новый, 1944 год. Партизанские полки и бригады контролировали целые районы. Гитлеровские гарнизоны были островками, утопающими в огненных волнах народной войны.

У партизан появились свои крепкие базы не только в глухих деревнях, но и в крупных населенных пунктах. Одной из таких партизанских крепостей у бригады Василия Леонова (он уже носил погоны подполковника) был совхоз Белица.

Совхоз удерживали партизанские отряды Каракетова и Кашеева.

Празднуя новый, 1944 год, рабочие совхоза вручили

лесным солдатам Красное знамя — знак восхищения мужеством партизан.

Сохранились участники этой партизанской эпопеи. В совхозе Белица любой мальчишка расскажет, где держали оборону партизаны и как разворачивались бои. Но пусть снова говорят документы. Вот одна из боевых сводок:

«5.2.44 г. противник силою до 500 человек при поддержке артиллерии и минометов из гарнизонов Богушевск — Яново повел наступление на совхоз Белица.

После полуторачасовой артподготовки пехота противника подошла к совхозу. Отряды партизан молчали. Немцы уже в 30—50 метрах.

Командир сводного отряда подал команду: «Огонь!» Заработало более 30 пулеметов, автоматы и винтовки партизан. Немцы отошли, оставляя много убитых и раненых. Еще две атаки, предпринятые немцами, не принесли им успеха, а только увеличили потери...

А тем временем, пока два партизанских отряда сдерживали врага, по приказу комбрига отряды Захарова и Клячина зашли с фланга от деревни Заполье, отряды Шевцова и Пилипенко обошли другой фланг гитлеровцев от деревни Расходно и ударили противнику в тыл.

Гитлеровцы бежали. Уничтожено 51, ранено 47 фашистов. В плен взято — 7. Трофеи: винтовок — 15, пулеметов — 3, гранат — 50, патронов — 13 000».

Победы и трофеи. На груди Юнуса орден Красного Знамени — награжден был вместе с Кичибатыром одним из первых в бригаде. Юнус как мастер партизанской войны известен штабу партизанского движения, его поздравлял ЦК Компартии Белоруссии. Комбриг поручает отряду Каракетова самые ответственные задания... и больше всех отчитывает его за неосторожность в бою. Леонов не без оснований именует такое поведение лихачеством.

— Потеря командира в бою — это провал операции, возможная гибель отряда. Мы воюем третий год и стали кадровыми солдатами. Нужно и воевать по-армейски!

Но трудно было Юнусу только руководить боем своих орлов. Лучший снайпер бригады, он то с автоматом в руках бросался в гущу схватки, а когда приходилось отбиваться от наседавшего врага, ложился за пулемет и, подпустив фашистов поближе, косил их цепи.

Уже освобождены восточные районы Белоруссии. Советская Армия вышибла оккупантов с правобережной Украины. Идет июнь 1944 года. Тот самый июнь, который закончится катастрофой группы фашистских армий «Центр», еще терзавший опаленную и окровавленную землю Белоруссии.

В первых числах июня, чтобы обезопасить тылы своих войск, удерживающих линию фронта, подступившую к Витебску, гитлеровцы начинают свою последнюю карательную экспедицию против партизан бригады Леонова.

Наученные горьким опытом, оккупанты полевыми войсками блокируют партизанские базы, окружают их полосами траншей, сооружают дзоты, вкапывают бронеколпаки. Вражескую пехоту поддерживают танки, авиация. Артиллерии и минометов у гитлеровцев сотни стволов. Фашисты решили раз и навсегда уничтожить партизан.

Изучив сводку о противнике, Леонов с группой командиров проводит рекогносцировку — личную разведку местности.

— Замысел фашистов понятен, — говорит Леонов. — Они рассчитывают артиллерийским огнем и бомбежками обескровить и морально подавить нас, атаками прижать к своим укреплениям и перед ними раздавить. Пора прорываться. Нанесем отвлекающий удар вот здесь, а штурм поведем основными силами от деревни Студеники, — Леонов говорит негромко, озабоченно.

Немцы зажали бригаду. Он, военный человек, видит это.

Кто знает, что несет следующая минута жизни? Солдаты об этом не думают. Нужно воевать малой кровью. Голос комбрига крепнет, он продолжает:

— Штурм в 14.00. До вечера боеприпасов хватит, а там ночь поможет. Юнус, твой отряд в моем резерве. Задача остальным... Начштаба, пиши боевой приказ!

Этот день, 8 июня 1944 года, уцелевшие запомнили на всю жизнь.

В два часа дня партизаны пошли на штурм. Отвлекающая группа яростно, атаковала врага на своем участке, и фашисты потянули туда резервы. Хитрость Леонова удалась. Но гитлеровцев было слишком много. Партизанские цепи накатились на траншеи врага, выбили его, погнали. Немцы ударили по флангам. Комбриг подкрепил атакующих еще двумя отрядами. В этом бою героями были все: и обстрелянные в десятках боев лесные воины, и молодые партизаны, недавно пришедшие в отряд белорусские юноши и девушки. Солдаты без формы, они падали только сраженными на смерть.

Юнус наблюдал за боем, лежа рядом с комбригом, осторожно спросил его:

— Не пора ли и мне?

— Руки чешутся? — усмехнулся комбриг. — Мы с тобой выходим последними. А твой отряд прикрывает отход бригады. С нами женщины, дети. Трудная у тебя будет задача, очень трудная. И, понимаешь, не приказываю, прошу тебя: не лезь на пули. Воюй с холодной головой.

— Не подведу, товарищ комбриг!

Партизанский таран сработал. На участке в пятьсот метров вражеская петля была прорвана, и авангардные стряды лесных солдат, прикрывая женщин, детей, раненых уходили из окружения.

Выполняя приказ комбрига, два партизанских отряда держали фланги коридора. Их смяли.

— Вот этого я и опасался,— сумрачно сказал комбриг.— Настал и твой час, Юнус. Приказываю тебе восстановить проход. Прорвавшиеся отряды помогут тебе встречными атаками.

В боевой сводке эти минуты, в которые легли еще сотни героев, уместились в две строки:

«После того как вышло 1800 партизан, противник перерезал проход».

— Воздух! — протяжно оповестили дозорные.

Загудели, пикируя, немецкие «юнкерсы», завыли бомбы. От оглушительных, тяжелых взрывов затряслась, застонала земля.

Юнус следил за самолетами противника, командовал:

— Ложись!

— Вперед!

Бомбардировщиков было много. Кружась каруселью и по очереди ныряя вниз, они сыпали и фугасные и осколочные бомбы, сбрасывали контейнеры с гранатами.

Раскатами покатилося партизанское «ура». Юнус ворвался в траншею, снова заполненные вражескими солдатами, выбил их.

— Выводить всех оставшихся! — приказал комбриг. Все резервы: разведку, диверсантов, всех способных держать оружие — Каракетову. Если сейчас не прорвемся...

Юнус прорвался и атаками сдерживал гитлеровцев, пытавшихся снова замкнуть партизан в «котле».

Уходят последние телеги с детьми. За ними группы автоматчиков во главе с Леоновым. Он в бинтах. Бледный от потери крови, кричит командиру автоматчиков:

— К Юнусу. Передайте мой приказ. Отходить. Врага держать огнем.

Еще скупые строки документов:

«Оставшиеся в окружении партизаны были подвергнуты жестокой бомбежке. Комбриг Леонов снова приказал атаковать гитлеровцев. Был ранен сам, многие партизаны были убиты...»

Сотни людей вырвались. За их спинами гремит бой. Партизанский арьергард умирает, но держит врага.

Солдаты без формы. О вас сложат песни и легенды, над вашими могилами вознесутсяobeliski, за вас отомстят товарищи.

Подполковник Леонов доложит вскоре начальнику партизанского штаба Белоруссии, что уже после освобождения республики его бригада, по-армейски крепкая боевая единица, взаимодействуя с частями Советской Армии, оперировала в лесах, вылавливая и уничтожая разрозненные гитлеровские группы и подразделения, оставшиеся в тылу стремительно наступающих советских войск. Немцы всюду, где только можно, пытались пробиться на Запад, к своим войскам. Но от партизан в лесу не спрячешься. Бригада Леонова с 25 июня по 20 июля 1944 года уничтожила более 1 000 немецких солдат и офицеров и взяла в плен свыше 2 тысяч фашистов... Потом и эти пленные понуро будут брести улицами и площадями Москвы. Битые, опозоренные, жалкие.

Ну, а сейчас, 8 июня 1944 года, гитлеровцы в этих местах еще в полной силе и пытаются сломить партизанский арьергард, настигнуть и уничтожить бригаду вместе с семьями лесных солдат. Леонову докладывают:

— Фашисты упорно атакуют прикрытие. Отряды сдерживают врага контратаками. Боеприпасы на исходе.

Комбриг подкрепляет арьергард. Еще час-другой — стемнеет, и бригада спасена. Рядом леса, и ночью не страшны ни вражеская авиация, ни танки.

Под утро арьергард присоединяется к главным силам. Перед Леоновым парнишка белорус, синеглазый, спокойный. Его голова крест-накрест перехвачена бинта-

ми, правая рука подвешена на черном ремне, за спиной, по-партизански, дулом вниз, трофейный автомат.

— Товарищ комбриг! Фашисты прекратили преследование!

Леонов стискивает зубы и, зная, что он сейчас услышит, хрипло спрашивает:

— Где командиры отрядов?

— Товарищи Каракетов, Кашеев, Милеев погибли при отражении атак фашистов...

Казалось, на этот раз гитлеровцы прорвут редкую цепь партизан. Фашисты вклинились в центр, где дрался друг Юнуса — Николай Кашеев, и добивали его отряд. Юнус увидел, что отряд Кашеева гибнет.

— Пулеметчики остаются на месте. Усилить огонь! Остальные за мной! В атаку! Ура!

Ударом во фланг группа Каракетова смяла немцев, восстановила оборону. Юнус успел найти убитого Николая Кашеева, склонился над ним, безмолвным другом, и упал рядом. Голова, грудь Юнуса были залиты кровью. На пределе человеческих сил он закончил эту решившую бой контратаку.

О подробностях боя комбриг узнает позже. Сейчас его пошатывает от потери крови и усталости. Комбриг измотан, как и все остальные, но у него есть обязанности и перед теми, кто погиб, и перед вот этими людьми, с боем вышедшими из окружения.

Очнувшись от короткого раздумья, комбриг подает команду горсти партизан, оставшихся от отрядов прикрытия.

— Смирно! От имени Советской Родины благодарю вас за боевую доблесть и мужество!..

И еще не затихло в лесу эхо ответа, чеканит:

— Героям, павшим в бою, слава!..

Вечная слава вам, павшие с оружием в руках!



**ГЕРОЙ ИЗ АУЛА
КУБИНА**

ГОРЖУСЬ СОЛДАТСКИМ ЗВАНИЕМ...

Безнадежность подобна смерти. Отними у человека солнце, лиши мечты, и он становится живым трупом. Система и состояла в том, чтобы люди потеряли человеческий облик. И стали рабочим скотом гитлеровской империи. Не хочешь — принудят, сопротивляешься — растопчут. Публично, в назидание тем, кто пытается остаться человеком.

Строй стоит колонной третий час. Узники знают: пошатнешься — уничтожат. На бетонных вышках, что возвышаются в десятке метров одна от другой, пулеметы с заправленными лентами, впереди и по флангам — взводы автоматчиков. Стоят, не спуская глаз. Немецкие офицеры расстегнули кобуры, тоже ждут случая пустить в дело оружие. Собачья преданность фюреру, готовность убивать и убивать — закон третьего рейха.

Девятым в первой шеренге военнопленных стоит Хмара Догужиев.

Война в разгаре. И фашистам пора бы поубавить спесь. Десятки их дивизий легли в заснеженных полях Подмосковья. Давно ли утих траурный колокольный звон по фельдмаршалу Паулюсу и гитлеровским армиям, оставшимся у Сталинграда? Немцы выбиты с Кавказа. Сам бил их на Украине, где раненым попал в плен. Война где-то грохочет. Товарищи идут в бой, а он должен тянуться из последних сил в окружении врагов.

У Хмары от голода кружится голова. Но он не пошатнется. Своя жизнь где-то далеко в мечтах и воспоминаниях. Нельзя подводить товарищей. Гордые и крепкие это люди. Хмара сам великан. Призывался, росту было 181 сантиметр, на обмер грудной клетки не хватило клеенчатой с делениями ленточки... Солнечный тогда день был в Черкесске. А сейчас — не шелохнуться, не дрогнуть. Гитлеровцы этот побег постараются отметить

по-своему. Они умеют. И куда проще глумиться над безоружными, чем идти в бой против вооруженных солдат.

Щегольски похлопывая по сапогам весенней, гибкой веточкой, неспеша и легко идет комендант. Стройный и не старый человек. На губах коменданта надменная улыбка. День солнечный, апрельский. Комендант не спешит, подчеркивает свое спокойствие и превосходство над измученными, оборванными людьми, по его приказу выстроившимися в колонну.

Хмара девятый в первой шеренге. Военнопленные стоят колонной по четыре. Восемь человек выше Хмары. Рослый и крепкий народ в России. День назад на очередном апелле Хмара был десятым. Соседа справа нет. Нет и еще двух. Ушли. Как? Молодцы, сумели и ушли. Втроем.

Комендант проходит вдоль колонны. Отлично выбрит. Весеннее солнце поблескивает на его отшлифованных сапогах. Начинает говорить. Колонна стоит, будто припаянная. Каждый думает о своем. Чего слушать этого черного ворона в белых и красных нашивках! После него, срываясь на поросячий визг, будет кричать переводчик, тоже человек какой-то национальности, когда-то имевший родину, отца и мать.

— Немецкий порядок... Великая Германия... Справедливая кара... Непобедимая германская раса...

Комендант, скупая, слушает перевод своей речи. Конец веточки-стека размочалился, но так же продолжает равномерно щелкать по сапогу наглаженного и начищенного гитлеровца.

— Параграф... пункт... — у немцев без пункта и параграфа не вздохнешь.

Комендант проходит к голове колонны, указывает зеленой, неошкуренной палочкой на правофлангового, считает:

— Айн,— губы у немца шевелятся. дальше он счет продолжает про себя, дойдя до десятого, выкрикивает:— Цейн,— указывает на двадцатого — цванциг и, не спеша, идет вдоль строя, взмахом палочки отмечая очередного десятого из первой шеренги.

В колонне военнопленных больше трехсот русских солдат, оказавшихся безоружными и беспомощными в руках врага. Комендант называет восьмидесятого, останавливается против восьмьдесят третьего — за его спиной мальчонка. Был ли этот парнишка солдатом или занесли его в лагерь солдат, потерявших в бою оружие, сумасшедшие бураны войны, Хмара не знал.

Комендант, немец среднего роста, над замыкающим возвышался утесом. До этого держался от строя поодаль. К мальчонке подошел вплотную. Постучал палочкой по плечу, доброжелательно улыбнулся. Что-то сказал. Переводчик прокричал:

— Начало и конец. Римляне ввели децимацию. Мы, немцы, разгромили Рим. Немецкий порядок превосходит...

Стоявший слева от Хмары военнопленный — он отсчитан десятым — с пшеничными усами и глазами куда ярче этого апрельского неба, не шевеля губ, усмехается.

— Молодой коллега,— он знал, что и Хмара учитель,— децимацию римляне не от побед придумали!.. Гордись своим солдатским званием...

Хмара очнулся от дум. Значит, сейчас новые утраты. Децимация — расстрел каждого десятого. Приговоренный к смерти сосед, точно поняв (Хмара вздрогнул и рванулся), так же, не разжимая губ, потребовал:

— Держись!.. Любой ценой свобода. Бежавшие правы. Мстить нужно. Не все смогут... Стой!

Недвижим стоит строй бывших солдат.

Крики команды на вражеском языке, картавый перевод:

— Правофланговый — шесть шагов вперед. Один, десятый, двадцатый и остальные десятки вместе со стоящими в затылок шесть шагов вперед... Замыкающий колонну, семь шагов вперед.

Мальчонка-подросток, замыкающий последний ряд, старательно выполняет команду: хлопает впереди стоящего по плечу, вытягивая шаги, идет. Семь шагов к смерти. Понимает ли парнишка, что его ждет? Кто об этом скажет? Мал у него шаг. Семь раз ступил и остался между жизнью и смертью. Комендант тросточкой подогнал его к тем, которые должны уйти.

Вышедших из строя окружают и уводят немецкие автоматчики.

Колонна военнопленных сомкнулась и стоит, не шелохнувшись. Что она сейчас, жизнь ради жизни — ничто: вражеская автоматная дробь, чужая, неизвестная земля. Жить нужно ради мести.

Хмару учили быть человеком. Сам он, воспитанник Черкесского педтехникума, хоть и недолго, тоже обучал ребятню великому счастью любить правду и ненавидеть ложь. Не сдержался, шепнул своему соседу справа:

— Уйду. Давить их надо.

Сосед, бог его знает кто по национальности, чернобровый, бронзоволицый, ответил пословицей:

— Сокол в небе сильнее тигра в клетке.

Комендант еще раз прошелся перед безмолвным строем. Переводчик из-за спины коменданта повизгивал:

— Так будет всегда. Вы должны знать порядок. Дисциплина — необходимый мер и пример...

Комендант не спеша уходил. Весеннее солнце блестело на его ремнях, поблескивало на сапогах. И можно было подумать, что по земле куда-то по нужным людям делам идет человек.

Военнопленные все еще в колонне. У многих в угол-

ках глаз, в морщинах изможденных лиц — тяжелые светлые капли. Это все, что они могут. Беззвучно оплать ушедших.

Не каждому доводится пережить такое. И хорошо, что не каждому!

Ночные патрули дежурят с овчарками. Хмара знающе поглядывал на этих, с откормленного бычка, псов. Тренированная злоба вроде есть. Умеют броситься, сбить, вгрызаться в горло. Трое ушли, придушив таких вот немецких овчарок голыми руками, кирпичами уложили парный патруль — двух автоматчиков с черепами на фуражках. Уничтожили на выходе трех часовых, ушли недалеко. Из пяти автоматов отбивались. Солдатские сердца, что о них говорить, выдержали и этот бой. Двух эсэсовских офицеров и грузовик рядовых увезли фашисты.

Трудно было господину коменданту вспоминать историю древнего Рима, шлепая по сапогам зеленой веточкой. Многие выяснилось впоследствии. Хорошо, свободно умерли трое безвестных солдат России.

О децимации Хмару спросил ночью, когда блок должен был спать — блок в это время думал и шептался — новый сосед по многоэтажным нарам.

Учителя привыкли отвечать автоматически. Хмара дремал, сквозь сон ответил, как на вопрос в классе:

— Децимация — это расстрел каждого десятого для поднятия боевого духа потерпевших поражение войск. Исторически...

Горячий шепот перебил объяснения бывшего учителя, бывшего солдата.

— А за что же невоющих?

— Наших? — Хмара видел перед собой ребятишек из родного аула. Знал, что на вопрос нужно отвечать исчерпывающе. Ответил классу, темноте не спящего и настороженного барака:

— Крайнее средство устрашения, чтобы запугать людей.

Ночной мрак, горячечный шепот, люди, верные Родине и своему долгу перед ней. Измученные, страдавшие, мечтающие.

Над землей очередная и неповторимая весна. Теплая, заманчивая. В блоке просторно. Из строя выведенные не вернулись и не возвратятся. Лагерь военнопленных делает вид, что спит. Положено спать — иначе...

Над воротами концлагеря огромный щит. Желтым сусальным золотом по черной жести выведено:

«Покорность, смирение или смерть!»

Щит громоздок и тяжел. В углу — исковерканный паук — фашистская свастика. Какие-то устрашающие полосы. А чего им пугаться, обреченным?

И опять аппель — общее построение всего лагеря. Фашисты, видимо, свихнулись на аппелях. Какой он по счету за прошедший месяц?

Построение не совсем обычное. Вроде бы у гитлеровцев пуп от натуги лопнул. Вдвое меньше обычного автоматчиков, поменьше и офицеров из лагерного штаба.

Военнопленные — от многих остались кожа да кости — занимают места в шеренгах. По струнке, плечо к плечу, не люди — частокол. Они многому научились в лагере: умеют молчать, говорить, чуть шевеля губами, безмолвно поддерживать обессиленных товарищей на таких вот постоянных в лагере церемониях-издевательствах.

Никто не открывает рта, а по колоннам злой шепот:

— Фрицы митинг собрали насчет Орловско-Курской дуги...

— Будут принимать соборезнования...

— Организуют сбор подарков победоносной армии фюрера...

Нет, не сломлены военнопленные.

А чего им терять? Оружие давно выбито из рук.

Остается ждать пули в затылок или смерти от голода.

Да, но сегодня что-то не то, совсем не то, чем жила, живет и будет жить эта избегаемая людьми, проклятая жизнью территория — лагерь военнопленных. Фашисты опять что-то выдумывают.

Эсэсовцев немного — десятка два. Значит, нового избияния не будет. Вместо переводчика — четверо офицеров в армейской форме с нашивками власовцев. Один из них, с молодым, но испитым лицом, в погонах майора, делает шаг вперед и поднимает руку. Звучит настоящий русский голос:

— Братья! Соотечественники!..

В колоннах явственно: «Волк тебе брат... Стерва двухкопеечная!»

Вербовщика-власовца это не стесняет. Не такое слышал. Привык. Мужик он бывалый, душу продал, видно, крепко, говорит с театральным эффектом, со слезой.

— Не губите свои молодые жизни. Вы нужны новой свободной России!

— Заткни хайло, сука! — звонко несется от одной из колонн, но и это не прерывает оратора, и он как ни в чем не бывало заканчивает свою речь:

— Подумайте о себе. Сегодня начнем запись добровольцев.

В кабинете у начальника лагеря конфиденциальный разговор. Майор-власовец сносно говорит по-немецки и обходится без переводчика.

Комендант лагеря гауптштурмфюрер сморщился — предатели ни у кого уважением не пользуются, — но виду не подал. Эти четверо русских в немецкой форме, конечно, стопроцентные иуды. Иуды, но союзники. И письма привезли такие, что хочешь не хочешь, а содействие оказывай. Начальник лагеря приказал выставить бутылку шнапса — не велики птицы, обойдутся и солдатским угощением. Ведет беседу:

— И вы, герр майор, полагаете, что из этих коммунистических бандитов можно сделать солдат фюрера?— недоверчиво поинтересовался немец.

Власовец не спешил с ответом. Он сделал выразительный знак своему офицеру, видимо, адъютанту, щелкнув себя по горлу, и тот моментально исчез, затем любезно улыбнулся эсэсовцу.

— Я, господин гауптштурмфюрер, занимаюсь комплектованием добровольческих частей почти два года. У нас своя и, смею вас уверить, отличная контрразведка. Неисправимых мы ликвидируем без церемоний. А кроме контрразведки, есть и вот это,— власовец ткнул в саквояж, который нес его улыбающийся адъютант. Тот к бутылочке шнапса и тарелочкам с немудрящей закуской добавил две бутылки отличного французского коньяка «Наполеон» и килограммовую банку паюсной икры.

И только тут эсэсовец почувствовал, что от майора и его адъютанта явственно несет спиртным.

«С утра накачиваются, сволочи,— подумал немец.— И в моем кабинете пьянку собираются организовать». Но французский коньяк и знаменитая русская икра в нормы снабжения охраны концлагерей, увы, не включены и стоят бешеных денег. Гауптштурмфюрер про себя махнул рукой — черт с ним, выпью и с этими подонками.

Адъютант разлил коньяк, открыл икру.

— За великую Германию. Хайль Гитлер! — провозгласил майор. Его офицеры — сплошное внимание и исполнительность — бодро выкинули руки вперед, тренированными голосами провозгласили: «Хайль!», и осушили рюмки.

«Ну и боровы,— опять поежился немец, смакуя жгучий ароматный напиток,— коньяк, да еще такой, пьют залпом!»

Крякнув и ничем не закусив, майор сказал:

— Дела прежде всего. За работу. Прошу вас, госпо-

дин гауптштурмфюрер, выделить для охраны моих людей по два солдата на каждого. Они пойдут агитировать по блокам. А мы договоримся о порядке оформления добровольцев.

Вербовщики-власовцы, включая и адъютанта майора, ушли. В кабинете гауптштурмфюрера разговор становился все откровенней:

— Не верю я, что военнопленные будут воевать против своих,— упорствовал эсэсовец.— Они же при первой возможности сбегут.

— Бывает,— меланхолично согласился власовец.— Бывает, что и по нас стреляют. А службу несут. На оккупированных территориях Запада, на охране коммуникаций. Да что нам, солдатам, головы ломать. Большая политика!

— Большая политика, это верно,— согласился заметно повеселевший эсэсовец,— но как вам, истинным друзьям Германии, командовать этими головорезами? Они же после нашей обработки дьяволами стали. Пойдут на все!

— Пойдут,— болтнул головой власовец.— А вербовать надо. После Москвы, Сталинграда и Орла мы берем почти всех, кто соглашается. Наша контрразведка распухла и все равно с ног сбивается... Да вам-то что? Отдали нам людей, и заботы все. Голова будет болеть у нас. Не набербовал — плохо. Навербовал — того хуже. Только и счастья, что сидишь в тылу. А схватят русские — каждому из нас петля приготовлена. И мне, и друзьям моим, и шефу нашему. А русские прут и прут. Днепр форсировали. Не приведи такое, вы, герр гауптштурмфюрер, попадете в лапы большевиков, они вас еще и пощадить могут, а нам — военно-полевой трибунал и два раза по три: три аршина веревки да три метра земли.

Эсэсовец опять поежился. Ну и собутыльник. Ничего

себе, веселенький разговор получается. Славянин. Любят они, эти русские, мудрствовать. Впрочем, себя этот гусь вроде и за русского не считает: «Русские прут, русские схватят...» Вот же чертов оборотень. Служит Германии, а в ее победу, похоже, не очень верит. Вербует военнопленных, а сам перед ними дрожит. Запутавшийся в своих мыслях гитлеровец еще раз ругнулся в душе и сам разлил коньяк.

— Выпьем!

Майор пил то коньяк, то водку, закусывал салом. Вторая бутылка «Наполеона» стояла нераспечатанной, килограммовая банка икры была чуть-чуть начата. До эсэсовца дошло, что ему вежливенько подсунули редкий подарок.

«А гусь-то этот не так уж и прост. Подход имеет,— туговато соображал гауптштурмфюрер и возликовал:— Да из этой банки десяток маленьких можно сделать для приветов начальству, и себе останется. Щедрый подарок. Сколько ж тебе за каждого завербованного платят? — не без зависти подумал фашист.— Вероятно, побольше, чем тридцать сребренников. А радости что-то не видно».

Вконец успокоившись этим выводом, эсэсовец снова занялся коньяком и закуской.

Вербовщики-власовцы ходили по блокам. Их речи были заранее вызубрены. Особый упор делался на обращение к военнопленным нерусской национальности. Вербовщики после откровенной клеветы на советские порядки нажимали на военные неудачи Красной Армии в первый период войны, упирали на какие-то особые цели «русской освободительной армии», не жалея красок, расписывали чуть ли не райскую жизнь власовских «добровольцев».

Но если бы майор, главный вербовщик, вместо попойки с начальником лагеря прослушал бы призывы

своих подручных, то беседы одного из лейтенантов насторожили бы его натуру контрразведчика.

Лейтенант повторял почти все предписанное. Но советские порядки не трогал, поражения Красной Армии (как оно и было в действительности) показывал как тяжелые, но временные неудачи. Напирал он на другое:

— Война достигла критической точки. Вы еще имеете возможность сделать свой вклад. Вам дадут оружие. Вы умеете и знаете, как с ним обращаться. Не теряйте возможности получить свободу. В лагере вас ждет смерть.

Сопровождающие эсэсовцы устали от необычного для них безделья. Свою беседу вербовщик начинал в пятый раз. Скуку еще усиливал непонятный русский язык. Эсэсовцы зевали, про себя кляли вербовщика самыми отборными ругательствами, но приказ есть приказ: сопровождать и охранять от возможных эксцессов. Особых эксцессов не было. Вербовщика повсеместно встречали руганью и злыми выкриками. Он невозмутимо их выслушивал и спокойно останавливал фразой:

— Есть такая русская пословица: «Не веришь — не слушай», ну, а конец-то ее вы знаете. Глядишь, что-нибудь и вам пригодится. Читки газет, насколько мне известно, здесь не проводятся.

— Формируется Кавказский добровольческий легион. Он будет использован в тылу, для охраны дорог, складов. Вы получите оружие...

Двойственное впечатление оставляла беседа вербовщика. Он призывал стать солдатами вражеской армии — предателями и прозрачно намекал, что оружие стреляет в ту сторону, куда его повернешь.

Ответив на вопросы военнопленных, рассказав о потерях гитлеровской армии явно по сводкам Совинформбюро, лейтенант закончил беседу призывом:

— Будьте серьезны. Мой совет — идите в войска ге-

ниального непобедимого фюрера великой Германии, армии которого не знают поражений. Запись добровольцев начнется утром!

Слова о гениальном и непобедимом фюрере звучали откровенной насмешкой и если бы не просьба быть серьезными, военнопленные разразились бы злым смехом.

— Ничего себе наниматель! — обсуждали пленные речь вербовщика после его ухода. — Грустные, оказывается, дела у гитлеровцев.

— Братцы, находка! — один из пленных поднял над головой две пачки махорки. — Вербовщик оставил. Вот сюда, под мой матрац засунул. Я смотрю, он все почесывается. Думал, его лагерные «автоматчики» атаковали.

В бараке был свой, конечно, тайный совет. Трое коммунистов из числа наиболее уважаемых, лежа на нарах, взвешивали каждое слово лейтенанта.

— Говорил он откровенно. О том, что гитлеровцы выдыхаются, мы раньше догадывались, сейчас знаем точно. О партизанском движении тоже слышали, но у немцев в тылу, похоже, идет самая настоящая война. Есть ли возможность перейти к партизанам? Легко ли это сделать? И примут ли партизаны? Вот главные вопросы.

Решение было таким: всем надежным горцам и казакам-кубанцам советовать записываться «добровольцами» с тем, чтобы при удобном случае с оружием переходить к партизанам.

Свое решение тройка из особого блока сообщила в другие бараки.

Был и еще веский, пожалуй, решающий довод. Измученные в неволе люди сочли, что лейтенант-вербовщик не настоящий власовец. Не могла же советская контрразведка оставить вне поля зрения штаб этого генерала-

предателя. Безусловно, заслала своих людей и туда. И один из них указал выход — пусть рискованный, но выход.

Лагерь находится на Одере. Бежать невозможно. Вывеешься за проволоку — еще сотни верст германской территории. Немцы тоже разные. Есть и такие, что помогут. Только все бежавшие возвращаются в кузовах грузовиков, оказываются на виселице.

На очередном построении о желании вступить в Кавказский легион заявили несколько десятков человек.

Утро было сентябрьским, по-осеннему промозглым. Моросил мелкий дождь. Под ногами хлюпало. Ветер с недалекой Балтики загонял водяную пыль под капюшоны эсэсовцев.

Комендант лагеря приказал собрать добровольцев и строем отвести их для оформления. Остальных отправили в бараки и не выпускали. Мера была вынужденной. Уже бывали случаи, когда военнопленные, не считаясь с последствиями, избивали и забрасывали камнями добровольцев.

В теплом кабинете, за новыми бутылками, гауптштурмфюрер и майор-власовец продолжали беседу.

— Черт его знает, — изрек начальник лагеря. — Чем больше воюем, тем больше становится добровольцев из русских. Я третий год командую лагерем. В 41-м добровольцев не было. Военнопленные дохли, как мухи, но в армию фюрера не шли. В 42-м появились первые ласточки. А теперь вот, — эсэсовец взял со стола список. — Три листа фамилий.

Немец хотел по-другому и короче выразить свою мысль: «Чем больше у нас неудач на фронте, тем больше добровольцев». Но поостерегся. По пьяной лавочке власовец вчера признался, что он сотрудник контрразведки. Так что язык нужно держать на привязи.

Власовец понял мысль своего хозяина, успокоил его:

— Насиделись в лагерях и поумнели. Голод не тетка!

— Как-как? — уцепился за оригинально звучащую поговорку эсэсовец.

— Голодное брюхо — лучший советчик, — вяло объяснил власовец. Он-то еще лучше эсэсовца знал, сколько вербуются добровольцев и сколько их исчезает из казарм. Но его дело было вербовать. За это он получал деньги, чины и ордена. Не станет «добровольцев» — сам пойдешь на фронт. А там пуля в лоб или в затылок. Причем пулю можно получить и в самой мирной обстановке. Примеров сколько угодно.

Взяв список, власовец стал просматривать фамилии. Несколько оживился:

— Люди в основном нерусские: горцы, казаки, татары. Великолепное пополнение для Кавказского легиона фюрера. Мусульмане. Темный это народ, мусульмане. А в бою — злой. Будут воевать.

Оформляя документы добровольцев, перебрасывались фразами и младшие офицеры-вербовщики.

— Не думал, что так удачно получится. Вчера, сволочи, и слушать не хотели. И замордовать грозились и матерились на чем свет стоит! — говорил один.

— И у меня было так же. Я уж думал: майор за провал операции шкуру спустит, — признался адъютант.

— А кричал кто? — подал голос вербовщик-лейтенант, тот, что вел беседу в особом блоке. — Одни и те же. Их боятся, вот остальные и помалкивали. И у меня крикуны были. А вербованных хватает.

Хмара Догужиев и его товарищи больше не встречали этого лейтенанта. Был ли он власовцем или советским человеком в стане врага? Его вспоминали и в казармах «Кавказского легиона», и позже, у партизанских костров.

Под вечер колонна подошедших автомашин-фургонов забрала добровольцев и их охрану.

Конвоиры сидят рядом напружинившись. Добровольцы молчат. О чем говорить, если впереди опять неизвестность, а в сердце — друзья, растерзанные в концлагере. Фюреру очень нужны новые солдаты. Ну вот и на вербовали солдат. Только в кого стрелять они будут? Хмара знает, в кого.

ВОИНЫ ВСТРЕЧАЮТСЯ В СТРОЮ

Колеса вагонов стучали и замолкали. Позади остался учебный лагерь. И снова теплушка, нищие станции измученной Польши. Вагон—взвод «добровольцев» Кавказского легиона гитлеровской армии валялся на нарах и тогда, когда в лицо из настежь отброшенных дверей пахло неповторимым и опьяняющим воздухом Родины. Никто не бросился к дверям, не показал волнения. Выдержке учились в концентрационных лагерях.

Знали с вечера: эшелон направляется в Белоруссию. Задача известная: стоять гарнизоном, «охранять» местное население и железную дорогу от нападений «бандитов».

Собрать бы сейчас все небольшое и на редкость молчаливое население того вагона. Среди тридцати солдат, записавшихся в «предатели», найдутся и такие, что их головы через полгода немцы оценят в десятки тысяч марок.

Хмара неторопливо потягивал сигаретку, в которой табака было столько же, сколько в соломе под боком, отдыхал от муштры, окриков.

Добровольцев гоняли месяцев пять. Учили давно известному: стрелять, ползать, ходить в атаку. День начинался или заканчивался пищей для души: клеветой на Советский Союз, беседами о прозорливости и непогрешимости фюрера. Слушать было муторно. Все эти бесе-

ды сводились к одной и той же раздирающей скулы от зевоты словесной жвачке. А нужно было показывать внимание и заинтересованность. И скрывать насмешливые огоньки в глазах, когда тебя уверяют, что разгром под Москвой — следствие небывалых холодов, бегство с Кавказа — планомерное сокращение и «выравнивание» линии фронта, а разгром на Курской дуге — малозначительная неудача на второстепенном направлении.

Терпели. Знали, что обучение — это тщательный политический карантин, решающий этап на пути к оружию и свободе.

Было над чем и подзадуматься.

— Вы, — кричали инструктора, — дважды враги Советам. Сдались в плен — за это трибунал и расстрел. Пошли добровольцами на службу великой Германии — за это, если схватят, расстрел на поле боя без суда и следствия. Советы — ваш злейший враг. Только победа германского оружия даст вам, солдаты, свободу, спокойную, обеспеченную жизнь.

Не такие уж дураки были фашистские агитаторы, как оно казалось с первого взгляда.

Верили ли гитлеровцы «русским добровольцам»? Ой ли. Надеялись на безвыходность положения вчерашних военнопленных, на свою организованность, всепроникающую систему шпионажа — осведомители имелись в каждом отделении. Нет-нет, а какой-либо из добровольцев, вчера еще напротив тебя хлебавший «брандахлыст» — солдатскую похлебку — вдруг неожиданно и навсегда исчезал.

Многое зависело от взводного — первого офицера, облеченного властью и правами давать политическую характеристику солдатам. Им попался молоденький офицер, въедливый и крикливый. Перед немцами придерется ни к чему — явно выслуживается, — а так — за каждого солдата горой. Наказывает только сам и явно без

свирепости. А глаза звериные и кобура всегда расстегнута. Пойми его. Офицер власовской армии. Предатель. А может быть, свой, оберегающий тебя?

В других взводах были удачные, а чаще горькие побеги и залпы. Беглецов расстреливали свои. Это тоже входило в систему воспитания добровольцев. Для этого выдавалось оружие и один патрон. После казни проверялись затворы. Не выстрелил — забирают здесь же. Отказался стрелять — тоже. Взвод немецких автоматчиков в таких случаях наготове, рядом.

Гитлеровцы не упускали случая запачкать руки добровольцев кровью. А это было страшно. Обрывалась еще одна ниточка надежды.

Командир взвода со всех точек целил в одну:

— Не подводите себя и взвод!

Из соседнего взвода бежало трое. Их поймали. И взвод отказался расстрелять неудачников. Приказано было приговор — а его утвердило какое-то высокое начальство — в исполнение привести отделению Хмары Догужиева. Тот лейтенант с простой русской фамилией (не взял ли он ее взаймы?) выстроил отделение и пошел докладывать чинам с высокими фуражками.

Докладывал звонко. Слышал весь плац:

— Своих беглецов я уничтожу. За чужие грехи отвечать не собираюсь.

Он хотел, чтобы его люди были чисты. А когда взвод с боем прорывался к партизанам, этот мальчишка с ясными глазами прикрывал своих огнем пулемета, пересекал десятка полтора солдат гитлеровского охранного батальона, был ранен и взорвал себя и пулемет последней гранатой.

У одной матери дети и те не одинаковые. Разные люди и во взводе светлоглазого лейтенанта. Попробуй залезь в душу этих озлобленных, через край хвативших лиха людей. Были среди них каины, были иуды, были

ослабевшие духом, были и такие, что в отчаянии говорили:

— Конец один — пуля. Так уж лучше хоть пожрать как следует перед смертью.

Но вот свидетельство знающего и опытного человека:

«И все-таки в антисоветских формированиях, созданных оккупантами, порядочных людей, даже среди запуганных и одураченных, было неизмеримо больше, чем подлецов и изменников. Мы с самого начала верили в это и не ошиблись».

Так в своей книге «Партизанская республика» говорит полковник Петр Захарович Калинин, начальник Белорусского штаба партизанского движения.

Роты и взводы «добровольцев» держались в повиновении жесточайшим террором. Командир роты Догужиева, полуграмотный кулацкий сынок, перебежчик, подвыпив (а трезвым его никто и никогда не видел) выстраивал свое войско и поднимал крик:

— Я знаю, чем вы, сучье племя, дышите! У меня в каждом отделении глаза и уши. Все мысли ваши вижу!..

По пьянке господин поручик многое выбалтывал.

Действительно, осведомителей и провокаторов хватало в каждом взводе. На них у вчерашних лагерников был особый нюх, добытый горьким опытом. Осведомителей раскусили, но до времени не трогали. У кого и накипело на сердце — сдерживались, тоже лагерная наука помогла. Ну и, кроме прочего, казарма «добровольцев» — не туристский лагерь, где можно болтать о чем угодно, а учебная деревяшка — не такое уж и оружие, чтоб с ним можно было бунтовать.

Люди терпели. Научились этому. Были, правда, свои развлечения. Кормили плохо. Горячее раз в сутки, в завтрак и ужин — бурда под названием кофе или мутноватая водичка по имени чай. Любители повеселиться,

работая большой ложкой, поначалу устраивали шумок, такой верноподданный бунт на коленях, славя фюрера и понося воровливых интендантов. Обещали ведь кормить от пуза!

Ротный, получивший и поручика и роту за лютость, тут же, в столовой, набил морды двум «энтузиастам» пожать и мрачновато поинтересовался:

— Добавки не надо?

Так и пошла во время обеда вокруг столов шуточка:

— Может, попросишь добавочки?

Варьировалась эта невеселая шутка бесконечно.

За верную службу фюреру и германской империи, за исполнительность пока что в учебных занятиях взвод получал благодарности. Солдаты рывкали дружное: «Рады стараться!», а по мальчишеским губам взводного проскальзывала тсенькая усмешка. Он тоже был доволен.

В сентябре 1943 года на ротном построении «добровольцам» объявили, что они входят в состав «Кавказского легиона немецкой армии», и пожелали боевых успехов в борьбе с «красными бандитами». В ту же ночь из роты вместе с часовым в леса ушло трое солдат соседнего взвода. Но после этого исчезновение «добровольцев» прекратилось.

Командование роты и немецкие опекуны, пошумев, успокоились, решив, что ушли неблагонадежные, а те, которые остались,— достойны доверия.

В начале сентября солдатам выдали винтовки, а под утро девятого раздали патроны и гранаты, зачитали приказ: выступить в район Бреста и поддержать гитлеровские части, ведущие бои против партизан.

Приказ для многих не был неожиданностью. О нем знал взводный. Он заранее предупредил Догужиева и еще нескольких надежных добровольцев. Они сделали остальное. Сообщили своим товарищам, пустили осто-

рожный слушок. А его весомость подтверждалась повышенной расторопностью начальства. Да и немцы из роты полевой жандармерии, вроде бы усиливающие роту, а в действительности конвоирующие ее, тоже явно готовились к бою.

Половина взвода намеревалась уйти к партизанам, трое были осведомителями — им предназначались первые пули, настроение остальных выявить не удалось.

В партизанский район «добровольцев» подбросили на автомашинах и еще засветло разместили в казармах большой деревни с крепким немецким гарнизоном. На ночь охрану выставили из немцев.

Взводный назначил на ночь дневальным Догужиева и, возвращаясь с затянувшегося инструктажа, предупредил:

— Подъем назначен на шесть утра. В бой намечено вступить в 12 часов. Мы в первом эшелоне, за нами немцы. Предупреди наших: в одиннадцать часов, когда начнем прочесывание леса, по моей команде: «Партизаны справа!.. Огонь!» — те, кому поручено, уничтожают доносчиков, взвод поворачивается, открывает огонь по немцам и уходит в лес. Если я выйду из строя, принимай команду на себя, уводи людей в глубь леса, через местных жителей ищите партизан. Они где-то рядом. В случае, если нарветесь на засаду партизан, ответного огня не открывать. Поднимать на штыках белые флаги. Поручи ребятам забрать пару простыней. Потом на бинты пойдут.

Остальное было продумано раньше. Лейтенант считал необходимым уйти в лес до начала боя с партизанами. В бою это сделать труднее. Нужно, чтобы «добровольцы» не открывали огня по своим, переходили к партизанам, не чувствуя дополнительной вины. Ведь не зря же немцы заставляют «добровольческие» формирования участвовать в расправах над мирными жителями, гра-

бежах и карательных экспедициях. Замарав свои руки в крови народной, любой будет вернее служить гитлеровцам. Боязнь возмездия принудит.

Осенний лес встретил карателей сумрачно. Низкие свинцовые тучи сыпали мокрым снегом, под ногами хлюпало. Рассыпавшись цепью, legionеры тяжело продвигались через невысокие, но плотные кустарники. Обмундирование промокло до нательных рубаш.

Взводный, державшийся рядом с Догужиевым, повернул к нему голову и сверкнул неожиданной веселой улыбкой.

— Отличная погода... для прояснения мозгов. И пеня поймет, что оно такое — война с партизанами. — Посерьезнев, добавил: — Лес еще далеко. Надо терпеть.

Но вот среди кустарника замелькали светлые стволы берез, и впереди, сквозь прерывистую сетку дождя, проступила широкая темная полоса.

Взводный ускорил шаг. Нащупал на груди кусок простыни и, когда до леса оставалось еще метров сто, взмахнул зажатым в руке пистолетом и крикнул:

— Партизаны справа! Огонь! — Справа был еще взвод legionеров. Прозвучал не залп, а всего несколько выстрелов, от которых упали обреченные на смерть гитлеровские «стукачи». В соседних взводах никто ничего не понял — ни legionеры на флангах, ни немцы позади. Залегли и те и другие. Все прояснилось быстро. Лейтенант подал новую команду:

— Взвод, кругом! Изготовиться к бою! — и звонким, ликующим голосом, видно, накипело на сердце, крикнул: — По фашистской сволочи пальба взводом, взвод... пли! пли! пли!

Почему лейтенант поспешил раскрыть свои карты? Ведь ему выгоднее было обстрелять гитлеровцев уже из лесу, по густому сосняку и ельнику легче было уйти. Может быть, ошибся молоденький офицер? Нет. Он не

без оснований опасался, что на опушке леса может быть партизанская засада, и его взвод, готовый присоединиться к партизанам, попадет под их огонь и будет втянут в бой. Решение командира было правильным.

Немецкие жандармы на залпы восставшего взвода ответили яростной стрельбой. Реденько, но все же стали постреливать и фланговые взводы легионеров.

— Перебежками к лесу! — приказал взводный. — Пулеметчикам прикрыть отход!

Во взводе было три ручных пулемета. Два застучали дружно, третий поперхнулся и замолчал. Лейтенант крикнул Догужиеву:

— Уводи людей в лес. Быстрее! — а сам в несколько бросков добежал до замолкнувшего пулемета, щелкнул магазинной коробкой, передернул затвор и двумя длинными очередями уложил на землю поднявшуюся было в атаку цепь жандармов.

Всего сотня метров до шумящего леса, а на плечах разъяренные гитлеровские жандармы. Пули свистят роem, а тут еще стали шмякать в грязь и с визгом лопаться мины. Немцы делают все, чтобы уничтожить мятежный взвод, который прикрыт только тремя ручными пулеметами. Замолкает один пулемет — его накрыла мина, выходит из строя второй, и только взводный еще ведет огонь короткими и точными очередями. Но замолкает и этот, последний пулемет восставшего взвода.

Рота жандармов поднимается в атаку, переходит на беглый шаг, и тогда, чуть не в упор, пулемет русского парня в немецкой форме раскатывает огненные строки, убивая и калеча врагов.

Атака жандармов сорвана. Взвод укрылся в лесу и ведет огонь по фашистам из-за деревьев.

Гитлеровцы передвигаются перебежками, окружают лейтенанта. На месте пулемета вспыхивает столб пламени.

Это происходит на глазах у Хмары и его товарищей. Не желая сдаваться, их первый партизанский командир уничтожил и себя и свое оружие. Пример, которого не забыть. Хмара снимает пилотку, вытирает ею мокрое лицо и приказывает своим отходить. Дождь усиливается. Глухо шумят вековые сосны и дубы.

А вырвавшиеся из фашистской кабалы уже идут партизанскими тропами в лес, все дальше и дальше. Они не знают местности, зато уверены, что непременно встретят партизан — настоящих хозяев этого леса.

Вывалось немного. Десять-двенадцать человек. Многие ранены. Зато у всех винтовки, есть и патроны. И главное — они свободны. Жаль товарищей. Красивой смертью легли взводный, пулеметчики, многие товарищи-стрелки. Зато и немцев погладили против шерсти. И еще почешут им пулями пятки. Да и другие legionеры призадумаются!

Партизан встретили к вечеру. Хмара Догужиев, как старший, доложил о бое с карателями, о гибели взводного. Командир отряда внимательно выслушал, сказал:

— Сдайте оружие. Это закон. Вас накормят, раненым окажут помощь. Составят на вас список. Об остальном — завтра. А чтобы спали спокойнее — скажи своим, что в отряд вас примем. Вы не первые из «добровольцев». Месяц назад на нашу сторону перешла целая бригада во главе с командиром и всем штабом. Правда, для «бригады» силенок у нее не густо. Да и ваш «легион» тоже небось состоял или из двух рот, а то, глядишь, и из трех взводов. Так что спокойной ночи, — и повернулся к ординарцу:

— Будь другом, Пегро, разведи новых партизан по землянкам.

Насчет состава «Кавказского легиона» гитлеровцев партизанский командир был не прав. Бригады всевозможнейших «освободительных армий», роты «нацио-

нальных», «татарско-мусульманских», «северокавказских» и других легионеров гитлеровцы создавали, не жалея сил и времени. Пытаясь воевать чужими руками, Германия во вторую мировую войну на оккупированных территориях Советского Союза сама поставляла партизанам отличные кадры, к тому же, вооруженные либо немецким, либо захваченным в боях в 1941 году советским оружием.

На рассвете, когда в партизанских землянках было еще темным-темно, а дождь убаюкивающе шелестел в зеленой хвое сосен, прозвучал сигнал побудки.

Хмара по привычке вскочил, одернул на себе одежду и тяжело вздохнул. Как она сложится жизнь дальше? Оружие отобрали, а хорошие слова, они что ж, только слова.

Раздумья вчерашнего учителя и командира Советской Армии, вчерашнего легионера и военнопленного прервал ординарец командира:

— Черта лысого ожидаешь или вторую обедню? Был сигнал к построению?!

Хмара пулей вылетел из землянки. Пробежал десяток метров и, как опоздавший, пристроился на левый фланг партизанской шеренги, следом за ним — его товарищи.

Раздалась команда:

— Смир-р-но!

Строй замер.

— Сержант Догужиев, три шага вперед!

Расправив плечи, Хмара отпечатал три шага и, как положено по уставу Советской Армии, повернулся лицом к строю, держа руки по швам и глядя на командира. Тот продолжал:

— Приказываю зачислить сержанта Догужиева в партизанский отряд имени Чкалова. Подойдите, товарищ сержант. Возьмите! — и командир протянул Хмаре

полоску кумача.— Это наш партизанский символ. На шапку. Поздравляю с вступлением в партизанскую семью. Бейте врага храбро и умело.

— Служу Советскому Союзу! — непослушными губами произнес новый партизан и, овладев собой, отчеканил:

— Разрешите встать в строй?

— Становитесь!

Вслед за Хмарой, получив красные ленты, один за другим в строй возвращаются и его товарищи. Снова звучит команда:

— Вручить новым партизанам боевое оружие!

И Хмара крепко сжимает в руках винтовку. Нет, теперь уже никакой силой ее у него не вырвешь!

КРОВЬ ЗА КРОВЬ

Начальник штаба отряда имени Чкалова Павел Илларионович Губарев недолго присматривался к Хмаре Догужиеву. Опытному партизану нравился молоденький сержант своей собранностью, отличной военной выучкой, готовностью выполнить любое поручение. В первом же налете на гитлеровский гарнизон, в котором Хмара принял участие, его храбрость и умение воевать отметили и товарищи партизаны. Да и как было не заметить. Один по крыше подкрался к засевшим на чердаке пулеметчикам-жандармам, гранатой уничтожил их и, проломив дыру в пстолке казармы, огнем захваченного пулемета и гранатами вышиб немцев из каменного дома, за стенами которого фашисты думали отсидеться. Гарнизон был уничтожен начисто.

Оружие Хмара знал великолепно, стрелял по-снайперски, умел в критическую минуту помочь своим товарищам.

— Отличный будет взводный! — решили о Хмаре командир и комиссар.

— А сейчас...

— Ну, чердачный мастер,— добродушно встретил начштаба Губарев вызванного в штаб Догужиева,— вот тебе список твоих бойцов. Хочешь — считай, что у тебя взвод, хочешь — считай особой ротой, а сделай мне отделение минеров-подрывников. Диверсантов таких, чтоб фашистам икалось. Сможешь?

— Так точно, товарищ командир!

Будущие диверсанты Хмары Догужиева пока что вместе со всеми ходили в засады, участвовали в налетах на гарнизоны и склады гитлеровцев, но уже в декабре 1943 года, через два месяца после того, как Хмара пришел в брестский отряд имени Чкалова, в журнале боевых действий появились записи по новому «профилю»: «13.12.43 г. Разбито три паровоза из ПТР».

«18.12.43 г. На дороге Москва — Брест уничтожено 133 столба телефонной связи, сожжен мост размером 4×6 м».

Это первые документы о действиях диверсионной группы отряда. Их шестнадцать человек. Действуют то всей группой, а то и вдвоем, втроем. Лучшие из них: Михаил Гарпиченко, Тихон Бовбель, Алексей Вакульчик, Настя Довгун и три земляка с Кавказа — черкес Давлет Саитов, двоюродные братья карачаевцы Хамзат и Энвер Бостановы.

Хмара себе не поверил, когда через пять дней после него, бежав из «Кавказского легиона», к партизанам пришли братья Бостановы, а следом за ними из соседнего отряда имени Чапаева с группой бойцов в отряд имени Чкалова прибыл еще один земляк — Давлет Саитов, ставший для Хмары старшим братом и задушевым другом.

Земляки не опозорили седины отцов.

Документы партизанских штабов помещались в одной полевой сумке, а то и в кармане гимнастерки. Партизанские писари свои бумаги составляли то примостившись на пне, а в другой раз и просто под сосной или елью. Многословием эти невольные летописцы истории войны в тылу врага не отличались. Да и мало кто из них думал об истории. Коротенькая запись в школьной тетрадке, именуемой журналом боевых действий, донесение в старший штаб из десятка слов — вот и все документы. Некогда было их писать, да и, по правде говоря, не на чем.

И все же с конца 1943 года, получив нагоняй от штаба бригады (бригадников тоже прорсветили сверху), начальники штабов отрядов взялись наводить у себя порядок. Записи о боевых действиях стали подробнее, донесения штабам бригад обстоятельнее.

Вот некоторые записи из журнала отряда имени Чкалова бригады «Яков Свердлов»:

«20.12.43 года. В деревне Огородники уничтожено на минах 2 автомашины с грузами. Ранено 3 гитлеровца. Группой руководил Горпиченко Михаил. В составе группы Сайтов Давлет, Бостанов Энвер, Бостанов Хамзат, Каштелян, Ботич Н., Никитич Е., Мешкович В., Ментуз А.».

Это первое упоминание о наших земляках. А вот и следующие:

«21 и 23 января 1944 года огнем из ПТР разбито по 1 паровозу. Руководил Малькович. Отличились Бостановы, Смиренко, Рудаков, Догужиев».

24 января 1944 года этой же группой между Нагорьем и Вулькой спущен под откос железнодорожный эшелон. Уничтожены паровоз, 2 открытых площадки, 3 вагона с тягачами, 6 вагонов с имуществом связи, 7 вагонов с рельсами. Охрана перебита. Рельсы утоплены в болоте. Дорога была остановлена на 20 часов».

«12 февраля 1944 года. На перегоне Тольково—Вулька спущен ж.-д. эшелон. Разбиты паровоз, две платформы и 4 вагона с машинами. Руководил группой В. Шишко. Мину закладывали Хмара и Поздняк».

У воинов с алыми лентами на шапках неписаный закон: праздничные дни отмечать фейерверками за счет немцев. Для партизанских салютов лучше фашистских эшелонов ничего не найдешь.

После фейерверка 12 февраля немцы удвоили число патрулей на железной дороге, расширили просеки, заминировали наиболее вероятные подходы, установили дополнительные укрепленные посты.

Хитроватый и острый на язык начальник отрядного штаба остановил как-то Догужиева и вроде бы между делом заметил:

— Весна скоро. И 8 марта. А это, если не забыл, Международный женский день. В такой день женщинам подарки полагается преподносить. А у нас 27 партизанок. Соображаешь?

Хмара тоже любил шутку. В тон начальнику штаба ответил:

— Поддерживаю идею. Закажем, что нужно, в военторге и попросим ленточками перевязать.

— Без ленточек не обойтись,— прищурился начштаба.— Некоторым военным тем более. Невесты внимание любят.

Намек прозрачный. У Хмары в отряде нежная и верная любовь. Сероглазая, светловолосая подружка. Условились пожениться после войны. А сейчас они — партизанские жених и невеста. Дружба их чиста и открыта. Об этом знает весь отряд, и начштаба наносит явно запрещенный удар, пытаясь раззадорить Хмару. Тот заливается краской, но сдерживается.

А начштаба, словно не замечая смущения Хмары, гнет свое:

— А веревочка заменит ленточку, если к той веревочке прицепить партизанскую порцию толу? Соображаешь? А потом веревочку дернуть. Вот тебе и салют и фейерверк в честь наших партизанок и всех наших невест, сестер, матерей.

— Эшелон под откос! — догадался Хмара. — Это с удовольствием.

— Вот и без шелковых бантиков договорились, — смеялся начштаба. — А сроку тебе — неделя. Дело трудное, сам знаешь. На рожон не лезь!

Разговор был 27 февраля. На следующий день командира отряда вызвал на совещание к себе комбриг Иван Мариняка, а утром 29-го нарочный доставил в штаб бригады пакет:

«Командиру отряда им. Чкалова бригады им. Свердлова

Донесение.

Довожу до вашего сведения о том, что группа партизан в количестве 4 человек во главе с командиром отделения Догужиевым Хмарой, получив от меня задание спустить эшелон, выполнила его досрочно.

23 февраля 1944 года в 21.30 на перегоне Пигановичи — Санники ж. д. Брест — Пинск спущен под откос фашистский эшелон. При крушении уничтожены паровоз, 4 вагона и площадка с различными машинами. Взрыв также уничтожил 7 рельсов и 4 телефонных столба. Движение остановлено на 14 часов.

Минеры: Догужиев Хмара, Вакульчик Алексей.

С ними действовали Довгун Настя и Бовбель Тихон.

Нач. штаба отряда им. Чкалова *Кифоренко*.

Группа Хмары рванула эшелон между двумя патрулями немцев, шедшими в одной версте друг от друга. Начштаба на тол не поспешил. «Мопеда» — партизан-

ская торпеда-самоделка — получилась дьявольской мощности, разворотила все вокруг.

Новый начальник штаба Кифоренко (Губарев принял командование отрядом) мог быть щедрым. Группа Давлета Саитова разгромила фашистский конвой, захватила обоз, а в нем две подводы толовых шашек и противопехотных мин. Подарок, от которого начштаба пришел в восторг. Он щедро наделял взрывчаткой диверсантов и только требовал от них:

— Вы свои «мопеды» толкайте поглубже. Тогда от них и грома и толку больше.

Хмара свою мину (а она размером была с откормленного кабанчика) «затолкал» глубоко. Рвануло — эффектней некуда.

Запасы тола помогли диверсантам отряда нагнать панику на гитлеровцев. На партизанских минах, установленных Петенко, братьями Бостановыми, Давлетом Саитовым и их товарищами, взорвалось более десяти грузовиков, штабная машина с немецкими офицерами, несколько бричек. Только убитыми гитлеровцы при этом потеряли свыше 50 солдат и офицеров.

Весна 1944 года в лесах и на дорогах Белоруссии мало радовала оккупантов.

4 марта. Разгромлен фашистский гарнизон в Марковичах. Убито 15 немцев, столько же ранено. Взяты трофеи.

16 марта. Хмара Догужиев и его дружок Иван Шишко совместно, огнем двух противотанковых ружей разбили паровоз. Вражеский состав, направлявшийся к линии фронта, потерпел крушение.

25 марта. Оглушительный партизанский фейерверк на Брест-Московской ж. д. Паровоз и восемь вагонов с боеприпасами и оружием уничтожены. Еще 35 вагонов, корежа полотно, сходят с рельсов. На дороге пробка. Немцы ее «вытаскивают» трое суток. Операцию прово-

дил командир взвода В. Шешко. «Мопеду» закладывали Хмара Догужиев, В. Хала и Позняк.

29 марта — опять салют за счет гитлеровцев под станцией Нагорье Пинской ж. д. Еще один фронтовой эшелон немцев под откосом. Сработала группа Мешковича. Минирование проводили Хамзат Бостанов и Арсентий Крейдич.

Это неполный перечень действий диверсионных групп, в которых сражались наши земляки, а ведь кроме них в отряде еще 200 орлов. Они ушли в леса не прятаться от немцев, а громить их.

Апрель увеличил боевой счет партизан отряда еще на 6 эшелонов и 83 уничтоженных гитлеровца.

Фашисты двигают против партизанских отрядов пехотные батальоны, подтягивают кавалерийский полк СС «Норд». Пытаются зажать партизан, но рейдовые подразделения народных мстителей наносят немцам удары в самых неожиданных местах.

1 мая. Жаль лишать партизан праздничного отдыха, но лесные традиции нужно соблюдать. Праздник следует отметить. Возможность есть. Агентурная разведка доложила, что утром 1 мая усиленная рота фашистов на автомашинах и мотоциклах придет на укрепление гарнизона в город Пинск. Шоссе немцы считают безопаснее железной дороги.

В ночь под праздник главные силы отряда под командой Павла Губарева двинулись в поход. Под утро вышли к месту засады. Шоссе. По обеим сторонам в 50—60 метрах — лес, кусты. Саитов заминировал дорогу, натянул бикфордов шнур. Тем временем партизаны замаскировались.

Дозорный с высокого дуба вел наблюдение. Около десяти утра он доложил:

— Идут шесть машин-фургонов, впереди и позади мотоциклисты.

Командир отряда приказал готовиться к бою. Сигнал для открытия огня — взрыв мины.

Трое мотоциклистов с треском пролетают мимо засады, и следом — грохот взрыва. Передний грузовик разбит. По второй, третьей и четвертой машинам бьют партизанские пулеметы, автоматы, винтовки и ПТР. Вторая машина горит. Солдаты с мотоциклов и из двух последних автомашин вступают в бой, чтобы выручить своих. Бой жесток и скоротечен. Особенно тяжелые потери гитлеровцы несут от огня семи партизанских пулеметов. За одним из них — братья Бостановы. Энвер — первый номер, Хамзат — его помощник. Пулеметчики они классные еще с кадровой. Огонь их пулемета страшен. Давлет и Хмара ведут стрельбу из автоматов.

Полчаса всего длится бой. Гитлеровцы вводят в дело минометы. Избегая потерь, Губарев приказывает отходить. Гитлеровцы не решаются преследовать партизан. Да им и не до этого. У них до 50 человек убито, столько же раненых. У партизан ранено четверо.

Праздник отмечен достойно.

Хмара Догужиев не получил и царапины. Казалось, что смерть обходит его стороной, щадя молодость, уважая храбрость.

Но смерть настигла и его.

Нужно было разведать обстановку в Пигановичах, а для этого встретиться со связным. На встречу Хмара пошел один. И не вернулся.

Местные жители рассказали, что у деревни была сильная перестрелка и что эсэсовцы и полиция увезли несколько трупов своих солдат. Тело Хмары гитлеровцы оставили на месте. Партизаны ночью подобрали и похоронили его.

Позже выяснилось: Хмара наскочил на вражеский секретный пост, был ранен, отстреливался до последнего патрона и, не желая сдаваться врагу, подорвал себя

гранатой. Это произошло в мае 1944 года, за неделю, когда Хмаре должно было исполниться 24 года.

ГЕРОЙ НЕ ЗАБЫТ

Узнав о гибели Догужиева, Павел Губарев, командир чкаловцев, в ярости хватил кулаком по столу.

— Сокола потеряли... Разве можно было одного пускать?!

Но обвинять было некого. Эсэсовцы тоже чему-то научились в боях с партизанами и, обходя населенные пункты, выдвинули к партизанским базам свои «секреты» и заставы, надеясь захватить пленных и получить от них данные о партизанах. Немцы готовили крупную операцию и обеспечивали ее глубокой разведкой.

Перестрелка у Пигановичей насторожила и партизан и их связанных в деревне. Убедившись в провале своего замысла, гитлеровцы сняли этот пост.

Надо уметь, чтобы и смерть твоя наносила урон врагу. Хмара погиб смертью солдата, оказавшись в безвыходном положении, но его гибель не была напрасной. Усиленные разведдозоры партизан установили: скрытно подошел эсэсовский полк «Норд», появились соединения полевой жандармерии и регулярные части германской армии. Не ожидая, когда немцы сомкнут кольцо, партизанские отряды сами перешли в наступление.

Майские бои чкаловцы вели на подступах к деревням, за деревни, из засад громили колонны фашистов.

Артиллерийско-минометным огнем гитлеровцы заставили партизан отойти. Но партизаны всегда были верны своему правилу: нанести врагу как можно больший урон в людях и уходить, сберегая силы для новых ударов.

Среди отличившихся в майских и июньских боях упоминаются имена Давлета Саитова, Энвера и Хамзата

Бостановых, Насти Довгун, Алексея Вакульчик и многих других боевых друзей. И он, сержант Догужиев, всегда был рядом. И в бою и на партизанских привалах. По отряду ходила не очень, может быть, грамотная, зато очень точная пословица-шутка Хмары:

— Друг в бою — лучше бога в раю!

Партизаны знали самоотверженность кровной боевой дружбы. Вспоминая теплым словом отдавших жизни Родине и Победе, они не забывали и Хмару Догужиева, армейца, не успевшего отпраздновать свои двадцать четыре года.

Открытое сердце было у юноши-богатыря. За это его и любили. Как оно бывало?..

Привал. Тихо вспыхивает теплый и неяркий партизанский костер. Кто налаживает ведро с белорусским добрым кулешом, иной сует под светящиеся угли бульбу, другие пристраивают на рогульках котелки. Малиновый лист и ароматные травы тоже отличная заварка. А чай, как известно, и душу веселит и для мозгов полезен.

А пока шкварчит да булькает, покамест оно испечется да сварится, просящие возгласы:

— Хмара, спой!

Его юношеский голос давно огрубел: приходилось кричать так, чтобы слова команды перекрыли стук железнодорожных колес, чтобы слышали боевые заставы его приказ. А до этих застав...

Он был прост и скромен по-юношески. У абазинцев и сейчас слово старшего — приказ, просьба общества, хотя в нем пять-шесть человек, — закон.

Хмара запевал. Чуть простуженный, но звонкий и сильный голос выводил непонятные для слушателей задушевные слова и мелодии.

Хмара любил слышанные на родине абазинские, черкесские, карачаевские и ногайские песни.

Какой абазинец и сейчас не знает черкесский язык? А этот парень-богатырь так же легко говорил по-карачаевски и ногойски. И его товарищи-земляки черкес Давлет Саитов, братья карачаевцы Хамзат и Энвер Бостановы горячо и каждый по-своему любили молодого друга еще и за то, что, хотел он этого или нет, но песнями своими славил далекий и родной край, где у Клухорского, Марухского и Санчарского перевалов живут народы-братья.

Устали все. У многих сон туманит головы. Не меньше других в прошедшем бою или походе досталось отделенному Догужиеву. А ему хоть бы что. Поднимается, тонкий в талии, широкий в плечах, весь в порыве и стремлении. И уже дремавшие бородачи поднимаются, и полянка вокруг костра дружно хлопает в ладоши:

— Орайда-райда, орайда-райда, орайда-райда, о-ра-ра!..

А у костра в лихой пляске мечется тень воина. Нет у него кинжала, но все видят это украшение горца-воина. На плясуне — тяжелые кирзовые сапоги, а он словно в легоньких чувяках встает на пальцы, легко перебирает ногами, припадает на колени и снова взлетает птицей.

А потом в пляску вступает друг Хмары — Давлет Саитов, с гортанными возгласами, словно в бой. бросаются в пляску братья Бостановы, за ними белорусские парни и дивчины, а затем пляска увлекает и неторопливых, рассудительных дядек, которые, если о чем и думали полчаса назад, так это, чтобы кулеш был погуще, а еловые лапы — добрая и пахучая партизанская постель — помягче.

Хмара был неистощим на всякую выдумку и сердечную щедрость.

Партизанская рота выходит из боя, кого-то несут, кого-то, бережно поддерживая под руки, ведут. Партизаны умели воевать малой кровью. Но только и малая

кровь — это погибшие друзья, это горькие слезы вдов и безжалостное сиротство сыновей и дочек.

Во взводе убили партизана — белорусского побратима Хмары. И, как завещали деды, по старым горским обычаям, отделенный Догужиев, ведя в поводу коня с телом убитого товарища, вступил в его двор.

Хмара не вернул счастье сиротам. Но гордый боевой отряд помог им не согнуться. На сирот поработал и конь, которого Хмара оставил семье погибшего товарища.

Никогда и нигде ни командир, ни комиссар партизанского отряда имени Чкалова не сделали замечания отделенному командиру Хмаре Догужиеву. Хмара поступал по велению сердца и долга. И не ошибался.

Комиссар отряда Григорий Дудко не раз подчеркивал:

— Хмара Догужиев — это самая красноречивая политинформация и настоящий отдых — по-настоящему врос он в коллектив. Добрый хлопец и партизан.

Жизнь, она не знает остановок. Даже и на войне где-то слезы, а где-то и песни.

Вышла однажды молодежная группа Хмары, отбившая очередную атаку врага, в освобожденную зону. А по пути на базу в одной из партизанских деревень — шум, музыка, веселый гомон. У партизан Хмары — они все верхами — жители свободной зоны хватают за уздечки коней, стаскивают всадников за ноги. Свадьба. Кто может сказать слово против? Ведь они, эти лесные богатыри, и дерутся за счастье народа. И жених — партизан, и любовь его — партизанская связистка.

Давлет Саитов рассказывает, как Хмара, по обычаю горцев, пожелал счастья новобрачным.

Конь у Хмары — верный дончак. Сам Хмара высокий — без малого два метра. Но поздравить партизанских друзей нужно. Счастья им. Необычного хотя бы

потому, что каждый может согнуть даже и в этой сегодня веселой и праздничной хате.

Хмара просит Саитова, товарища по боям и родному краю. Уважительно говорит Хмара. Он, абазинец, к черкесу обращается по-черкесски:

— Уважь, брат, друзей!

Квадратный, бронзовый до черноты Давлет Саитов прячет улыбку и негромко отвечает:

— Объясни им обычаи горцев.

Хмара негромко — его слушают все — говорит:

— Если в небольшую саклю горца джигит въедет на коне, то сакля и род, живущий в ней, будут счастливы и изобильны. Мой старший друг Давлет въедет на коне в этот красивый и гостеприимный дом.

С таким же успехом по сегодняшним лестницам можно въезжать и на 20-й этаж московских или ленинградских небоскребов.

Саитов въехал, лежа у своего стремени. Хмара обнял друга, щекой прикоснулся к щеке — сердечное спасибо, старший брат!

И еще было. Где-то у Пигановичей, станции, памятной по боям, перехватила молодежную группу бурлящая весельем толпа.

У Хмары, хоть лесами цветет и зеленеет май, — папах с красной звездочкой, тепло одеты и его товарищи. Рейс был дальним. Задание, как всегда, было срочным. Ему нужно доложить о своей небольшой, но весомой в общей партизанской боевой копилке, победе. Он торопится по делу. А здесь кричат:

— Братки! Пополнение! Еще одним нашим больше, — кричат по-своему, по-белорусски но и они, советские солдаты с далеких отсюда земель, тоже братья белорусам, ибо сохранила их и выкормила мать-Белоруссия, ее скромный, спокойный и нескгибаемый народ.

Он спас и Хмару. Хмара всегда помнил это.

Спешился. Спросил товарищей:

— Окажем почет?

Что могли ему ответить друзья, с которыми он всегда рядом и в огне и на привале? Одни кричали: «Ладно!», другие, позадиристей, весело шумели: «Давай!».

В доме новорожденный. Крошечный человечек, за счастье которого партизаны дерутся и готовы умереть.

Хмару и его друзей, потных, грязных,—пришлось уходить от погони—сажают на почетные места за праздничный стол, подносят им, как великое счастье (оно и есть такое), как песню о бессмертии Белоруссии, крохотный сверточек, в котором что-то дышит и чуть-чуть попискивает.

Хмара спросил:

— Солдат или партизанка?

— А ты угадай!

Пришлось объяснять, что, по обычаям гор, мальчугану полагается в таком случае от почетных гостей — конь, а девчоночке — буренка с необъятным выменем.

А праздничный стол шумел и требовал:

— Отгадай!..

Вообще-то в незавидном положении оказались удачливые диверсанты Хмары: и веселиться нужно, и в дураках вроде бы оставаться не положено.

Хмара провел рукой от брови до чуба, сказал:

— И сын — хорошо, и дочка — отлично. Но в партизанском крае все должны быть воины. И этому дитенку мы дарим коня. Все равно — сын или дочка!

— Угадал! Сын! Настоящий партизан.

...Многими добрыми словами вспоминали Хмару. А тех, кого любят,—они всегда рядом и помогают тебе. Поэтому и не забываются друзья, хотя их и нет.

Из четырех наших земляков-чкаловцев в живых остались двое. Хамзат Бостанов уже после разгрома оккупантов в Белоруссии погиб на пути к Берлину.

В Карачаево-Черкесии живет и работает Давлет Хамидович Саитов, учитель с тридцатилетним стажем. За партизанские дела у него орден Славы, за учительскую работу — медаль «За трудовую доблесть», за армейские бои и походы — пять боевых медалей. Это он, тот черкес-партизан, брат и друг абазинца Хмара.

В партийном архиве института истории партии ЦК КП Белоруссии хранится боевая характеристика на командира диверсионной группы Д. Х. Саитова.

«Участвовал в 11 открытых боях, где было убито 58, ранено 37, взято в плен 3 немца. Участвовал в спуске под откос 4 ж.-д. эшелонов. Прострелил один паровоз из ПТР. Участвовал в уничтожении 3 вражеских автомашин, где уничтожено 25 и ранено 18 гитлеровцев. Участвовал в уничтожении 103 рельсов и телеграфно-телефонной связи протяжением 4 км. Взысканий не имеет».

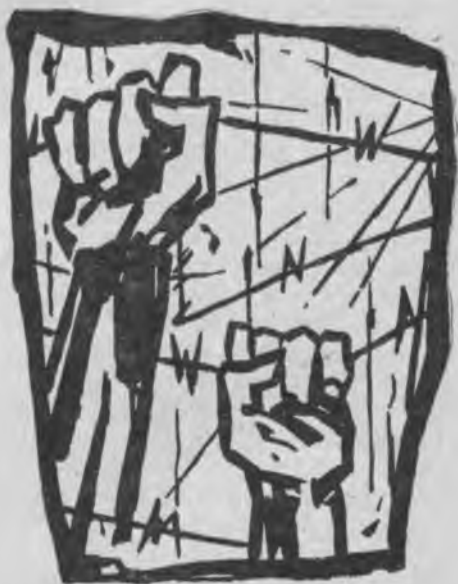
Давлет Саитов... Он такой же могучий в плечах, всегда открыт сердцем дружбе. Только очень краток в словах:

— Разве у меня одного в сердце Хмара? Он всему отряду был дорог. До двадцати четырех лет не дожил, а сколько вынес во имя долга, сколько сделал!

В центре белорусской деревни Пигановичи могила с надписью:

«Партизан-герой
ХМАРА ДОГУЖИЕВ
1920—1944 гг.».

А в абазинском ауле Кубина, что над берегом веселой Кубани — школа, где Хмара Догужиев учился, а затем учил детей сам. Пионерская дружина носит имя юноши-абазинца, сердцем своим и смертью своей доказавшего, что нет большей верности и дружбы, чем несокрушимая дружба двухсот наций Советского Союза.



**БОЕВЫЕ
ПОБРАТИМЫ**

ПОБЕГ

В тот жестокий год многие прошли этим путем. И прославленные и поныне безвестные. Дрались до последнего патрона, хоронили товарищей, салютуя залпами по врагу, шли в атаки и отступали, отбивали атаки противника и снова отступали.

О себе, своих жизнях они не думали. Сердца жег мучительный стыд: свою родную землю отдавали на поругание врагу. Полк почти два месяца дрался. Сейчас ни полка, ни товарищей по нерушиму воинскому строю. Погибшим честь и слава, а что делать им, уцелевшим в обстановке, о которой никто и помыслить не мог?

Танки со свастикой прорвались куда-то на восток. Вслед за ними пылят и пылят по дорогам грузовики, набитые фашистской пехотой; приседая на выбоинах, катятся вражеские пушки, а небо гудит немецкими самолетами.

...Под разлапистым, в три телеграфных столба деревом — лесным патриархом — четверо. Дышат тяжело, рванные гимнастерки в темных пятнах, лица мокры от пота.

— Кажется, ушли, — с надеждой произносит один из четырех. Ему лет двадцать, совсем еще мальчишка. На петлицах у него угольнички младшего сержанта.

— Верст тридцать отмахали... Если немцы сразу не схватятся да не пошлют за нами собак — твое счастье, сержант, авось и до свадьбы доживешь.

Ответивший посмотрел на солнце. Определил: часов одиннадцать. И задумчиво сказал:

— Всего одни сутки...

На войне и минута может стать вечностью, за которой для человека только слезы и память близких. А

война — кругом. И даже в этот по-летнему пропахший смолой бор, где тишина дрожит радужными дымками зноя, война может ворваться неистовым лаем овчарок, треском автоматных очередей, отрывистыми криками немцев, идущих по следу. И тогда счет жизни опять пойдет на мгновения.

Сутки назад четверо вышли из этого же леса и услышали подкрепленные стволами автоматов окрики:

— Хальт! Хэндэ хох!

За спиной стояли готовые открыть огонь немецкие солдаты. Прятались где-то рядом, отпустили на полсотни шагов от леса и: «Стой! Руки вверх!». А что сделаешь? У всех четверых винтовки и ни одного патрона. Подловили фашисты. И похоже, не первых. Лес-то вон какой. Из него, наверное, идут и идут. Вот немцы и приспособились: устроили на опушке пост-засаду и хватают, как щенят. Лес рядом, но перед ним фашисты. Побег — расстреляют.

Привели в лагерь военнопленных. Лощина, обнесенная колючей проволокой, вышки с пулеметами. Поодаль палатки. В них охрана. У ворот лагеря — две огромные рамы, переплетенные той же красной от ржавчины колючкой, бетонные колпаки, из амбразур торчат пулеметные стволы, тут же навес, под ним десятка два автоматчиков. У некоторых на поводках крупные, хорошо ухоженные псы.

Четверых подвели к распахнутым воротам. Один из конвоиров что-то доложил начальнику караула, тот махнул рукой в сторону лагеря. Конвоир повторил этот жест, прикрикнул:

— Ходи, ходи, Иван!..

Четверо оказались за колючей проволокой.

Лагерь был велик и, видно сразу, сооружался наспех. Четверо задержались у входа, осматриваясь. Словно из-под земли, рядом кто-то начальнически сказал:

— Эй, приятели, ко мне!

Подошли. Рядом ход в землянку. Перед ней не то солдат, не то офицер с белой повязкой на рукаве.

— Новенькие? Документы! Фамилии? Я старший переводчик.

Четверо назвали фамилии. У двух никаких документов не оказалось.

Переводчик нырнул в землянку, появился с толстой тетрадью. Записывал то, что говорят. Документы вернул. Задержал взгляд на тощем вещмешке, лежащем на плече молоденького сержанта.

— Водка, самогон есть?

Четверо удивленно переглянулись. Переводчик и сам понял нелепость вопроса, лениво выругался, буркнул ни к селу ни к городу:

— Один черт! — почесал себе спину и коротко сказал:

— Двигайте вон в тот угол. Старшего вам укажут. Раздача пищи в два часа... Котелки есть?

— Нет котелков у нас...

— Тогда подохнете... — равнодушно сообщив об этом, переводчик исчез под землей, и оттуда глухо донеслось: — Консервные банки найдите... Под ноги поглядывайте.

Четверо отправились в указанный угол. Лагерь был набит людьми, словно загон скотом. Метрах в двухстах от ворот пленные сидели или лежали на земле. Поближе к проволоке пробиться вообще было нельзя.

Четверо выбрали себе местечко. Расположились спина к спине. Посидели. Закурили. Оделили махоркой ближних.

— Ну и влип! — начал разговор осетин Георгий.

Они вчетвером уже неделю скрывались в лесу. Кое-что друг о друге знали. Вот этот двадцатилетний, с прогибающимися усиками, — это Энверби Хачуков, черкес,

младший сержант, видно по угольникам на петлицах. Второй, белобрысый, плечистый, ровесник Энвера, солдат Мишка Гулин из-под Орла. Третий назвался Василием. Молчалив, сдержан. Одет во все солдатское и держит себя ровней. А кто он — солдат или капитан — на лбу не написано. Четвертый — Георгий, осетин. А может быть, и не Георгий. Краткая, точная речь, манеры выдают офицера, не один год командовавшего людьми.

Георгий отбросил окурок, встал и направился поближе к проволочному забору, осторожно ступая между лежащими людьми. Присел к группе людей, достал кисет. О чем-то заговорил. Вернулся не скоро. Трое молчаливо подняли к нему лица.

Донеслись протяжные удары металла о металл. Георгий объяснил:

— Обед прибыл. — И добавил: — Сидите. Обед — горсть ржи. От нее половина лагеря дизентерией мучается. Рожь зеленая, зерно сушить и растирать надо. Едят сырой. Чувствуете? — и громко потянул носом.

Над лагерем стоял смрад. Временами ветер из леса заглушал его запахом хвои. Но порывы ветра замирали, и удушливая вонь снова невидимым туманом наползала на лагерь.

— Вон в том конце уборные. К ним не подойдешь. А рядом могилы. Их зарывают, когда они наполнятся.

Сигнал на раздачу зерна всколыхнул лагерь. Люди побежали к центру, построились в движущуюся, галдящую очередь.

— Нужно уходить! — сказал Василий. — Этой же ночью. Пока народ толпится у бричек, пошли присмотрим местечко. Если останемся здесь — пропадем.

В суматохе устроились рядом с проволокой, подальше от пулеметных вышек. Подкрепились буханкой хлеба и куском сала — последним запасом из вещмешка

Хачукова. Василий, поев и вроде бы вытирая руки о траву, вырвал два чахлых кустика. Тщательно осмотрел длинные корни. Ни к кому не обращаясь, сказал:

— Песок.

Георгий негромко подтвердил:

— На то и расчет.

В лагере стали вспыхивать светлые огни костериков. У них по трое, четверо в консервных банках, самодельных жестянках-сковородках люди стали варить и распаривать зерно.

Перед закатом солнца над лагерем опять поплыл томительно-протяжный звон металла. Пленные зашевелились и выстроились в две плотные шеренги. Между ними, как раз по центру лагеря, образовалась улочка. По ней двинулись телеги с грубым капустным листом. Такой лист — он у основания кочана — хозяйки обрывают и выбрасывают, он плохо варится и загрязнен. С телег вилами разбрасывали этот лист по сторонам. Его быстро расхватывали.

— Это ужин,— объяснил Георгий и предложил:— Давайте спать, ночь будет трудной.

...Землю рыли руками, обламывая ногти, в кровь стирая подушечки пальцев. Песок тихо осыпался в неглубокий ровик. Осторожно, сменяя один другого, подкопали проволочный забор, торопливо друг за другом протискивались в лазейку. Метров триста, прижимаясь к траве, бешено работая локтями и коленями, ползли попластунски. На счастье луну закрыло облаком — поднялись в рост. До леса было близко — версты две. Задыхаясь и падая, бежали опушкой, попалась дорога в лес — кинулись по ней. Путь выбирал Василий. Он часто поглядывал на звездное небо и вел тем тренированным шагом, каким командиры возглавляют марш-броски. Через дорогу попался мост. Василий кратко бросил:

— За мной,— и, свернув под мост, зашлепал по воде. После привала снова бежали по ручью, поднимая брызги; выбрались на берег и стали углубляться в лес. На рассвете, как это часто случается в Белоруссии, прошел легкий дождь. И только тогда, когда солнце стало подниматься к зениту, Василий, присмотрев эту могучую ель, дал команду отдыхать.

Что помогло им? Беспечность лагерной охраны, родная земля или решимость вырваться? Да и вырвались ли? Лагерь, из которого бежали, где-то у старой границы, а пленные в нем захвачены и под Смоленском и под Гомелем. Далеко проскочил враг.

— Оружия у нас нет...— снова начинает разговор Хачуков. Нотки тоски и обреченности звучат в его голосе.

Его прерывает Василий:

— Оружия в лесу хватит дивизию вооружить. Не лес — арсенал. Только без патронов. Толку-то... А впрочем,— Василий долго молчит и, что-то твердо решив, заявляет:— Без оружия нас снова загонят за проволоку. Нужно вооружиться. Нашу ель далеко видно в лесу. Давайте осмотрим окрестности. Через полтора-два часа сбор. Солнце будет вон там.

Четверо расходятся. Трое к ели возвращаются почти одновременно. Складывают винтовки, ссыпают в небольшую кучку позеленевшие патроны. Хачуков выгружает из карманов полдюжину гранат-лимонок. Василий задерживается, но вот появляется и он. У него винтовка, ручной пулемет, три саперные лопатки. Из пазухи и карманов он горстями вытаскивает чистенькие, с остро блестящими на солнце конусами пуль, патроны.

— Не удивляйтесь. Когда бежали, присмотрел. Полянка у дороги, наши обороняли ее, да, видно, были окружены... Подберите себе по винтовке. Проверьте затворы.

Под елкой сухо клацает сталь. Хачуков щелкает затвором, начинает чистить ствол винтовки песком, но Василий останавливает его:

— Это потом. Сейчас все на заготовки. Пошли.

Шли минут двадцать, еле поспевая за размашистым шагом Василия. Вот и полянка. Перед ней на опушке за деревьями — боевые ячейки, пулеметные гнезда. По лесу там и тут порыжелые бинты, обрывки гимнастерок, клочки бумаг.

— Вот гляньте! — Василий подвел товарищей к брезенту, полузасыпанному песком, с усилием отвернул его. Открылся окоп с несколькими цинковыми ящиками. Верхний на треть заполнен патронами.

Раскопали несколько осевших ям, поняли, что это одиночные окопы стрелков. В ямах — трупы красноармейцев. Один из неписанных законов войны: при обороне твой окоп может стать и твоей могилой.

У опушки подобрали десяток своих и немецких патронов, ручной с пустым диском пулемет. А когда возвращались, как показалось, кратчайшей дорогой, натолкнулись еще на участок с покалеченными деревьями и окопами. Отыскали и здесь пункт боепитания — окоп, полузасыпанный песком, а в нем ящик гранат (запалов к ним так и не нашли) и пол-ящика патронов. И здесь подобрали несколько винтовок, станковый, покареженный от прямого попадания снаряда пулемет. Насобирали оружия много. Снесли его к елке. Больше всего намаялись с патронами. Разбивать ящики не хотелось, а нести их было не близко.

Хачуков, самый младший и горячий, сваливая нелегкую ношу, пробурчал:

— И чего мы этот арсенал устроили?

Ответил Василий сухо вато, внятно:

— Оружие на поле боя не оставляют! Врагу — тем более.

У ели вырыли большую яму. Рыть не трудно — песок. На дно постелили брезент, сложили туда все оружие, ящики с патронами, забросали еловыми лапами, засыпали песком. Георгий взобрался на ель и, ловко орудуя той же саперной лопаткой, у самой вершины стал обрубать лапы, стесывать кору.

Спустившись, вытер руки песком и, полюбовавшись своей работой, сказал:

— Приметное место будет. Потребуется — отыщем легко.

Думали ли они, четверо, когда смогут найти свой подземный склад?

Уставы Советской Армии запрещают оставлять оружие врагу. Если гибнет солдат, его винтовку подберет товарищ. Но если гибнет рота, батальон, оружие остается на поле боя. Сбирать его некому. Четверо, не заглядывая далеко вперед, выполнили свой воинский долг.

Под вечер возвратились к опушке, вышли на дорогу и, готовые постоять за себя, пошли вперед. Деревню слышали по ленивому собачьему лаю. Георгий пошел в разведку. Узнал: называется деревня Засуля, до станции верст сорок, немцев в деревне нет. С собою Георгий принес буханку черного хлеба и большую кринку сметаны.

А вскоре у крестьян Герасима Житковского, Михася Жука и Николая Шкуды объявились, точно бог послал к уборке хлеба, крепкие и плечистые парни-свояки. Деды-соседи, знавшие родословные каждой семьи до седьмого колена, хитренько улыбались в сивые усы, но и в беседах между собой солдат-окруженцев именовали: «Свояк Герасима», «Свояк Жука», «Свояк Шкуды».

И тех «свояков» становилось все больше и больше. По окрестным хуторам укрывались земляк Хачукова — Туган из аула Эркин-Юрт, сталинградец Виктор Аксенов, Иван Баденко из Днепропетровска, сибиряк Федор

и другие, чьи имена запомнили и Энверби Хачуков и его товарищи.

Да и ему запомнились имена только тех, с кем потом почти два года вместе партизанил в отряде имени Калинина бригады «Комсомолец».

Энверби нашел приют у деда Герасима Михайловича Житковского. Мудрый это был старик. В хате жили он, дочь Елизавета да бабка Авдоля. Повадился к Житковским непрошенный гость переводчик — предатель из Колосова. Видит дед, быть беде, — отправил дочку к родичам.

Хачуков рассказывает:

— Является как-то переводчик, шомпол вроде тросточки в руке. Мы с дедом на гумне жито молотим. Вежливо так начинает: «Здравствуйте», — и все остальное. Мы ему тоже: «Здравствуйте», — и продолжаем свое дело.

Завел он речь о Елизавете. Дед говорит:

— Не приехала еще. У тетки в Минске.

Немецкий лизоблюд помрачнел, шомполом по сапогу щелкает, ко мне прицепился:

— Ну, как она, жизнь?

Обозлился я и в тон ему отвечаю:

— А это кому как!

Дед усмехнулся, а полицейский аж покраснел.

— Снимай рубаху!

Я снял. Куда денешься. За спиной переводчика два полиция торчат. Фашист мне пять раз по спине с маху шомполом. Кожу кусками срывал. Почти месяц спина гноилась и кровоточила. Спасибо бабке Авдоле. Вылечила.

Этому полицаю мы потом и трибунал устроили. Дед нас предупредил, что оккупанты шарят по деревням, собирают таких вот, как мы, приемышей, и угоняют в Германию. Ушли мы в лес. Прячемся. Оружие у

нас есть, патронов хватает. Да и округу и людей знаем. Заявляется как-то дед Герасим, говорит:

— Ухажер-то опять наведываться стал. Мучает меня и бабу: где да где Елизавета? Хату грозитя спалить. Уж вы его, ребятки, укротите.

Переводчик этот такая шкура, что по нему давно веревка скучает. А взять его нелегко: охрана.

Мы и говорим Герасиму Михайловичу:

— Рады помочь, да как его, стерву, подкараулить?

Дед рассказал нам, по какой дороге эта шкура в деревню ходит. То ли вправду допек полицай Герасима, то ли хитрый дед нам еще одну проверку по заданию партизан устраивал. А нас в деревне целый отряд собрался: Иван Боденко, Миша Гулин, Виктор Аксенов, Федя-сибиряк, мой земляк Туган из аула Эркин-Юрт, Георгий-осетин и я. Старшим у нас был лейтенант Узденко.

Подкараулили мы полицаю на пасху. Идет он по лесу один, навеселе крепко, песенку напевает. Я прыгнул из-за дерева на него, свалил на землю. Товарищи скрутили его, заткнули рот кляпом — деревня рядом, да и охрана где-то близко, надо, чтоб тихо было.

Отвели фашиста подальше в чащу, развязали, посадили на пень. Суд организовали по всем правилам. Допросили. Напомнили о его зверствах. Отказывается. Я показал свою спину — шрамы на ней и сейчас видны. Проситься и каяться стал. Присудили мы его как изменника — повесить. Нашли березку, нагнули ее. Вздернули полицаю. Думали, березка не выдержит, прогнулась, бедная, но выстояла.

А дней через пять приезжает к нам ночью дед Герасим и говорит, вроде бы ничего не знает:

— Пропал куда-то «жених»!

И мы говорим, что пропал. Тогда дед оставляет шуточки.

— В Радмянской пуше создается партизанский отряд. Хотите по-настоящему германа бить? Помогу связаться с партизанами.

— Да мы их сами ищем, найти не можем!

— Тогда ждите провожатого.

А в Радмянской пуше партизан хватало. И старые отряды действовали, и новые формировались. Народ в пушу шел непрерывно и местные и армейцы, оказавшиеся за линией фронта, и беглецы из фашистских лагерей. Вначале мы попали в бригаду имени Сталина, ее вскоре на две разделили. Нас с Туганом направили в бригаду «Комсомолец», меня — в разведчики-подрывники, Тугана — в конный взвод. Часто на боевые дела ходили вместе.

Первый эшелон мы рванули 2 мая 1943 года между Колосовым и станцией Негорелое, второй свалили под откос на прогоне Молодечно — Красное, третий — под Несвижем. Крепко наши штабы работали. Как там ни старались гитлеровцы засекретить отправку своих эшелонов — нам это известно точно.

Пообвык я в бригаде, освоился, встречаюсь с начальником бригадной разведки лейтенантом Владимиром Желтенко, присматриваюсь. Знакомое лицо. Разговорились как-то. Желтенко оказался с хутора Валуйского, а в нашем ауле он был учителем. Роднее родного оказался. Любили его мы, разведчики-диверсанты. Нам и хоронить его пришлось. Погиб Володя Желтенко 19 марта 1944 года в бою с засадой гитлеровцев у моста перед селом Жуховичи Мирского района. Жестокий то был бой. Похоронили мы лейтенанта Желтенко на берегу Немана в селе Синявская Слобода.

Еще одного земляка Асташова из Черкесска встречал во время марша партизан из Молодечно. Много у нас было маршей и внезапных партизанских ударов по фашистам.

Громили гитлеровские гарнизоны в Мирах — перед войной это был райцентр. Там же уничтожили дом отдыха немецких летчиков — досталось тогда фашистским воздушным асам, выбивали гитлеровцев из Жуковичей, Турцов, доходили и до Молодечно. Партизанская жизнь, она такая, вечно в походах, или мы гитлеровцам покоя не даем, бьем то там, то тут, или они, стянув силы, начинают карательные экспедиции, блокируют партизанские леса. Так вот и пылала огнем белорусская земля.

А подземный склад наш под елью-великаном мы раскопали в июне 1943 года, когда вся округа стала партизанской.

И командир отряда Иван Шматовец и наш комиссар Петр Дудковский — оба они сейчас живут в Минске — крепко нас благодарили за такой щедрый подарок. С оружием и боеприпасами у партизан все время было туговато. Воевал-то почти весь белорусский народ. Попробуй обеспечить сотни тысяч людей за линией фронта хотя бы винтовками и патронами. В нашем отряде по-первых многие партизаны были вооружены либо одними гранатами, а то и ружьями-дробовиками. И вдруг такой клад! Ему тогда цены не было. Добрым словом вспомнил я Василия, что организовал тогда сбор оружия. А кто он был? По всему видно — офицер. Отдохнув с неделю в деревне, ушел он к линии фронта. Больше мы не встречались. А повидаться хотелось бы. Разве забудешь, как уходили из лагеря. Если бы не Василий и Георгий, погибли бы мы за той колючей проволокой с Мишкой Гулиным. На побег из лагеря, окруженного проволокой в три кола с часовыми и патрулями вокруг, не сразу решишься. В такой переделке побываешь — случайно встреченный солдат дороже брата становится.

А в переделках бывать приходилось часто. Сегодня бои с железнодорожной охраной, завтра налет на фашистский гарнизон, а то и кровопролитные, по месяцу

и больше, сражения в кольце вражеской блокады. На счету каждый патрон, каждая картофелина. Научились делиться куском хлеба и обоймой патронов. И стояли друг за друга, как не каждый брат брата защищает...

Много партизанских побратимов у абазинца Энверби Хачукова и на родном Кавказе, и в Белоруссии, и на Украине, и на Дальнем Востоке.

В праздничные дни, хоть и немалые годы уже прошли, в Карачаево-Черкесию и отсюда идут сотни писем с партизанскими приветами и поздравлениями. Не забыты и семьи погибших.

Как это получилось, трудно сказать, только крошечная по необъятным масштабам страны область дала для партизанской республики шесть командиров партизанских бригад, полков и отрядов, группу офицеров-штабистов, четырнадцать командиров рот и взводов, более тридцати командиров диверсионных и разведывательных групп, десятки командиров отделений, много бойцов. Все из армейцев. И что ни характеристика — видишь, что смело и мужественно сражались за Беларусь сыны далекого Кавказа.

«Якуб Хаджи-Исламович Коркмазов, 1916 года рождения, карачаевец, командир взвода партизанского отряда имени Щорса Брестского соединения, семья проживает в городе Микоян-Шахар (ныне Карачаевск). Жена Хаби Коркмазова.

Участвовал в 4-х крупных боях, в обороне на Днепро-Бужском канале с 22 февраля по 30 марта 1944 года, во многих засадах, взрыве 12 эшелонов, в 4-х операциях «Партизанский концерт». Во всех боях проявлял смелость и отвагу. Представлен к правительственной награде».

«Унух Асаевич Лайпанов, 1917 года рождения, карачаевец, лейтенант, старшина отряда имени Постовалова

бригады имени Чкалова. Семья проживает в ауле Новый Карачай

После прихода в отряд отличился при взрыве ж. д. эшелона на линии Брест — Москва и в бою под деревней Грошево. В ноябре 1943 года назначен старшиной отряда. Навел порядок в хозяйстве отряда и, обеспечивая его боевую деятельность, одновременно в составе партизанских групп участвовал в подрыве еще одного фашистского эшелона, в рельсовой войне и уничтожении крупного моста на шоссе Брест — Барановичи. Во главе диверсионной группы провел в июне — июле 1944 года две операции по уничтожению линий связи на этом же шоссе. 14 и 17 июля провел диверсии на шоссе, при которых уничтожено две автомашины и 8 гитлеровцев. Проявил себя смелым и решительным бойцом-командиром. Является примером для всего отряда».

«Алимов Ахмед Ильясович, 1914 года рождения, черкес, красноармеец, командир диверсионной группы отряда имени Ворошилова бригады «Феликс Дзержинский». Из аула Карамурзинский Ставропольского края.

С 15 октября 1943 года участвовал во всех боевых операциях отряда: в подрыве ж.-д. линии Лида — Молодечно, разгроме фашистского гарнизона в дер. Воробеевичи, в составе спецгруппы проводил работу по разложению вражеских гарнизонов. Отличился в бою при обороне местечка Любча от карателей. Смелый, активный, инициативный командир. Честно оправдал звание красного партизана».

Лейтенант Биляль Сидаков, сержант Асланбек Джентимиров из Хабеза, старшина Яхья Тлисов из Апсуа, старший сержант Хамид Лепшоков из селения Маруха, сержант Салфи Джанибеков из Джегуты. Невозможно назвать даже десятую часть имен белорусских героев партизан, сынов Карачаево-Черкесии. На их праздничных пиджаках боевые ордена и партизанские медали, за

длечами боевой путь, рассказ о котором иногда кажется невероятным. Однако такого не придумаешь.

Энверби Хачуков часто упоминает с явным восхищением имя Тугана Узденова. Когда-то лет пять назад о нем, отличном милиционере, я писал статью для областной газеты. Встречались и после. Знал, что Туган партизанил в Белоруссии, награжден орденом Отечественной войны, медалями «За отвагу», «Партизану Отечественной войны» I степени и целым рядом других. Но обычно разговор шел о не очень-то веселых милицеских буднях: поимке преступников, приведении в человеческий вид пьяных великовозрастных оболтусов и тому подобном. Партизанские дела Тугана оставались «за экраном». А сейчас Энверби Хачуков, сам далеко не из последних партизан, все время с любовью и уважением выдвигает вперед Тугана Узденова. И вот в последнюю поездку в Минск я разыскиваю документы бригад имени Сталина и «Комсомолец». Имя Тугана Узденова встречается часто. Судя по партизанской характеристике, я чуть было не пропустил интереснейшего человека.

Возвратившись домой, первым делом выбираюсь в ногайский аул Эркин-Юрт.

— Туган,— с упреком говорю вчерашнему милиционеру (сейчас он на пенсии),— а это ведь непорядок. Воевал ты в партизанах здорово, а молчишь о своих боевых делах!

Туган — человек веселый, общительный, посмеивается.

— Так мы ж и стакана соли вместе не съели, а полагается по русской пословице — пуд.

— Ладно,— открываю я свои козыри,— пусть та соль останется несъеденной. Вот слушай вначале сам.— И я читаю его партизанскую характеристику.

Туган не из тех, кто два слова связать не может, при

случае охотно, красочно расскажет и партизанскую быль, но выставляться не в его характере. Он внимательно слушает краткий перечень своих боевых дел и не то всерьез, не то в шутку замечает:

— Хорошо написана бумага. Башковитый писарь, видно, трудился.

— Ну, а сейчас мы работу начнем,— говорю я. И берусь за авторучку.

О Тугане Узденове кратко не расскажешь. Его характеристика не уместилась на двух листах. Два года активных боев. Это целая эпопея. Так появилась еще одна глава. Она о боевом побратиме абазинца Энверби Хачукова ногойце Тугане Узденове.

ПАРТИЗАНСКАЯ КОННИЦА

Двое земляков, вжимаясь в землю, считали секунды. Саперам не в диковинку строить и взрывать. Но такого не доводилось. Приходится уничтожать большой и красивый мост. На западном берегу Буга ползают танки, пылят автомашины, к мосту перебежками спускаются немцы.

Сержант Туган Узденов не показывал вида, но был словно натянутая до отказа струна. Они вдвоем с Абдуллой успели заминировать мост. Гитлеровцы медлили. Лежавший рядом боец Абдулла Еслемесов изредка ловил на мушку запыленные фигуры вражеских солдат и мысленно нажимал спусковой кручок. Стрелять было нельзя. Туган выжидал. Взорвать мост не сложно. Тол заложен, машинка под рукой — только поверни ключатель. Мост было жалко, попробуй построй такой! Нужно было поднять в воздух и немцев. Но фашисты не торопятся. Ждет и Туган. Абдулла ловит на мушку гитлеровцев и считает, скольких он зазря оставил топтать землю.

Печет яркое июльское солнце. Томит жажда. Рядом — полная прохлады река. А во фляжке теплая, пропахшая железом и порохом какая-то муть. И ее нельзя пригубить — неприкосновенный запас.

Группа немцев в 15—20 человек наконец взбегает на мост. Пора. Туган Узденов поворачивает выключатель. Мост вздыбливается, окутывается желтовато-багровым дымом и гулко обрушивается в запенившуюся и пошедшую водоворотом реку.

Хороший был мост. Людские руки возводили его на совесть, отшлифовали перила, навели пешеходные дорожки. Стоять бы ему и стоять. Вместо моста — дымящиеся фермы. И то у берегов. Среднего пролета метров на пятнадцать словно и не было. Так нужно. Война.

Немцев, бежавших по мосту, взрывной волной разметало кого куда. Двух швырнуло вперед, и они, очумевшие, бредут прямо на Тугана и Абдулла. Абдулла поднимает винтовку — эти не уйдут.

И тогда, будто очнувшись от спячки, западный берег оглашается треском пулеметных и автоматных очередей, гулками хлопками танковых орудий.

— Отползай! — говорит Туган другу. — Задача выполнена. Надо догонять батальон.

В этот день, 5 июля 1941 года, их даже не царапнуло. Ползли след в след. Голову поднять невозможно. Пули свистят сотнями обозленных ос. Спустившись в ложину, поднялись, почистились, приняли воинский вид, заторопились доложить об уничтожении моста.

А докладывать было некому. Свой батальон сержант Узденов так и не нашел. Встречал оставших солдат родной стрелковой дивизии. Они говорили, что немец прорвался где-то южнее и потоками танков и автомашин заполнил все дороги.

Один из встречаемых, второй номер пулеметного расчета, хороший знакомый, рассказал обстоятельней:

— Мой командир, ваш земляк — Сашка с нашего пулемета сотню немцев скошил. Я лежал рядом. Сашу изрешетило. Остался бедняга у нашего разбитого «максимки». Проскочили немцы. — устало говорил помощник убитого в бою пулеметчика Амирби Булкаева.

Значит, попали в окружение. В этом не трудно было убедиться. Лавина вражеских войск катилась на восток, и обогнать ее, чтобы добраться до линии фронта, было невозможно. Но где-то же должны быть свои! И ночами, когда немецкие части становились на отдых, обходя белорусские деревни, проселками шли и шли наши солдаты. Подкармливались, что где подадут, а то и картошкой да зерном с крестьянских полей. Оборвались и отошались, заросли до плеч. Упорные, подгоняемые одной целью — добраться к своим, они шли и шли словно одержимые. В белорусских деревнях уже появились старосты и полицаи, за окруженцами начали охоту гитлеровские команды, а ночные тени переходили большаки и, забираясь в глушь, продолжали торить лесные и болотные тропы. Сплошной паутиной эти тропы оплели землю Белоруссии летом и осенью 1941-го

Сентябрь затянул небо хмарой. Посыпали нудные и пронизывающие дожди. Ослабевшие и оборванные солдаты мерзли. Какая там осталась одежда? А холодная вода льет сверху, струйками стекает по спине, чавкает в дырявых сапогах. У костров, если их удавалось разжечь, чтобы согреться и унять дрожь, лезли в самое пекло, обугливали шинели и ватники. А у Тугана все-го-то и было — дырявая летняя гимнастерка да такие же висящие клочьями брюки.

Где-то в пути, после бомбежки, потерялся Абдулла. Туган шел один, крепко сжимая ремень самозарядной винтовки, в которой оставалось три патрона.

Холод и голод гнали к людям, в деревни.

Несколько раз сошло благополучно. Люди словно

ждали этого осторожного ночного стука в окно. Открывалась дверь, и хозяйка либо мальчонка совали в солдатские руки краюху хлеба, вареную картошку, а то и шматок сала.

В этот раз на стук выскочил кто-то полуодетый, выбросил перед собой винтовку, и гулкий выстрел рванул тихую ночь.

Туган — он свою самозарядку держал на весу, поохотничьи, дернул ствол на белое пятно, нажал курок. Грохнул второй выстрел. Белая фигура вякнула и осела на крыльцо. Попал или нет — не до того было. Оглушенный — пуля чиркнула над ухом — Туган бежал, не чувствуя земли под ногами. Сзади ночь разрывала вспышки выстрелов. Сбилось дыхание, перешел на длинный шаг. Передохнул — снова побежал. Так до рассвета. Попались какие-то бугры, упал, забылся мертвым сном. Утром увидел рядом дверной проем и вход в большую землянку. Оттуда несло сыростью, тленом. Догадался — заброшенный дзот. Залез в него подальше от света. Сжался в комок, снова заснул.

Разбудила жажда. Во сне пил айран. Мать подала полный камысаяк. Жадно глотал сладковато-кислую, освежающую влагу и проснулся от спазм в горле.

Вечерело. Солнце склонялось к закату, но светило ярко и горячо. А может, жгла жажда. Не думая об опасности, брел, хрипя, вперед. Трое суток ни крошки во рту, а думал об одном:

— Пить... хотя бы глоток.

Вот впереди река. Вода... может, загустевшая кровь отуманила сознание: бежал и не мог добежать. Может быть, и полз к этой воде в горячке бреда, бессильно распластавшись на земле.

Над хрипящим солдатом склонился бородатый плотный мужик, потряс за плечо.

— Живой?

Услышал хриплый шепот:

— Пить!.. Воды!..

Оторвал солдата от земли, потянул, поволок за собой. Туган очнулся, из последних сил пошел сам. Деревня. Хозяйка, взглянув на вошедших, засуетилась, бросилась к печке.

— Воды, пожалуйста...

Обливая грудь, в один глоток осушил ковш кваса, попросил еще. Присел к столу, начал есть и уронил голову. Иссакли последние силы. Есть предел и бесконечной солдатской выдержке.

Хозяйка пожалела:

— Бедные ребятки! Сколько горя приняли!

Муж сказал — отрезал:

— Злее будут.

Дети хозяев — Николай, Соня, Ольга притихли, глядя на оборванного с ложкой в руке, спящего солдата. Отец огладил бороду, сказал жене:

— Софья, согрей воды, парня вымыть нужно.

Сотни три верст шел солдат от границы. Блукал, возвращался на свой след, прятался от немца и все же дошел, если не до переднего края войны, куда вела его присяга и верность оружию, дошел до жизни. Он еще, вздрагивая и постанывая, словно в омуте, плыл в забытьи, а судьба его уже решилась.

— Что же делать-то будем? — спросила хозяйка своего немногословного мужа.

— А ничего. У нас останется. Парень, видать, упорный. — Федор Бычок в деревне Кожево был, как и многие, в годах уже. А за себя постоять мог. И в деле не последний. Слово у него крепкое. И появился у Бычков в доме не то родич, не то постоялец — двадцатилетний Туган Узденов, ногаец из аула Эркин-Юрт.

Вымыли, переодели, обстригли космы. Стал на человека похож.

Сам того не ожидая, Федор Бычок приобрел отличного помощника. Ведь саперы не только блиндажи строить да мосты взрывать умеют. В руках у Тугана и топор и пила поет.

Душевные люди дали приют измученному солдату, отогрелся он, сам без дела не сидит.

Потянулись длинные за чадающей лучиной вечера. Сначала легкий снежок притрусил землю, а потом запуржило, закрутили вьюги. Сугробы по окна да вой волков у околицы. И без того негромкая, затихла под снегами, будто в зимней спячке, присмирела деревня. Раньше хоть к сельсовету да клубу натоптанные дорожки бежали, а сейчас и от соседа к соседу нигде тропок нет.

А новости вроде бы искрами из трубы в трубу перелетают.

— У Москвы герману от ворот — поворот. Побежал фашист!

— У Миров партизаны немецкий обоз к ногтю!

— В Загорье листки появились. «Смерть немецким оккупантам!» называются. Полицаи перетрусили. Трезвенькие ходят.

Солнце повернуло на лето, небо посветлело, и только лес-сосняк стоит в снегу величавый, задумчивый.

Охаживая топором сосновое бревно, Туган остановился передохнуть. Посмотрел на тихо покачивающиеся верхушки сосен, сказал:

— Длинная у вас зима, батя. Февраль кончается, а снегов все больше. И лес будто просыпаться не думает.

Хозяин, Федор Прохорович, тоже воткнул топор в лесину, сдвинул шапку на лоб, усмехнулся:

— Наш лес еще зашумит. Ой, как зашумит!

Март обернулся птичьим граем, звонкими ручьями. Зима таяла и стекала. Деревня словно подрастала, а сугробы все прижимались и прижимались к земле,

покрылись свинцовой коркой, остро заблестели под лучами солнца.

Вроде бы и незаметно скользнуло полгода по снежному насту. А событий сколько! Теперь уже не туманный слух, а точно люди знают: немцев под Москвой разгромили и отбросили, к границам Белоруссии прорывались красные конники. А по дорогам все чаще и чаще треск выстрелов — партизаны нет-нет да и подкараулят обоз с полициями, а то и колонну немцев.

Туган — свой человек в семье Бычков. Все чаще ввертывает в разговор белорусские слова. И не Туган он сейчас — Антон, да еще Филиппович. И по одежде его от белоруса не отличишь.

В деревне немецкий староста — солтус, по-местному, два-три полицая. Староста вроде бы не из ретивых, особой прыти не проявляет. Да и что ему, жить не охота, что ли? Все только вид делают, что ничего не знают. А в каждой хате по солдату. Среди них — даже земляки с Кавказа. С одним разговорился — тот ответил: «Викторя». А какой он Виктор? Энверби Хачуков из аула Псыж — часа три верхом от Эркин-Юрта.

Земляк! Только тот, кто невзгодами оторван от родной земли и потерял друзей, может понять радость такой встречи. Земляк — это человек, дышавший одним с тобой воздухом, родившийся на той же земле, по которой ходил и ты. Энверби рассказал, что у Владимира Максимовича скрывается какой-то офицер, тоже вроде с Кавказа.

Максимович — отчаянный парень. Был заместителем председателя колхоза и комсомольским секретарем. Полицаям в глаза плюет, солтус его боится больше, чем своих гитлеровских начальников. А с тем офицером, что у Володи Максимовича, можно увидеться очень просто.

Туган собрался пройти к Максимовичу, но его опе-

редили. Как-то вечером в хату Бычков зашел невысокий подтянутый человек. Вежливо поздоровался с хозяевами, тоном старшего сказал Узденову:

— Антон, выйдем покурить.

Вышли. Незнакомец отрекомендовался: лейтенант Александр Узденко. Спросил:

— Что думаешь делать, солдат?

— Сам не знаю. А что-то делать нужно. Присягу принимал и не нарушу ее.

— Нужно бить врага. Воевать нужно.

Узденко, Александр Узденко. А в действительности— старший лейтенант Азрет Узденов, однофамилец и земляк Тугана...

...Наша беседа идет в гостеприимном доме Тугана Узденова, в его родном Эркин-Юрте. Давно отгремела гроза Великой Отечественной, и ветераны не торопясь вспоминают былое.

Азрет Узденов. Неужели это он, офицер из аула Каменномост? Не может быть...

Туган Эльмурзаевич удивленно смотрел на меня: что же так взволновало собеседника?

Пропавший без вести. Трудны военные пути. В партийном архиве ЦК Компартии Белоруссии мне посчастливилось найти документы пропавшего без вести в пограничных боях коменданта 54-го укрепрайона лейтенанта Азрета Узденова. Не пропал он, а пошел в партизаны. И вот давно и хорошо знакомый мне человек говорит о своем друге и первом партизанском командире, рассказывает о том, как скрывались от гитлеровцев, как ушли в лес. Драгоценное свидетельство.

— Да, так оно и было,— подтверждает Туган Эльмурзаевич.— Александр Узденко— это и был лейтенант Азрет Дадыкович Узденов, офицер-карачаевец. Помню его хорошо. Да и как можно забыть...

В одной деревушке — три земляка: Туган Узденов, Энверби Хачуков, Азрет Узденов. Ногаец, абазинец, карачаевец. Азрет и по выправке, по речи, поведению — сразу видно — командир. Он и начал разговор в открытую:

— Нужно вооружиться — и в лес. Воевать мы обучены. Хватит на печках бока отлеживать,

— А кто против? Только не в одиночку же воевать. Нужно к партизанам пробиваться.

— В лесу быстрее найдем. Зима позади. Пора.

Может быть, и еще бы тянули время. Но Туган дал маху и оказался под замком в арестантской. Вынес черт тех полицаев. Кто да что? Привели к солтусу, тот — в холодную.

— Ну, Антон ты там или еще кто — разберемся!

Староста и сам бы рад не озлоблять народ. Гитлеровцы нажимают, требуют вылавливать окруженцев и беглецов из лагерей. Ловить есть кого. Да только куда ни кинь — один конец. Будешь ловить — свои пришибут. Не станешь ловить — немцы повесят. Вот тут и гадай, что слаще — хрен или редька.

Невеселые думы одолевали солтуса, когда к нему домой с увесистой кошелкой в руках появился Федор Прохорович Бычок. О чем уж там беседа шла, Федор Бычок не очень распространялся. Только вышел он от старосты с пустой кошелкой, а на другой день Туган объявился дома. Федор Прохорович предупредил Тугана:

— Уговорил я солтуса. Да и сало, масло, яички тоже убеждать могут. А только в другорядь попадешься — не вырвешься. И своих поостереги.

Туган задами деревни пробрался в дом Володи Максимовича, рассказал Азрету. Так и так. Отпирая «холодную», полицей напутствовал:

— Уматывай из деревни, пока цел!

— Медлить нельзя,— решил Азрет.— Завтра день на сборы, послезавтра в лес. Ты, Энверби, я и другие. Как с оружием?

— Есть автомат и 280 патронов. Сынишка хозяина Николай припрятал с прошлого года.

— Оружия у народа много. Володя мне обещал винтовку, пистолет у меня есть, у Хачукова и его дружков винтовки припрятаны. Возьмем и Фидарова. Харчей нам дадут. Послезавтра на рассвете уходим. Будь осторожней.

6 марта группа Азрета: Туган, Энверби Хачуков, Георгий Фидаров и другие двинулись к Радмянской пуще. Леса там знаменитые. Дуб, ель да сосна. А где лес, там и партизаны.

Перебрались через Неман, отыскивали заброшенный домик лесника, почистили его. Торбы набиты снедью. Рядом — богатое рыбой озеро. И никаких полицаев. Жить можно.

Отшумел весенними ветрами апрель, фиалками между корневищ столетних дубов зацвел май...

У Тугана Эльмурзаевича редкая память на числа.

— Первого мая Азрет, как и положено старшему, поздравил нас с праздником, разругал Хачукова за небритую бороду, приказал мне идти в разведку. Партизан мы искали упорно и безуспешно. А они были рядом. 5 мая к лесничеству подошел паренек в мужицкой свитке, попросил закурить. Не спеша вытянул добрую сигарку, вскользь, сидя за чисто выскобленным столом, заметил:

— А у вас порядок.

Еще помолчал. Выкинув в открытое окошко окурок, посожалел:

— Знаменитый самосад. Бычковский. Хорош табачок у дядьки Федора,— и, поднимаясь, приложил руку к щегольской кубанке.

— Товарищ лейтенант, имею распоряжение провести вашу группу к нашему командиру. Тут близко.

Да, это было 5 мая 1942 года. В партархиве Института истории при ЦК Компартии Белоруссии среди многих тысяч хранится и эта учетная карточка партизана.

«Узденев Антон Филиппович, отряд имени Калинина, партизанская бригада «Комсомолец» военно-оперативного соединения Барановичской области. В отряде с 5 мая 1942 года...»

— Ага, весеннее пополнение! — встретил их командир отряда. Вооруженные! Хорошо когда так.

В партизанском штабе прибывшие получали назначения. Азрета Узденева поставили командовать боевым отделением. К нему присматривались давно, десять раз проверили. Знали, что достоин. И доверили максимум того, что могли: группу воинов-белорусов. Фидарова назначили командиром взвода снабжения и заготовок оружия. Дело шло быстро — отряду нужны были люди. Оставался один Туган.

— Посылайте бойцом, — попросился он, — дело знакомое!

— Нет, брат. На тебя у меня думка особая, — оставил его командир. — В буденновцы пойдешь?

— Куда? — оторопел Туган. — А где они, буденновцы?

— Как где? Да рядом! — засмеялся командир и пояснил:

— Нам конная разведка вот как нужна! Кони есть хорошие, народу тоже хватает. Вот и создавай буденновскую конницу.

Какой ногаец откажется от коня? На конских спинах вырастали. Когда призывали в армию, как один просились в кавалерию.

Далеко, оказалось, видел партизанский командир, позже выяснилось, и сам он бывший конармеец.

— Мало пришлось побыть вместе с ним, — сожалеет Туган Узденов. — Это его трудами все отряды партизанской бригады имени Сталина, а по нашему примеру и другие бригады Барановичского подпольного обкома партии обзавелись конными группами. Вели разведку, действовали нарочными, обходными дорогами опережали ползущие колонны гитлеровцев и засадами перекрывали их, налетали на фашистские гарнизоны.

Отряд был крепким — до 500 бойцов. В их числе — свыше сотни конников. Командовать ими стал опытный кавалерист лейтенант Татарко. Его партизан не спутаешь с другими. Кубанка, пересеченная алой лентой, гимнастерка, плотно облегающая плечи, затянутая ремнем на последнюю возможность, сапоги с блеском, башлык.

Оно, конечно, интендантской службой партизан больше ведали бабки да солдатки из деревень. У кого и штаны из домотканого рядна, у кого шапка сама на себя не похожа, башлыки желто-бурые, луковой шелухой крашенные. Но ведь и штатский пиджак можно носить по-разному.

— Главное — вид. Подтянут, все по тебе — орлом смотришь, и тебе удобнее, и людям хорошо, и в бою способнее! — так учил Татарко своих кавалеристов.

В боях и походах не заметили ни лета, ни осени. Празднуя 25-ю годовщину Октября, подвели партизанские итоги. До тысячи уничтоженных фашистов, сотни захваченных винтовок, и в тылу врага — немалый край, где гитлеровцами и не пахнет, а всеми делами ведает Советская власть.

— Прощаться приходится, отделенный! — так в один из дней вместо обычного приветствия встретил Тугана командир эскадрона. — Формируется по соседству новая бригада. Туда и пойдешь. А с тобой Максимович, Хачуков, Мартиневский, ну, и еще кое-кто. Жалко расставаться, но сам знаешь — служба.

— Сержант Узденов прибыл в ваше распоряжение для дальнейшего прохождения службы! — доложил Туган командиру партизанского отряда имени Калинина Петру Герасимовичу. Отряд базировался в Мирском районе Барановичской области, а на операции ходил и в Минскую и в Гродненскую области. Действовали и своим соединением и совместно с другими.

И в новом отряде Туган остался буденновцем. Получил отделение конников. Форма, хотя дело не только в ней, многое значит. Командир отряда завел ее по примеру соседей. А ко всему этому регулярные учения по рубке лозы и джигитовке.

Посмеиваясь, растолковывал:

— Занятия для того, чтобы при встрече с регулярной конницей за партизан краснеть не пришлось.

Ему и не приходилось краснеть.

На самые лихие дела, в огонь шел сводный партизанский эскадрон бригады. Три сотни конников. Их вел кавалерийский лейтенант по фамилии, словно подобранной для этого дела — Шашкин. На учениях рванет клинок из ножен, занесет его над головой — и летит к прутикам с рукой, налитой пудовой тяжестью. Клинок молнией сверкает. Чуть постояв, вроде бы бритвой срезанные верхушки прутьев оседают на землю.

В один из налетов партизанской конницы лейтенант смаху рубанул убегающего немца-жандарма. Полицей-немец еще бежал, а клинок лейтенанта сбросил с него голову и правое плечо вместе с рукой. Века боев закрепили за русской конницей страшную для врагов славу. Красные кавалеристы не уступали в силе удара легендарным предкам.

Разведка — как уж она это разузнала? — доложила:

— По участку Барановичи — Минск к фронту пройдет эшелон с живой силой врага. Паровоз и десять вагонов.

Времени оставалось в обрез. Кто поспеет? Командир отряда разложил на столе километровку, приказал Узденову:

— Обходными дорогами вот здесь и здесь. Тут большаком проскочите, а вот здесь минируете и без горячки — эшелон в небо.

Конники на рысях выскочили к дороге. Сгрузили заранее начиненную «мопеду» — мину-самodelку. Тугану Узденову искусству минера не обучаться. Кони в лесу, дозорные по сторонам. А сам он и его помощники расковыряли полотно железной дороги, подложили «мопеду» под шпалу, аккуратно присыпали песком и галькой. Так спрятали, и сам не сразу отыщешь.

Натагнули шнур, укрылись в кустарниках, лежат. Ждать — дело не из приятных. Но вот загудела земля. Несется, постукивает колесами, эшелон. И только паровоз проскочил, сработала «мопеда». Так грохнуло, что кое-кто из партизан долго потом уши прочищал. На земле не улежали — поотшвыривало в стороны. Переборщили с «мопедой».

Паровоз подбросило, и так, с крутящимися колесами — под насыпь.

Пересчитав разбитые вагоны — а сколько их было, девять или десять, так и не смогли установить, слишком уж крутой оказалась каша из железа и щепок — партизаны по коням — и на базу. Туган доложил командиру, тот головой только покрутил:

— Быстро управились. Сказано — конница!

В местечке Рубежовичи полицаи терроризировали людей. Мало того, что пьянствуют за счет жителей и грабят их, начали партизанские семьи забирать, насильничать.

— Надо проучить мерзавцев, — решил командир отряда, — да так, чтобы и другие задумались.

Сделать это не просто. Гарнизон прикрыт постами.

По тревоге полицаи, хоть они и липовые вояки, а к обороне успеют подготовиться. Казарма в школе, стены из кирпича. Брать казарму — это долго, да и кровь лить зря — не дело. Надо по-другому...

И вот вечером, когда по местечку еще и свет в домах не погас, на пост с сигарками в зубах конь о конь скачут двое. Громко переговариваются, хохочут. Видно — подвыпили.

Постовой не спеша выходит к шлагбауму.

— Кто? Пропуск!..

И тут один из всадников бросает коня через шлагбаум прямо на постового. Тот и ойкнуть не успел — оказался под копытами. Шлагбаум открыт, и по улице лавой несется партизанский эскадрон. Казарма полицаев захвачена с ходу. Полсотни винтовок, два пулемета стоят в пирамиде. Полицай-дневальный валяется рядом. Разбежавшихся безоружных полицаев хватают на улицах, по домам.

...Партизанская летняя ночь. Лагерь спит, охраняемый часовыми и засадами. Покачиваясь от утреннего ветерка, негромко шумят сосны.

Перед штабным шалашом со взмыленного коня прыгает всадник, трясет командира, торопясь докладывать:

— Из района до сотни гитлеровцев телегами выезжали в Загорье!.. Каратели!

Звонко поет кавалерийская труба. Пять минут — и эскадрон во взводных колоннах.

— Рысью, марш-марш!

Тарахтят по выбоинам телеги с фашистами, а наперез им конная лава. Эскадронный привстал на стременах, растягивая слова, в такт бешеному аллюру пропел-проревел:

— Эскад-рон, шашки к бою! Р-руби-и-и!

Гитлеровцы вразной палат — куда там! Ощерившаяся оскаленными, дико ржущими лошадиными мордами, налетает партизанская конница. Бросая винтовки, каратели зайцами прыскают от дороги в кусты. По густым зарослям словно ветер пронесся. Кто ушел — его счастье. Конники пучками травы отирают клинки. Туган со своим взводом — так ему приказано — собирает брошенное гитлеровцами оружие, грузит его на телеги. Обросший длинным обозом партизанский эскадрон шагом уходит на базу.

Встает солнце, лес звенит птичьим свистом, вспыхивает зеленым серебром. Росисто. Освеженный ночью воздух прохладен и ароматен. Хочешь не хочешь, а дышится полной грудью.

Эскадронный полуоборачивается в седле, властно бросает за спину:

— Песню!

Запевала, поймав такт, чисто и озорно заводит:

Мы красная кавалерия. и про нас
Былинники речистые ведут рассказ:
О том, как в ночи ясные,
О том, как в дни ненастные
Мы смело и гордо в бой идем!

Песня, не улетая, вьется над эскадроном. Доносится до партизанского лагеря. Там знают: возвращаются конники с буденновским маршем — значит выдали недругам на совесть.

В служебной характеристике на сержанта Тугана Эльмурзаевича Узденова (он числится во всех документах Антоном Филипповичем) записано:

«С 5 мая командир конного отделения партизанского отряда имени Сталина действовал в Ивенецком районе Минской области. С ноября 1942 года по 15 августа 1943 года — командир конного отделения и с 15 августа

1943 года по 11 июля 1944 года — командир конного взвода отряда имени Калинина, действовавшего в Мирском районе Барановичской области.

На счету совместно с товарищами имеет: два вражеских эшелона (пушенных под откос) — один с живой силой противника, второй — паровоз и 6 платформ с боевой техникой. Участвовал в разгромах гарнизонов Рубежовичи, Налибоки, Хатова, Уша, Загорье, Новогорки — Люблино. В операции «Партизанский концерт» участвовал в уничтожении 360 рельсов, подорвал вражескую автомашину.

При отступлении немцев активно участвовал в разгроме разрозненных вражеских подразделений».

С одной такой группой, уходившей на 12-ти грузовиках-фургонах, конный взвод Тугана столкнулся на шоссе Столбцы — Новогрудок в начале июля.

...Туган и комиссар отряда Нестеренко, покачиваясь в седлах, ведут неторопливую беседу о том, что конец войне не за горами и что в разоренной врагом Белоруссии дел ох, как много. За их спинами 28 конников. Взвод с двумя пулеметами, десятком своих и трофейных автоматов, скорострельными винтовками.

Июль жаркий, но рядом лес — воздух чист и прохладен.

Бешеным аллюром подлетают разведчики:

— Навстречу идет колонна автомашин. Немцы!

Нестеренко чертыхается:

— Откуда они взялись?

И действительно, откуда? Дорога перекрыта партизанскими засадами и заставами. Как немцы проскочили? Тоже, наверное, научились проселочными дорогами ходить.

Времени на долгие раздумья нет. Узденов делит взвод пополам. Сам с группой — на одну сторону доро-

ги, Нестеренко со второй половиной — на другую. Кони отведены в глубь леса.

Колонна идет ходко. Это хорошо. Немцам труднее будет тормозить и разворачиваться.

Партизаны открывают перекрестный огонь. Бьют зажигательными и бронебойными, стопорят колонну, глушат передний грузовик гранатами. На шоссе гул моторов, всплески пламени, клубы дыма.

— Бой был какой-то непонятный, — пожимает плечами Туган. — Мы бьем, не щадя патронов, а противник только отстреливается. Может, кто из немцев и смог убежать — лес рядом, а когда дым рассеялся, двенадцать грузовиков так и остались на месте, а около них мы насчитали более восьмидесяти трупов. Один офицер, как сейчас вижу, лежит в кювете, засунул ствол пистолета в рот, полчерепа снес сам себе. А у нас потеря было — один раненый партизан. Видел я, как воевали немцы в 1941 году, а тут даже странно стало: неужели это одна и та же армия?

Ничего похожего нет.

Тогда на Буге мой друг, командир станкового пулемета Амирби Булкаев, один отбивался от десятка врагов, был весь окровавлен, но до последнего патрона держал немцев, у пулемета и остался.

Азрет Узденов от ран не оправился. А еще зимой 1941 года уговаривал нас уходить в лес. И увел. Разошлись наши пути, когда меня перевели в отряд имени Калинина. Слышал я, что Азрет командовал взводом, был еще раз тяжело ранен, попал в партизанский госпиталь и во время блокады вместе с другими ранеными был уничтожен оккупантами. Жаль его. Смелый и верный был человек. Не видел я последних минут Азрета, но уверен, что погиб он, как и положено воину, в бою.

Гибли и другие наши товарищи, но всегда дрались до последнего патрона, до последней капли крови, доро-

го отдавали свои жизни. И немцы не слабые солдаты. В 42-м и 43-м крепко и нам доставалось. А летом 1944 года в Белоруссии наш эскадрон громил вражеские батальоны. Горьким стал фашистам воздух Белоруссии.

Туган Эльмурзаевич замолкает.

— Ну, а партизанские побратимы в Белоруссии остались?

— Еще сколько! Мы из деревни первыми ушли в лес. За нами следом в отряд пришли Володя Максимович, Иван Мартиневский, родичи Бычков — семья Хиневичей: отец, два сына и дочь Ольга. А потом я сразу целую группу более 20 человек увел в партизаны. Поехали люди вроде бы лес заготавливать, да так в лесу и остались. Провели полицаев. А прогнали немца, вернулись.

Нас, военных, вызвали в штаб и кого куда. Многие попали в армию добивать гитлеровцев. А мне вручили партизанскую медаль, поздравили и говорят:

— А теперь, казак, давай в конную милицию. Дело это важное, прямо скажем, трудное.

Что же, если надо, значит, надо!

Сменил я партизанскую форму на милицейскую, и снова в седло. Так в милиции и остался. В 1948 году был награжден орденом Отечественной войны второй степени. Потом уже попросил, чтобы меня перевели служить на родину. Отслужил 20 лет, сейчас на пенсии.

В комнату заходит женщина, жена Тугана Эльмурзаевича. Мы знакомимся. Я спрашиваю:

— А как поживает семья Бычков?

Туган Эльмурзаевич усмешливо обращается к жене:

— Соня, расскажи об отце, матери.

— Отец прожил 70 лет. Умер в 1951 году, когда мы уже поженились. Жаль нам было отца, да что поделать — годы. Брат Коля тракторист, сестра Евгения тоже работает в колхозе. Мать живет с ними, а я вот с мужем уехала на Кавказ.

— Хороший человек был отец,— вступает в беседу Туган Эльмурзаевич.— Служил я в районе. От деревни недалеко. Да и конь у меня резвый. Закончу дела — и к Федору Прохоровичу. Все с Соней переглядываемся. Закончилась война, я и говорю Прохоровичу:

— Отдайте за меня Соню. И Соня согласна. Призalas бы раньше, да война шла.

— А ты у нас как сын,— отвечает Федор Прохорович.— Не ошиблись мы в тебе. Совет да любовь вам, дети. Послушных дочерей да сынов-помощников!

Отпраздновали мы свадьбу. А насчет внуков дед нагадал точно. У нас с Соней четверо ребят. Растут дружно. Мы с женой иногда посмеиваемся: я ногаец, Соня белоруска, а дети кто в ногойца, кто в белоруса. И ногойский язык им родной, и русский, и белорусский. Да оно и неудивительно. Ведь для меня и Федор Прохорович был родным отцом, а его сын Николай стал братом. Белорусы со многими в войну породнились.

— Приехали мы с женой в наш аул,— говорит Туган Эльмурзаевич.— Только расцеловались, только белорусскую невестку мать к сердцу прижала, а в дверях Абдулла Еслемесов. Друг, с которым мост в Буг опрокидывал. Сгреб он нас в охапку. Вижу, слезы вытирает. И у меня самого лицо мокрое. А Соня у моего плеча рядом всхлипывает. Абдулла, оказывается, партизанил по соседству, в Брестской области. Свидетель с побратимом пришел в солдатском отличии — на гимнастерке орден Красного Знамени, начищенные до солнечного блеска военные медали.

Как же тут не погордиться, не чокнуться стаканами! ...В ногойском ауле Эркин-Юрт — он около станицы Ураковской — среди многих счастливых есть семья Узденовых. Дружная советская семья.



**ВСТРЕЧА
С ПАРТИЗАНСКОЙ
БЫЛЬЮ**

В ЛЕСАХ БЕЛОРУССИИ

Усакинские леса, Ивенецко-Налибокская пуша, небольшие, деревеньки, в памятном гитлеровцам районе Ушачи — Лепель — Толочин — Борисов. Десятки партизанских отрядов и бригад в этих вот и других местностях Белоруссии собирали силы, вооружались, а затем создавали и охраняли освобожденные от врага зоны — партизанские края, ходили в рейды по тылам врага, пробивались сквозь стальные кольца вражеских блокад.

Исписав выдержками из документов партизанского архива стопу тонких и толстых тетрадей, перечитав все, что удалось найти из книг о белорусских партизанах, приходится признаться самому себе — сделана только часть работы.

В партархиве Института истории партии ЦК КП Белоруссии внимательный и доброжелательный народ. Им ли не представлять объем и сложность документированного труда о белорусских партизанах!

— Какие бригады или военно-оперативные соединения интересуют вас в первую очередь?

Называю части.

— Тогда записывайте фамилии и адреса партизанских ветеранов...

Мои блокноты пополняются новыми именами и фамилиями.

...Иван Николаевич Казак, ныне майор запаса, работник одного из автохозяйств белорусской столицы — Минска.

В те огненные годы Иван Казак был одним из организаторов и комиссаром партизанской бригады «За Советскую Беларусь». Теперь ему за пятьдесят. В это трудно поверить. Партизанский комиссар энергичен, крепок. Он любит шутку и сам за словом в карман не лезет.

Мы засиживаемся далеко за полночь. У майора запаса свой архив и такой, что ему обрадовался бы любой музей. Документы, фотографии, письма, памятные вещи тех далеких лет.

Рассказываю Ивану Николаевичу о затруднениях в работе. Барановичской области, в которой формировались интересующие меня партизанские бригады «Комсомолец», «За Советскую Беларусь», имени Чкалова, имени Дзержинского, имени Сталина,— ныне нет. Северные районы этой области вошли в Минскую, южные — в Брестскую. Объясняю ему:

— У меня всего неделя. В Брест съездить уже не успею. А вообще-то хочется хотя бы какое-то впечатление получить о подступах к Ивенецко-Налибокской пуше...

— Вас, насколько я понял, интересуют места, где зарождались и воевали партизанские отряды, обстановка, люди. Тогда прямой путь в Воложин. Времени у вас, я вижу, немного, а Воложин недалеко. Оттуда постарайтесь добраться поближе к Ивенецкой пуше. Ну, хотя бы в Сазоновщину. Секретарь Воложинского исполкома Троман был начальником штаба нашей бригады, да и председатель райисполкома Савельев задушевный человек — тоже из партизан. Отыщите Антона Шнипа. Это живая история партизанского района. Они вам помогут от души. Я позвоню.— Партизанский комиссар хитровато улыбается и добавляет:— А время сейчас подходящее. Февраль. К тому же Воложинский район в те годы был Барановичской областью, партизанскими делами не обижен. Да и где в Белоруссии их не было. Немцев били повсюду. А вы и белорусскую зиму увидите и впечатлений наберетесь.

Эту хитрую комиссарскую улыбку я потом вспоминал.

Председатель Воложинского райисполкома Василий

Тихонович Савельев радушен. Дел у него, видно, невпро-
ворот, но он находит время для обстоятельной беседы.

— Хотите попасть в Сазоновщину? Рядом она...
Съездить вам туда, я и сам думаю, нужно. Значит, се-
годня и поедем. Мне в колхозе «Красная гвардия» пар-
тийное собрание проводить. Оттуда до деревни версты
три. Только одевайтесь потеплее. Февраль у нас снеж-
ный.

— Иван Григорьевич! — председатель райисполкома
обращается к Ивану Григорьевичу Троману. — Ты, дру-
же, пригласи на беседу Антона Шнипа к товарищу, а
после обеда мы и тронемся...

Исполкомовский «газик» шустро бежит по большаку.
Видно, недавно прошел грейдер. По обе стороны бу-
лыжного шоссе снежные, в рост человека, валы. Свер-
нули на проселок и стали пробиваться по траншее, где
снег чистили, но до земли так и не добрались. «Газик»
то заваливается набок, то садится на дифер. Шофер не
столько сидит за рулем, сколько орудует саперной, вид-
но, от войны оставшейся, лопаткой. Мы вдвоем с пред-
седателем тоже жмем на машину плечами, то в подо-
зрительных местах бегом толкаем ее, добавляя к лоша-
диным силам мотора свои две человеческие. Пыхтим и
отдуваемся.

— Вот это и есть партизанский край, куда гитлеров-
цы, если и совались, так только во время карательных
экспедиций, — говорит Василий Тихонович. — А вот там
знаменитая Ивенецкая пуша. Могучие леса, страшные
болота. Партизанская лесная крепость.

У правления колхоза «Красная гвардия» с неутоми-
мым «газиком» приходится расстаться. До Сазоновщины
напрямую верст пять. Но это сверкающая ослепительной
белизной целина с полуметровым ковром снега. Не прой-
дет и трактор. Дальше держим путь на легоньких сан-
ках. Но и это не такой уж хороший выход. Конь то и

дело по живот вязнет на все четыре ноги и начинает скакать наподобие кенгуру, высоко взбрасывая передние ноги. Санки мотает словно игрушечные. В них двое: я и колхозник из «Красной гвардии». Он, видимо, из молчунов. На вопросы отвечает кратко, двумя-тремя словами. Да и какой может быть разговор, если нельзя открыть рот — зубы от этих прыжков так и ляскают. Мы стукаемся головами, вылетаем из санок и тонем в снегу. Ч-черт! — невольно вспоминается хитровато-добродушная улыбка партизанского комиссара. Сказочные здесь снега. Метровые, легкие, пушистые. А под ними талая вода. Ледяная. Но партизаны в неблизкие свои рейды часто ходили и такую вот целиной. Ох и доставалось же им!

— А чего там доставалось? — отряхиваясь от снега, равнодушно говорит мой спутник. — Передние тропу торят. Умаются — их заменяют. Только в туфлях и ботиночках тут и сейчас не ходят. Сапоги нужны, хорошие сапоги, да к ним шерстяная портяночка. Нога-то словно у Христа за пазухой.

— Вы тоже в партизанах были?

— А кто тут не воевал? Местность наша так и называлась — партизанский край.

Заходим в крайнюю хату обогреться. Нас встречает ее хозяин Викентий Степанович Зенько. Может, тот самый? Но в деревне эта фамилия у десятка семей. Мой провожатый (он из другой деревни) не знает, где кто живет. Да и сам я толком не могу сказать, кто мне нужен. Кто-то из родственников Филиппа Зенько. Он убит бандитами летом 1945 года. И после войны партизанская кровь лилась.

— Филипп... — Хозяин хаты раздумывает, вертит сигарку, закуривает, предлагает кисет нам. — Брат он мне, Филипп. Родной брат. В сорок пятом бандиты убили. Не довелось ему пожить-порадоваться... — И снова мол-

чание да клубы крепчайшего самосада по горнице. По-немногу завязывается беседа.

— Пуща у нас под боком. До шляха верст двадцать, до чугулки — кладь полсотни. А версты наши длинные, что зимой, что весной, что осенью — нескоро и до шоссе доберешься. Глухомань, одно слово. И немец не очень попервах в наши деревни лез. А вот червоноармейцы, те брели непрерывно: кто пораненный, другой и целый, да от своей части отбился.

Как-то в сенокос брат привел ко мне одного такого заросшего, перевязанного рыжими от крови тряпками.

Филипп с женой Юзефой полянку обкашивал. А тот из леса вышел. Идет, шатается. В рванье весь, кожа да кости. Это я потом рассмотрел, когда Филипп его ко мне в дом привел. Юзефа осталась сено сгребать, а Филипп задами привел того солдата ко мне. Хата моя, сами видите, крайняя.

Вскипятила моя Степанида два ведра воды, корыто принесла. А я того солдата ножницами как мог обстриг, бритву ему свою дал. Помылся солдат, дал я ему одежду, белье, покормили его и отправили на сеновал спать. Проспал он две или три солдатских нормы, а Филипп уже распланировал, что и как. Государственный человек был Филипп. Грамотный. Еще при панах то в Воложин, то в Раков ездил. С подпольными друзьями советовался. Когда появились немцы, Филипп затаился. При Советской власти он активистом был. Я так и думал: схватят его гитлеры. Обошлось. У нас в пуще люди друг за дружку крепко постоять умеют.

А Филипп свою линию гнет. Всю нашу округу обшел, с людьми разговаривал. Врача одного, еврея Арона, на дальнем хуторе спрятал. Раненых к нему солдат посылал. На том хуторке целый госпиталь образовался. Оружие повсюду собирал. Уже потом, когда швабов из Белоруссии вышибли, узнал я, что брат по заданию

подпольного райкома работал. Народ он агитировал и открытую. Конечно, знал, кого к партийному делу привлекать. Речи такие были:

— Вернется Червонная Армия, и от фашистов духа не останется. Помогать надо. Бить германа, пока он нас самих предавать не успел.

Спросят его, а как помогать-то Червонной Армии? И на это у Филиппа ответ прямой. А так, говорит: собирайте оружие и патроны, выхаживайте раненых, прячьте окруженцев. Они бою обучены, что у них нужно, перейдем, с ними и на фашистов навалимся.

Народ опасается. У немцев и танки, и самолеты. А наши где сейчас? Немец, мол, за Смоленск вырвался. Филипп, не горячась, толкует-разъясняет. Оно, конечно, фашист тоже не мешком из-за угла прибитый. А супротив России он куда послабее. У русских сила бездонная. Пойдут сокрушать — герману солоно придется. А в беде Россия своих братьев не оставит. Люди долго толкуют с Филиппом и уходят с нелегкой думой. Под немцем не жизнь, а кровавое мучение, но и головы свои терять, семьи под фашистский топор ставить так сразу тоже никому не охота. Так вот и живем, с часу на час ожидая немецкого грабежа или убийства. Филипп свою линию гнет каждодневно. И народ все дружнее и дружнее становится.

У нас на что деревенька малая, домов с тридцать было, а затаившихся червонноармейцев и в ней хватало. А по округе и не сосчитать. Мой постоялец чуть покрепче, еще и бинтов не снимал, а тоже то к Филиппу, то в соседние хутора, а то и подальше куда. Да и к нему то один, то другой, вроде бы земляки навещают. Спрашивают: Сулико дома? Нашего жильца вся деревня звала «Сулико». Уж очень душевно он эту песню спивал. Кто он по национальности, я и сейчас не знаю. А земляки у него оказывались то москвичи, то киевляне, а в

другой раз плечистые сибирские парни. Мы со Степанидой сразу поняли, что они все солдаты. Да и догадываться было нечего. А виду не показываем. Помогаем чем можем.

Прожил у нас Сулико месяц, от силы полтора, и, ни слова не сказав, исчез. С нами он вроде и не таился, но и не откровенничал. Все больше с Филиппом. Да и от соседей тоже неизвестно куда поуходили их постояльцы. А в волости старосту — солтуса и двух полицейев пристукнули. Изверги те полицаи были невозможные.

Примерно через полгода заявляется наш Сулико. Партизанский командир. В нашей округе его многие помнят. Он потом партизанским отрядом командовал. А немцев у себя мы почти и не видели. Наезжали какие-то летом 1941 года, два раза каратели приходили, но их быстро партизаны вышибли.

Сулико. После гибели командира 121-го полка народных мстителей капитана Османа Касаева его воины сложили песню о легендарном партизане-герое и распевали ее на мотив Сулико:

По глухим безмолвным лесам
Я могилу Османа искал,
Но ее найти нелегко —
Знать, зарыт Осман глубоко.

Может быть, есть какая-то связь между этой деревушкой и нашим славным земляком — Героем Советского Союза Османом Касаевым. Но Осман действовал в Могилевской области и скрывался до ухода в партизаны в семье Феклы Наумович в деревне Угольщина. Это, похоже, не он. Впрочем, выяснить будет нетрудно, если Сулико — один из первых партизан, да к тому же и командир. Иван Николаевич Казак либо в памяти, либо в своем архиве найдет ответ на вопрос о том, кто это... А возвращаться мне все равно через Минск.

Прощаемся с семьей Викентия Степановича Зенько, пришедшими на «огонек» — в феврале темнеет быстро — его соседями. Наученные горьким опытом, едем не целиной, а торной дорогой, она хотя вдвое длинней, но это та же слегка наезженная целина. Перед правлением колхоза переезжаем широкий ручей, и нас окатывает талой водой. Ручей течет по снегу, снег оседает, и мы не то едем, не то плывем. Исполкомовский «газик» наготове и на буксире у трактора доходит до шоссе.

Тут и до Воложина, как говорится, рукой подать. На булыжнике трясет здорово, но с тем, что осталось позади, и сравнить нельзя, а тряска только бодрости прибавляет. Я посматриваю на часы. Как бы не опоздать. В девять вечера в Воложине еще одна встреча — с Антоном Шнипом.

Мне уже довелось до этого повстречаться со многими бывалыми людьми в Минске, Могилеве, Молодечно, Ракове. Записями покрыты многие страницы. Но эта встреча и рассказ Антона Шнипа врезались в память.

Февраль и ручейками журчит и морозами закручивает. К ночи похолодало, и, торопясь в гостиницу, я слышу, как под ногами похрустывают корки снега и звонкие льдинки, часа три назад бывшие лужицами. Мороз хватает за уши, обжигает щеки. Антон Иосипович уже пришел. Мы греемся круто заваренным обжигающим чаем. Голос у Антона Иосиповича негромкий, раздумчивый. Фразы ясны и кратки. Вот что он рассказал.

ВРАГ ВТОРГСЯ

...Страшный это был вторник — 24 июня 1941 года. Солнечный полдень. Знали — третий день война, и напали опять они, проклятые германы. Гром не утихает ни днем, ни ночью. Это наши братья бьются смертным

боем на омытой кровью земле Западной Белоруссии. До 1939 года мы были под властью панской Польши...

Бои еще силу набирали. На западе гремело все громче, и чувствовалось — война приближается. А в тот вторник отец Антона — тогда еще мальчонки — колхозный бригадир Иосип Адамович Шнип прибежал до дому, отер мокрое от пота лицо, выдохнул:

— Немцы идут. Утекать треба. Согнули наших!..

Деревня Пугачи по тревоге грузилась на подводы. Из соседней деревни Сосновки, взмылив коня, примчался востовой колхозного председателя.

— Председатель распорядился разгружать подводы, прятать добро поглубже. Тикать некуда. Собирать сброю (оружие), не показывать виду, фашистов глушить тихо. — И ускакал.

Было тяжело и тревожно. Ветры несли не прохладу лесную, как к тому привыкли, а бензиновую гарь, какой-то густой непонятный смрад. Побурело летнее, нежного голубого атласа небо...

На границе продолжали бить пушки, жестокие бои завязывались в перелесках; у развилок дорог, отходящие части русских бросались в штыковые атаки, опрокидывая врага. Самолеты с красными звездами летали куда-то на запад, и тогда неподалеку тяжело ухало и поднималась гулкая пальба зенитных скорострелок. Один из краснозвездных бомбардировщиков, возвращаясь, прошел высоко над Пугачами ослепительной точкой. Думали — солнечные лучи блещут на серебристом металле, но вскоре за самолетом потянулся туманный след.

— Горит, мамочки, ой, горит! — крикнул Антон друзьям-мальчишкам. — Бежим парашютистов выручать. Они сейчас прыгать будут!

Но горящий самолет, не теряя высоты, на прежней скорости шел в сторону Радошковицей. А вскоре донесся

тяжелый, качнувший землю взрыв, за ним другие, послабее.

Не знали люди окрестных деревень, наблюдавшие за самолетом-факелом, что они являются свидетелями великого подвига, обессмертившего имя их земляка капитана Николая Гастелло и его товарищей-героев. Тяжелой огненной стрелой бомбардировщик Гастелло ударил в скопище фашистских танков и бензоцистерн. Пламя широко взметнуло свои огненные крылья.

Это произошло на пятый день войны 26 июня 1941 года.

— Немцы шли тучами,— продолжает рассказ Антон Иосипович,— и все машинами, машинами. Танки, тягачи с орудиями, открытые грузовики, машины-фургоны. Я и не думал, что такая уйма техники может появиться.

Едет и едет немец, а земля все гудит и вздрагивает. Где-то поблизости воюет Красная Армия, и поняли мы — плохо нашему войску. В окружении сражается, припас огневой идет к концу, хлеба тоже нет. Верх берет немец.

Спросил я у бати: как же мы теперь? Ведь фашист нас сничтожит до корня!

Батя мне, как ровне, отвечает:

— Плохо нам будет, сынка, а такого, чтоб русские на выручку братьям не пришли, еще не было. Фашист — он зверюга хитрая, а наш брат, русский, и медведя на рогатину берет.

Негромко и сдержанно о тех, что горше полыни, днях повествует Антон Шнип, белорусский партизан, ставший им еще до того, как научился девчонкам подмигивать. Так же негромко о кровавом разгуле гитлеровцев и удивительной самоотверженности пограничного народа-воина рассказывали земляки этого белорусского партизана из деревень и хуторов Воложинского района Минской области.

Железная выдержка у белорусов — народа, столе-

тиями первым встречавшего врага, пролившего потоки своей крови, не согнувшегося, гордого и мужественного брата Великой Руси. И о себе белорусы говорят: «Мы — русские».

Раскаленными жерновами ложилось на сердца людей фашистское удушьё.

Антон Иосипович Шнип горько и сдержанно вспоминает:

— Зверствуют гитлеры. Советскую активистку, батину сестру, Агафью Адамовну 25 июня расстреляли. В Сосновке схватили нашего колхозного председателя. Рак ему была честная фамилия, повели его, он коммунист, член нашей большевистской партии Белоруссии. За председателем — толпа, выручить хотят. Крикнул он — уходите по хатам, и кулаком конвойного фашиста в зубы. Сбил одного, тот орет, подняться не может. С трех автоматов нашего председателя изрезали и раскровянили. Место, где убили его, мы помним, и дети наши не забудут.

Был у нас такой дядька Леон Чучвал. Дочку свою Зину просватал за сельповского председателя. Ушел тот председатель, и дядька Леон помог ему. Фашисты-собаки в нашем сельпо одни пустые ящики в трофеи захватили.

Зина красивой, веселой была. Немцы и Зину, и дядьку Леона, и сына его, мальчонку — всех, всю семью побили. Дядька Леон дочь и сынишку за руки держит.

«Простите,— говорит,— горькие мои детыньки за раннюю смерть. Эту псину еще не так наши русские смордуют!» Постреляли их...

Врач у нас был Баткис. Хороший врач. Ночь темная или метель злая — у кого горе — к нему. Берет он свой чемоданчик. «Пошли»,— говорит. И за руку держится. Невозможно близоруким был. И когда немцы ворвались, работал в больнице. Колхозный председатель успел рас-

порядиться — увели нашего врача Баткиса в лесной хутор. А у доктора нашего жена и двое детишек Ада и Янек — малыши. Играли они на улице. Народ спрятал детишек. Мамка выскочила на улицу искать малышат, навстречу ей двое немцев, вроде молодые и не злые, схватили ее, хохочут.

— Юде? Ротен юде? — один шваб ногой пхнул, она упала, другой что-то по-немецки спросил. Жена Арона Баткиса ответила: она в школе немецкому языку нас учила. Второй немец автомат с шеи сдернул.

— На моих глазах это произошло. — Антон Шнип медленно разглаживает складку на скатерти столика в небогатой районной гостинице, продолжает: — Крикнул я, хотел помочь учительке своей, герман меня пинком отбросил, а по учительке весь заряд из автомата. А она руками намокшую кровью пыль к себе гребет, стонет: «Арон, спаси деток наших... Аду, Янека сбереги». Янек, это по-русскому Ваня...

Дядя Арон Баткис по местам боев все ходил. Нашим солдатам медицину оказывал. И я ему помогал и мужики постарше. Подбирали мы раненых — и в дальние хутора. Солдат наших дядя Арон от гибели спас — считать не могу. А потом партизанским доктором стал. Поймали его фашисты, когда он лекарства доставал. Арон Баткис с пистолета двух немцев наповал, и себе в сердце:

— Радуйтесь, если сумеете!

Этого я не видел. Люди рассказывали, как умер наш врач Арон Баткис. А детишек мы сберегли...

Антон Иосипович Шнип, — мы в городе Воложине встретились в феврале 1966 года, ему было где-то под сорок, — худощавый, невысокий, с очень чистым и ласковым лицом, вдруг осветился улыбкой.

— Аду и Янека я вывозил в большущей бочке. В деревне и полицаев и другой подлости развелось. По-

наехала та дрянь. Надо было спасать детишек. Соломой сверху присыпали малышей. Сказали им — молчите. Молчат бедолаги. Малыши, а поняли. Так я их и вывез. За околицей партизан меня встретил. Солидный такой. И в возрасте. «Ожидай», — говорит. Я подождал. Пригоняет он телегу уже без бочки. Я потрусил домой.

Слышал потом, что Аду и Янека в Москву отправили. Там у них дядя нашелся. Может быть, и фамилии они своей не помнят, выросли, и им боятся правду сказать о гибели отца и матери. Отец их Арон Баткис и мамка Ады и Янека честными и родными нам были людьми. Если Аду и Янека заинтересует, как я их вез в бочке, пусть напишут мне: город Воложин, Советская улица, дом 53, Антону Иосиповичу Шнипу. Я им отвечу и расскажу все, что помню о матери ихней, убитой на моих глазах, и об отце — нашем докторе Ароне Баткисе. Мне тогда было лет четырнадцать. Мальчишки — народ шустрый, то, что видели, не забывают, а по непоседливости своей в детстве видеть приходится всякое.

Антон Иосипович, похоже, не отвечает на вопросы издалека прибывшего человека, а перебирает в памяти те далекие годы.

— Сколько у нас ушло в партизаны? В нашей деревне Пугачи Залесского сельсовета было дворов 65—70. Деревеньки у нас небольшие. Из нашей деревни в лес ушло мужиков целый взвод, парней и девчат десятка три, ну, а деды и бабки разведку вели, провиант готовили. Полицаев к нам присылали чужих. И начальство тоже. Был, помню, такой капитан старой польской армии Зачинский, из Кракова, кажется. Русский язык знал, немецкий и свой, польский. Старшим полицаем и переводчиком был. Свиристствовал. В 45-м партизаны постановили убрать его. Убрали.

Вражеские гарнизоны появились в соседних городках Ракове, Молодечно. У нас в Воложине тех супостатов

было много. Больше чем полторы тысячи. Сам считал.

Нам, парнишкам, в партизанах оружие не давали. Мало его было. А дела посильные поручали. Разведку там вести, патроны собирать или покупать на базаре. А на базаре патронами торговали, как морковкой. Патрон — пятерка на военные советские деньги. Бывало, и патроны покупали. А больше фашистов считали и докладывали, какие они. А гитлеровцы разносортные были. Эсэсовцы — те в черном, на рукаве красная повязка, на ней в белом кругу красная свастика, на фуражках эмблема — череп, на руках кольца с черепами. Войска СД — служба безопасности фашистов — носили форму мышиного цвета, тоже с черепами. Были войска и в немецкой полевой форме. Появлялись и с польскими четырехугольными фуражками — их конфедератками называли... Разноцветные они были, фашисты. Наше дело было посчитать их и сообщить, каких сколько.

Одних партизаны уничтожали. Других агитировали. Об этом я мало чего знаю. У нас весь район партизанский, как и вся Беларусь. Германа били народом. Я-то уже в возраст входил. Поменьше меня десяти-двенадцатилетние мальчата тоже баткам, мамкам и братьям партизанское содействие оказывали...

Всем народом воевали!

Тяжело было. За родную землю сражались.

И в какую бы семью ни попал, кого бы ни встретил — люди, тускнея лицом и скрывая за привычною сдержанностью крик сердца, говорят:

— Отца моего... Брата...

— Мать... сестренку...

— Сына... дочь...

Повесили... расстреляли... сожгли... замучили в застенке... уморили голодом... казнили пытками...

Гитлеровскими убийцами в Белоруссии был уничтожен каждый четвертый человек.

Уничтожение народа фашисты начали обдуманно, едва зацепившись за деревни и поселки Белоруссии. Немцы дисциплину почитают за главнейшее качество. Они времени не теряли. Было приказано вешать, жечь, пытать. Жгли, вешали, стреляли.

Темнели лица белорусов, яростным и беспощадным блеском ненависти наливались их глаза. Те, кто послабей да понеопытней, терялись перед нечеловеческой кровожадностью оккупантов. Они, встречая завоевателя-немца, покрывались липким и холодным потом, кланяясь, торопливо уступали дорогу.

Только в каждой деревне сыпал искрами огонек народной гордости. Иногда это была подпольная группа коммунистов, в другой раз никем не запланированная как боевая единица тройка или пятерка сорвиголов-комсомольцев, иногда горстка солдат-окруженцев отступившей Красной Армии, чаще всего и то, и другое, и третье. На ратный труд поднимался страшный своим упорством и несокрушимостью трудовой народ. Подпольные райкомы и обкомы партии объединили силы патриотов и организовали небывалую в истории человечества народную войну в тылу врага.

Нередко в самых глухих деревеньках первыми на линию огня выходили такие, как полусказочный дед Шпонка. Ветераны боев, тертые-тертые, мытые-мытые. И от немца терпевшие и никогда еще ему не уступившие. А дед Шпонка, вообще-то никакой и не Шпонка. Имя и фамилию его и самые ветхие старушки запомнили. Воевал тот дед не то три, не то четыре войны. Хвастал, что высокими регалиями отмечен, именовал себя в особо важных случаях кавалером георгиевским. Звали его дед Пшёнка за его любимую присловицу, а потом показалось, что Шпонка звучит вроде бы точнее и выговаривается легче. Так и сохранился он в памяти народной как дед Шпонка.

В Молодечно я записал рассказ-легенду о мальчишках, взорвавших большой военный склад немцев. В деревне под Раковым мне рассказали о дед Шпонке, колхозном пастухе, начавшем войну против гитлеровцев с первого дня фашистской оккупации.

КАВАЛЕР ШПОНКА

Тогда люди отметили два события. В местечке появилась немецкая комендатура, а дед Шпонка начал красоваться надраенными до зеркального блеска «георгиями» и медалями. Народ рассказывает так:

Только дед Шпонка нацепил свои старые заслуги, комендант тут же его за шкурку и перед собой:

— По какому случаю-событию такой парад?

Дед Шпонка мнет в руках лезлый малахай, который и зимой, и летом укрывает его лысую, хоть чихай на нее, голову, принимает бравый вид, пулеметной скороговоркой тараторит:

— Вот оно, какая пшенка. Как я есть пулеметчик его императорского высочества, наследника престола цесаревича Алексея драгунского полка и, кроме того, георгиевский кавалер. Царю батюшке нашему... Верой и правдой.

Комендант морщится, хлопает ресницами и смотрит на переводчика. Тот, сам толком ничего не поняв, поясняет: это-де, старый солдат с большими царскими наградами. Комендант сразу добреет:

— О, русишен кайзер!.. Гут. Зер гут. Добрый дедка. Ти есть отважный мужичок. Гуляй на свободный дорога!

Дед хитренько умолчал, за что у него кресты и медали. Выскочив со скоростью, какую только набрали его старые ноги, и проковыляв мимо нескольких домов,

дед Шпонка присаживается к группе парней, подростков и старичков, дымящих самосадом на завалинке.

В местечке дед Шпонка знает всех от мала до велика, и к нему тоже привыкли, как к петушину крику. В жизни его не замечают, а приболеет дед, посиди дома день-другой, люди удивляются: вроде бы и все, как всегда, а чего-то не хватает.

Слава у деда не ахти какая. Балаболка он, на сто верст в окрестности не сыщешь такого. И приврать мастак.

Худобы он невероятной, кажется, из одних костей состоит. На черепе ни одного волоска. Зато от самых ушей зарос клочками сивой овечьей шерсти. Пучки столетнего мха торчат из ушей.

Годы сгибают деда, но свою фигуру он уважительно квалифицирует гвардейской, выправку — драгунской. На каждый чох дед Шпонка откликается случаями из своей бывальщины.

Присев и скрутив козью ножку из чужого кисета, дед бесцеремонно влезает в разговор:

— Вот она какая пшенка! Значица, немец-комендант и спрашивает, за что у тебя, кавалер, такие небывалые награды? А я ему официально разъясняю: царю, дескать, батюшке. Верой и правдой. Тут немец и поплыл—растаял.

А как оно было. У Мазурских озер в империалистическую немец, конечно, дал нам. А на австрийском с генералом Брусиловым мы и поквитали должок. С походом отвесили. Кони притомились тех австрияков да немцев догонять. Ставят тут против нас германский не то Руперта Саксонского, а может, и Альберта Вюртенбургского кавалерийский полк. Сунулись они верхами. А я наводчик у «максима» был. Положили мы тех саксонцев-баварцев гору. Поумнели немцы, пешими в атаку пошли. Пулемет мой в ложбинке, позиция такая—любо-

дорого. Я за щитом, мой подручный Алешка только ленты успевает подавать.

Немцы в цепь, я их на землю. Немцы в цепь, а я их под корень. Побаловались так часика два, смотрю, а у них и воевать некому. Из окопов новые полезли. Приложился я поудобнее, повел стволом, давайте, говорю, шевелитесь веселее и на вас свинцового гороху хватит... Тут меня как двинет...

Очухался я, понимаю, что вроде бы и живой, а темно, как в сапоге. Что, думаю, за напасть. На том свете, может. Да как оно в темноте? В аду, так и то хоть от костров огонь должен быть, на которых черти сковородки греют.

Лежу и сумлеваюсь. А тут рядом как затарахтит-затарахтит. Не иначе мой «максимка» голос подает. Я-то его голос от любого другого отличу. Пошевелил я рукой — действует, дрыгнул ногой — сгибается. Ощупал голову — вся точно новорожденное дите замотана. Прокovskyрял я дырку — небо видно. Я тогда другую ковыряю — совсем хорошо.

Выполз чуть из лощинки, смотрю: напарник мой Алешка выкатил «максима» на открытую позицию и косоворотит тех немцев словно курчат.

— Что ж ты, сукин сын, выкомариваешь, — кричу я Алешке, — тебя же сейчас они одним снарядом вместе с пулеметом раздолбают.

Алешка услышал мой крик, бросил пулемет, обнимает меня, целует, а морда у него мокрая и соленая: плакал, думал, что я убит.

А что мне сделалось? Рвануло осколком полчуба вместе с кожей. Кровищи ведро, а дела чуть.

Дед Шпонка снимает свой малахай, трясущимися пальцами проводит по беловатому, вполголовы, пятну и довольно хмыкает.

— Оттянул я пулемет обратно в ложбинку, матюк-

нул еще разок Алеху и снова за «максимку». Крошили мы крошили того германа, пулемет руки обжигает, а он лезет и лезет, а мы его по сусалам да по сусалам.

Ну, и по Егорию расстарались с Алехой. Мой — вот он. — Сизые, словно в рыбьей чешуе, старые пальцы деда Шпонки осторожно поглаживают маленький крестик. Дед выдерживает паузу. Вертит вторую сигарку, слюнявит ее, прикуривает у соседа. Он знает, что его ждут, подождут и еще. Спешить некуда.

По улочке, поднимая тяжелыми сапогами пыль, маршируют трое немцев. Дед Шпонка поднимает бесцветные свои глаза от сигарки, бормочет:

— Немца по походке определишь. Топают, как лошади. И курощупы они знатные...

Услышав знакомое слово, автоматчики останавливаются. Один из них, рот до ушей, радостно выкрикивает:

— Яйки, куры, млеко! — довольный своими познаниями в русском языке, залиvisto хохочет.

— Вот-вот, — бурчит дед, — и вся их гимназия... А еще «Москва капут, Шталин капут!»

— Москва капут!.. Шталин капут! — радостно подтверждает немец, и тройка марширует по своим делам.

Дед сопит:

— Малограмотные немцы. Вот получают образование, тогда закричат другое: «Берлин капут! Гитлер капут!..» — Плюется дед. — Видали таких. На Москву с барабанным боем, а обратно с собачьим воем.

Один из парней нехотя тянет:

— А все ж таки ходят. Вон какие откормленные. И при оружии. Полезь — он тебя чикнет, и заказывай мама панихиду.

Дед Шпонка ожесточается:

— Спужался. Водичку пускает. Немец сверху гладкий. Дома небось бульбы, и той вволю не видел. Нашим харчем отъелся. Колупни его — одна вонь! Вот я помню.

Алешка шмякнул как-то немца по каске, саблюка дзинь — и надвое. Обозлился Алешка, осколком немца старается доканать, а у того шашка вдвое длинней. И Абрек помочь не может, грызется с немецким битюгом. Так вот и трудились. Бой к концу, поле за нами, а бедному Алешке и похвалиться нечем. Крутится он вокруг немца, а достать его не может. Аж позеленел от обиды. Потом выпустил стремяна, подтянул коленки, как сиганет на немца, вышиб из седла, катаются по земле, Алешка его по сусалам, по сусалам. Вскочил. Немец вроде не из зевак, сапогом Алешку в промежность. Тот закатился. Другой бы помер на месте, Алешка набычился да головой немца в подбородок — хрясь. У немца зубы изо рта во все стороны. Завел он глаза и шмяк на землю. И вонища пошла такая, ну хучь газовую атаку объявляй.

Вот тебе и немец хваленый да справный. Ты под душу его стукни, а потом и любуйся, какой он.

Голос у деда Шпонки со скрежетом и ржавчиной. Кому охота считать стариковские годы? Дед Шпонка вроде бы всегда был. Его помнят и шестидесятилетние, не слабые еще хлебобобы, помнят и ветхие бабушки.

Болтун этот дед невероятный. В пастухах ходит лет сорок. А по совести, пастух он никудышный.

Сам на солнышке старые кости греет — кто против? Так нет. Байками подпасков так околдует, те рты закрыть забывают, а коровы — они животные себе на уме — молодое жито травят. И каждый год дедок свою речь слово в слово повторяет:

— Почтенное общество! Как я есть георгиевский кавалер полного банта и с малолетства привержен к домашним животным, прошу облечь меня доверием...

«Почтенное общество» тихонько матюкается. Оно с радостью бы поручило дело другому пастуху. А как же дед? Рассчитывая не на ветхого дедка, а на его быстро-

ногих подпасков, «общество» какой уж год, против своего желания и вопреки здравому смыслу, подряд облекало деда Шпонку своим доверием. Кто же лишит старика куска хлеба, хлебобобы знают ему цену. Мальчишек, дедовых подпасков, за уши драли с крестьянской добросовестностью. Огнем горели те мальчишьи уши. А дедовские побасенки кого угодно заставят прислушаться. Не так уж те мальчонки виноваты. Есть о чем деду рассказать.

И не такой уж он балабон получается. Говорил, что у него большие награды за войны. Посмеивались. А сейчас дед их и на обозрение выставил. На старенькой, неумело латаной и перелатанной рубашке — бобылем живет дед — у него два широких ряда медалей и георгиев. Чуть дедок пошевелится — золото и серебро на его груди тихонько позванивает. Вроде бы немало повоевал георгиевский кавалер. Хоронил он свои медали и кресты на дне сундука и вот обнарудовал.

— Вот она какая пшенка, — начинает дед, отбросив окурки, и десяток кисетов доброжелательно протягивается к его сухой, дрожащей руке. Дымит дед не хуже трактора.

Выцвели, словно трава в позднюю осень, дедовские глаза, скрипуч его голос, а вот почему-то к сердцу льнут неторопливые дедовские слова:

— Алешка, он немца за животную не считал. В работе немец — человек дай бог всякому. А вот в бою — нет у него лихости. Скопом да хитростью норовит взять. А один на один супротив нашего русского — кишка не тянет. Куда ему...

Дедок погружается в дрему — солнышко заласкало. Молчат, чтобы не тронуть дедкину мечту, и его слушатели — парнишки, старики — их здесь на завалинке немало.

Дед Шпонка открывает глаза — стариковская дрема

легка и коротка, словно воробыный порск. Покряхтев, поднимается, идет к околице, что-то бормочет себе под нос. Стар дедок, невозможно стар. Двое парней из тех, кто крепче, идут за дедком. Тоже бывшие подпаски с драными ушами. У деда в подпасах вся деревня побывала.

И кто не знает, что дед в обход пошел? А ходит он по дорогам и тропкам, где шумели ветры войны. Найдет убитого в русской гимнастерке, снимет свою шапочку, поклонится, побормочет сухими губами, сломит поясницу в глубоком поклоне:

— Рано отвоевался, сынок...— И тут же своим костыльком чертит на земле линии. Те самые метры, от которых никому не уйти.

— Копайте, ребятки!

Ребятки, они за дедовской спиной, мигом за лопатами. По честному закону роют глубокую могилку, бережно опускают в нее отвоевавшегося солдата и его оружие. Под диктовку деда Шпонки выводят на кресте, а то и просто на камне:

«Митрий Петрухин. Прими господи, защитника земли русской».

Дед Шпонка не из богомольцев. В байках своих такое заворачивает, что небесным святителям показалось бы небо с овчинку. Но если прощается с солдатом при оружии, господа бога обязательно в надписи помянет.

И ходят за дедом в его неблизкие походы двое-трое парней из тех, кому иголки под ногти загоняй — слова не обронят. Много крестов поставили они вокруг деревни.

Старший полицай — в местечке гитлеровских холуев с десяток, этот один из местных — насел на деда Шпонку:

— Куда винтовки хоронишь, старый хрыч? Оружие в комендатуру сдавать положено.

Дед посопел, закурил полицаева табачку, разъяснил: — Я тебя, Панька, стервеца помню, когда ты еще порток не носил. Не твое это собачье дело, какую мы почесть погибшим героям отдаем. Лижи сапоги немцам и облизывайся. Никудышный ты человек, Панька, хоть и возростал соколом. И батька у тебя кавалером был военного профиля, царство ему небесное. Дружили мы и на твоём рождении ликовали... А ты с тюрьмы да прямо в холуи немецкие. Не трожь меня — палкой огрею за твою подлость. И жалиться никуда не пойдешь, животики с тебя, дуrolома, надорвут.

Сплюнув, Панька отходит. Угроза деда Шпонки не страшна. А позора и в самом деле не оберешься. И не только позора. Панька не забыл, что и его мальчишеские вихры приглаживала шершавая рука деда Шпонки и ему из дедовской торбы перепадал то кусок пирога, а то и курунок. Пастушью науку и он у деда Шпонки проходил.

СУЛИКО

В партизанском архиве Белоруссии сотни тысяч учетных карточек. Пересмотреть их все — нужны месяцы работы. Я пошел по другому пути. Выписал наиболее распространенные карачаевские, черкесские, абазинские и ногайские фамилии и отыскиваю их по алфавиту. Это куда проще и быстрее.

Меня заинтересовал «Сулико». Известно, что он действовал в Ивенецкой пуще. Был командиром. Но отрядов в пуще были десятки, командиров — сотни. Снова читальный зал партархива. Выписываю фамилии командиров отрядов, рот... и вижу, что у меня ничего не выйдет. Партизанские отряды сливались и, окрепнув, разъединялись, их командиры выходили из строя, перемещались. О командирах рот и говорить нечего.

На прощальной встрече (неудобно человека беспокоить ежедневно) обращаюсь к Ивану Казаку:

— Иван Петрович! Вы, случаем, не знаете, кого в пуще партизаны именовали Сулико?

— Сулико? Да это же Кипкеев. Курман Кипкеев, командир кировского отряда нашей бригады.

Фамилия Кипкеева мне известна. Но ведь он командовал ротой в бригаде имени Чкалова, а Казак был комиссаром бригады «За Советскую Беларусь». Я лезу в портфель за тетрадкой с надписью «Бригада имени Чкалова. Ивенецкая пуща».

— Не нужно тетрадок,— смеется партизанский комиссар.

К началу 1944 года бригада имени Чкалова стала по численности и организации слишком громоздкой для ведения партизанской войны. Для удобства управления и большей маневренности бригаду разделили на две. Так и появилась партизанская бригада «За Советскую Беларусь». В ней Курман Кипкеев и стал командовать отрядом. А после того, как в апреле 1944 года Курман был тяжело ранен, отряд принял его друг, тоже из бригады имени Чкалова, Леонид Михайлович Месищев. Теперь я понимаю, почему записи о боевых делах Кипкеева у меня обрываются в конце 1943 года.

Свой железнодорожный билет меняю на самолетный. Выгадываю два дня.

Опять архивные папки с делами партизанских бригад-сестер имени Чкалова и за «Советскую Беларусь». Партизанский комиссар хорошо помнит соратников. Вот боевые донесения, подписанные Кипкеевым, вот документы о нем. А что эта за фамилия Хамуков? Вроде бы тоже земляк наш.

Берусь за ящик с картотекой на букву «Х». Хамуков... Хамуков... Отряд имени Кузнецова, бригада имени Чкалова Барановичского соединения. Интересно.

Хамуков Карабид Эдинович, 1921 года рождения, черкес, член ВЛКСМ, с 1944 года кандидат в члены ВКП(б), лейтенант, в партизаны прибыл в августе 1942 года из окружения, рядовой, с декабря 1942 года — командир отделения, с апреля 1943 года — командир взвода, с 5 августа 1943 года — командир роты. 10 июля 1944 года передан в Советскую Армию. Домашний адрес: аул Эльбурган, Хабезского района.

Значит, Хамуков тоже из Карачаево-Черкесии. Где же он? Встречались ли Кипкеев и Хамуков в пуще, как они воевали? Я задаю себе эти и еще десяток других вопросов, листая дела с партизанскими документами. Как оно было?

А было так.

— Вот человеку помочь нужно, Викентий. Наш это человек. Баню устрой ему, одежду дай, накорми, уложи на сеновале.

За спиною Филиппа Зенько изможденный солдат. Стоит, пошатываясь. Не человек, а тень. Смотреть тяжело. А каково ему самому?

Слово старшего брата — это все равно, что приказ. Викентий приютил того человека. Им был младший политрук Курман Кипкеев, заместитель командира роты по политической части 116-го полка 98-й стрелковой дивизии.

Дивизия вела непрерывные бои в районе Невель — Великие Луки и под давлением превосходящих сил врага вынуждена была отходить. В том жарком бою замполит вышел из строя. Поднимал роту в атаку... а очнулся в госпитале. Видимо, мина где-то рядом взорвалась. Осколками ранило в правую руку, в бок под ключицу и в ногу.

Июль 1941 года. Гитлеровцы шли тучами. Госпиталь оказался в окружении. Еле ушел. Мелькали мысли о пуле в лоб, хоть это и не выход. Да и где ту пулю возь-

мешь? В госпиталях нет таких порядков, чтобы раненых укладывать на койки с пистолетами.

Брел безоружный, беспомощный. Любой малец мог с ним справиться. А направление выбрал верное — в леса. Там гитлеровцев поменьше и хоть какой-никакой дичкой да ягодой подкрепиться можно.

Что и говорить, повезло крепко. Попал на Филиппа Зенько, знающего, что делать в эти страшные дни.

— Набирайся сил. И на деревне не показывайся. А я скажу, когда время придет!

Филипп не одного Кипкеева выручил. А потом он же и свел окруженцев. Раненых направлял в совсем уж глухой хуторок к Арону Баткису.

Посыпали пронизывающие осенние дожди, дороги развезло, осень обтрепала сады и загнала людей в теплые хаты. Совсем вроде затаился народ. И вдруг шепот: бьют партизаны старост, полицаев и немцев. Лесное «радио» сообщило правду. В деревнях по северной части Ивенецкой пуши (а эти деревни чаще всего разбросанные и отрезанные друг от друга бездорожьем) начали уничтожать врагов небольшие вооруженные армейские группы Ивана Кузнецова, Ивана Казака, Давида Зухбы, Курмана Кипкеева и другие. Западнее действовали солдаты капитана Никитина, Семена Гонзенко, южнее — группы Сергея Рыжака, Леонида Мурашова. Нет, не выпустили из рук оружие советские воины, не забыли о воинской присяге солдаты.

Обнаглевшего солтуса и его двух приспешников-полицаев по просьбе Филиппа Зенько убрала группа Курмана Кипкеева.

В нынешнем Воложинском районе это был первый партизанский отряд. Кое-кто сохранил личное оружие — револьверы, пистолеты. Но ими не очень-то повоюешь. Два автомата и три винтовки дал для почина Филипп Зенько. Он же снабдил и патронами.

Уже первая осень в Белоруссии заставила гитлеровцев призадуматься. Нелегкой для фашистов оказалась и зима. А с весны 1942 года...

К весне 1942 года уже работали многие подпольные обкомы и райкомы партии. В фашистский тыл перебрасывались военные специалисты, разведчики и диверсанты. В Ивенецкой пуше появился армейский разведчик майор Василий Щербина. С ним — солдаты-минеры, рация. Центральный Комитет компартии Белоруссии дает команду объединять разрозненные группы патриотов, создавать партизанские роты и отряды. Путь Курмана Кипкеева в лесные солдаты такой же, как у сотен других. Привел свою группу в партизанский отряд (он был под номером 620), представился, доложил о сделанном, передал общую просьбу:

— Примите. Действовать отдельно нам трудно.

Командир отряда возражать не стал. О действиях группы Кипкеева было известно от связных. Кипкеев и его друзья были внесены в партизанские списки кто бойцами, кто отделенными. Из отряда разворачивается впоследствии партизанская бригада имени Чкалова (командир Михаил Грибанов, комиссар Иван Казак). Но народ все идет и идет. Вскоре возникает еще одно такое же партизанское соединение «За Советскую Беларусь». Командиром отряда имени Кирова в этой бригаде назначается Курман Кипкеев. Он храбро дрался и рядовым партизаном и отделенным, умело воевал, командуя партизанской ротой. Командиру кировского отряда поручают самые сложные операции. Все они выполняются точно. Курман Кипкеев умеет воевать.

1 мая 1943 года по отряду имени Кирова партизанской бригады имени Чкалова был отдан первый приказ о представлении к правительственным наградам. Вот его текст:

«Партизанами нашего отряда совершенно к настоя-

щему времени 17 крушений вражеских ж. д. эшелонов, в результате чего уничтожено более тысячи немецких гадов и много боевой техники, взорвано 5 мостов на шоссе и железных дорогах.

Отряд провел девять открытых боев с фашистами и три раза участвовал в разгроме крупных гитлеровских гарнизонов в населенных пунктах.

За четкое, честное и умелое выполнение боевых заданий, за героизм и отвагу представляю к правительственной награде:

1. Командира роты Кипкеева К. Р...»

Приказом начальника Белорусского штаба партизанского движения № 21 от 3 октября 1943 года к награде медалью «Партизану Великой Отечественной войны» I степени была представлена первая тройка кировцев, в их числе командир 1-й роты К. Кипкеев, командир 2-й роты Е. Жемоздик, политрук 2-й роты И. Щербак.

В 1942 году партизаны формировали свои отряды, всеми способами добывали оружие и боеприпасы, вели операции, стараясь далеко не отрываться от своих баз. 1943 год знаменателен развертыванием партизанских сил. Бригады лесных солдат ходят в глубокие рейды. Подпольные обкомы партии уже имеют десятки тысяч вооруженных и получивших боевой опыт воинов.

Работа у партизан многообразная. А смысл ее ясен и прост: сохранять и укреплять свои силы, громить и всячески ослаблять гитлеровцев.

«Акт № 46

Партизанский отряд № 3 (имени Кирова) бригады имени Чкалова.

С 5 по 22 февраля 1943 года внезапными налетами группа партизан 1-й роты под командованием политрука Кипкеева в фашистских маентках (поместьях) Мань-

ковщина, Горбовщина, Петрошкевичи реквизиrowала для отряда: овса — 80 пудов, жита — 75 пудов, соли — 5 пудов, рогатого скота 4 головы, свиней — 1, коней — 1. Взята 1 винтовка».

Казалось бы, трофеи куда как скромны. Но отряд голодал. Вкус соли (в оккупированной Белоруссии это была валюта) люди забыли. Начались цинготные заболевания. Кипкеев и его партизаны выручили товарищей в один из самых тяжелых периодов.

— Разведка. Без нее мы погибнем. И нужно поставить ее по-армейски. Сведения должны быть точными и доставляться в наш штаб немедленно!—Это говорил политрук Кипкеев на одном из совещаний партизанского штаба.

На него и возложили совершенствование партизанской разведки. Кипкеев пополнил состав связных и разведчиков местными, проверенными людьми,— их было немало, укрепил партизанскую разведку в населенных пунктах, которым гитлеровцы уделяли особое внимание.

Связные доложили о пришедшей подводе с солью, об амбарах с рожью и овсом. На другой день все это оказалось в партизанском складе.

Паренек из деревни Углы сообщил, что отсюда 28 июля на Гаевки-Устинск, где фашисты собираются создавать гарнизон, пойдет обоз с оружием. Охрана обоза 40 немцев при шести-семи пулеметах.

У партизан очень мало оружия, на счету каждый патрон. Операции придаетcя особое значение. Ее возлагают на командира отряда имени Кирова Васютина и его заместителя — он же командир 1-й роты — Кипкеева. Кипкеев из партизан своей роты формирует ударную группу.

Около шести вечера 28 июля обоз приближается к деревне Гаевки-Устинск. Фашисты почти у цели. Они уже считают, что добрались благополучно. И внезапно зал-

повый огонь из засады. С криком «Ура! Бей фашистов!» партизаны бросаются в атаку. Впереди — широкоплечий крепыш. Он ведет огонь из автомата короткими очередями. Три гитлеровца убито, шесть ранено, остальные бегут. Но дело не в убитых и раненых фашистах. Партизаны захватывают четыре ручных пулемета (а их на весь отряд до этого было три), восемь винтовок, 600 патронов и походную аптечку, которая партизанам тоже очень кстати.

«Акт № 118

25 сентября 1943 года в 0 часов 45 минут отряд имени Кирова в составе рот под командованием Кипкеева, Азамата, Жемоздика на железной дороге Минск-Молодечно взорвал полотно на протяжении 1610 метров. Движение поездов остановлено на трое с половиной суток. В бою с охраной убито 2 фашиста».

«Акт № 120

Ротой Кипкеева 29.9.43 уничтожен фашистский маенток (гитлеровское госимение) Горбовщина Родошковичского района. Сожжены предназначенные для отправки в Германию 1100 пудов овса и ржи, 300 пудов сена».

В январе 1944 года Курман Кипкеев принимает под командование отряд. Вот как действуют кировцы:

4 января. Спущен под откос вражеский эшелон. Убито 50, ранено 70 гитлеровцев. Отряд потерь не имеет.

8 января. Обстрелян фашистский грузовик. Убито три, ранено два гитлеровца.

17 января. Спущен под откос идущий к линии фронта вражеский эшелон. Разбиты: паровоз, три платформы с противотанковыми орудиями, три вагона с мылом, три вагона с махоркой. Еще три вагона повреждено. Убито десять, ранено семь гитлеровцев. Движение на железнодорожной линии Лида—Молодечно остановлено на 24 часа.

...Февраль в Белоруссии — это уже не зима, но далеко еще и не весна. Снежные сугробы все растут, но снизу их уже подтачивают воды. Накатанные за зиму дороги оседают, становятся непроезжими. Не пройдешь и на лыжах. И все же...

8 февраля с адским грохотом летит под откос первый эшелон, 11 — второй, 21 — третий, 23 февраля, в ознаменование 25 годовщины Красной Армии, партизанский салют из взрывчатки и вражеских боеприпасов — четвертый эшелон под откосом; 28 февраля, в последний день месяца, кировцы провели совсем уж дерзкую операцию на рельсах.

...В штабе кировцев дружная тройка: командир, комиссар, начальник штаба.

— А вдруг не выйдет? — сказал начштаба, который по своей должности должен быть вдвойне осмотрителен, — фашисты и сами не скажут точно, где они встретятся.

— А ты считай точнее. На то и штабист! — Это комиссар.

— Я думаю, что вероятнее всего встреча будет вот в этом пункте. — Командир ставит точку на километровой. — На том и решим. Так, что ли?

— Так, — согласились остальные.

Редкий успех выпал на долю этой мопеды — партизанской фугаски. Привожу документ полностью:

«Акт № 19

28 февраля на перегоне Барановичи—Погорельцы (ж. д. линия Брест—Москва) группа Бондаренко взорвала эшелон, шедший с фронта. Разбиты паровоз, 2 платформы и 3 вагона. Уничтожено 15 гитлеровцев, разбито 9 рельсов. Линия не работала 18 часов.

Под этот же взрыв попал и проходивший встречный

поезд. Под откос опрокинулись и частично разбились 5 вагонов. Вторая линия не работала 10 часов».

На одну мопеду — два вражеских эшелона. Расскажи кто-либо из партизан-подрывников о таком случае — не поверят, засмеют!

Это был 1944 год. Партизаны стали неодолимой для гитлеровского рейха силой, настоящим «вторым фронтом», поставившим фашистские войска между армейским молотом и партизанской наковальней.

Что ж, нужно отдать должное и точности гитлеровцев. Командование фашистской группы армий «Центр», залившей кровью Белоруссию и получившей в ответ могучий и гневный отпор, еще в октябре 1942 года доносило германскому генеральному штабу:

«Умножаются случаи налетов партизан на железные дороги и в дневное время. Уничтожается железнодорожная охрана. Особо большое количество диверсий происходит на тех участках железных дорог, которые являются главными путями снабжения армий».

А позднее в тот же адрес штаб группы армий «Центр» тоскливо сообщал:

«Не следует ожидать ослабления действий партизан. Опыт свидетельствует, что, несмотря на распутицу, снег и морозы, партизанские действия будут продолжаться».

Вроде бы в воду глядели фашистские стратеги. Но и белорусская вода для них оказалась мутной. Гитлеровцы предполагали самое худшее. Действительность оказалась куда горше. Атаки партизан не только продолжались, но еще и усиливались. В том числе и на железных дорогах.

Прошедшая весна, а за нею и лето позволили партизанам усилить вооруженный нажим на врага повсеместно.

Гитлеровцы объявили Ивенецко-Налибокскую пушу «бандергефаргебит» — чрезвычайно опасной зоной в ви-

ду активных действий «красных бандитов». Так гитлеровцы именовали на своем жаргоне народных мстителей.

Партизаны, которым приказы фашистского командования становились известны почти в одно время с немецкими командирами, кому эти приказы были адресованы, не обижались.

— Мы-то лучше знаем, кто бандиты. Еще крепче пятки вам, фашистские гады, припечем. Не так еще вззоете!

И припекали. Рвали гитлеровские коммуникации, сбрасывали под откос эшелоны, громили фашистские гарнизоны и военные городки. Даже удерживаемые фашистами города и крупные населенные пункты оказались постоянно вспыхивающими вулканами.

Гитлеровское командование издает бесконечные приказы:

«Езда отдельными машинами ночью допускается лишь в случаях особой необходимости и только с письменного разрешения старшего начальника. Находящиеся в машинах должны быть в стальных шлемах с готовым к бою оружием, с возможностью вести огонь во все стороны, при себе каждому иметь на поясе не менее двух гранат, полные патронташи, на каждый пулемет не менее тысячи патронов. Нужно упражняться в соскакивании с машин и посадке в них».

Гитлеровцам пришлось предпринимать против партизан экстренные меры.

Летом 1943 года, сняв с фронта полевые части, подтянув части СС и полиции, карательные отряды, сосредоточив в общем до 50 тысяч солдат, большое количество военной техники, гитлеровцы (в какой уже раз!) решили окончательно уничтожить партизан Ивенецко-Налибокской пуши. Операцию возглавил генерал-майор полиции фон Готтеберг. Подручными у него были такие

опытные палачи, как полковник Крейкенбаум, имевший три крупных жандармских команды, и отпетый головорез эсэсовец Дирливангер, командовавший особым формированием убийц с эмблемой смерти на черных мундирах. Фашистские войска специально готовились к войне против партизан.

Пуща была охвачена кольцом вражеских войск. 13 июля 1943 года гитлеровцы перешли в наступление. Более месяца тихие леса сотрясались грохотом канонад. Вековые сосны пылали и обугливались от огня фашистской артиллерии и танков. Партизаны внезапными атаками и контратаками отбивали гитлеровцев, маневрировали, прорывая вражескую блокаду и уходя от окружения. На завершающем этапе, по решению Барановичского подпольного обкома партии, партизаны перешли в контрнаступление. Атаку начала первая рота кировцев во главе со своим командиром Курманом Кипкеевым. Следом за ней в бой ринулись другие подразделения отряда Васютина, отряд Гаврилова. Не ожидавшие контрудара, гитлеровцы стали пятиться. Используя благоприятную обстановку, комбриг Грибанов ввел в огонь все силы своей бригады. Его поддерживали другие партизанские соединения. Это были немалые силы, достаточно, хотя оно и ценилось на вес золота, было и оружия. Партизаны атаковали решительно и упорно.

В жестоких боях гитлеровцы понесли тяжелый урон и начали общий отход. Операция «Герман» по сути дела провалилась. Это не помешало штабу карателей (в какой уже раз!) доложить о разгроме партизан.

В августе 1943 года гитлеровцы отрядом в 600 эсэсовцев пытались внезапно нанести удар в сердце свободной зоны, где находились подпольный обком и штаб партизан. Гитлеровцы тонко разработали операцию и выбрали момент, когда обком и его военно-оперативный штаб остались почти без охраны. Партизан выручила

отличная разведка. На пути эсэсовцев оказались 90 орлов-кировцев первой роты. Гитлеровцы намеревались напасть врасплох, неожиданно, но их самих внезапно атаковали из засады кировцы. Не менее 60 эсэсовцев было в этом бою убито, остальные бежали. Скольким удалось уйти, трудно сказать. Фашисты были сброшены в топкие болота с трясинами, а трясины не выпускают своих жертв. Участники этого боя партизаны-кировцы героически выполнили боевой приказ. Эсэсовцы получили еще один хороший урок.

...Просторный, с нарами по стенам командирский домик — землянка. В железной, без дверцы печке, кое-как сработанной из трофейных канистр, гудят-пылают смолистые еловые чурки. У Курмана гость — командир роты из родной чкаловской бригады Карабид Хамуков, черкес из аула Эльбурган. Воюют бок о бок скоро год, друзья, земляки. Узнали друг о друге в один день. Кипкеев пробирался в отряд имени Кузнецова, Карабид искал кировцев. Встретились на полпути.

— Где найти первую роту кировцев? — спросил Хамуков и, всмотревшись во встречного, спросил: — Вы Кипкеев из Теберды? — Не ожидая ответа, представил: — Лейтенант Хамуков.

— Салам алейкум, дорогой Карабид! — Крепко они стиснули друг друга, долго увесистыми шлепками отбивали друг другу плечи в порыве радости. Оба молодые. Курману 23, Карабиду того меньше. Горячие, открытые сердца. За плечами у обоих фронт. У каждого добрая партизанская слава... Каких только встреч не бывает на дорогах войны!

Морским прибоем шумят сосны. Октябрь начался дождями и непогодой. А в землянке тепло — дверь настежь. Порывы ветра забрасывают снаружи охапки брызг, друзья не обращают на них внимания. Чокнулись

трофейными немецкими кружками с французским вином. Карабид неторопливо — черкесу поспешность не к лицу — рассказывает о последнем деле. С неделю назад всем отрядом трудились на перегоне Красное—Алехновичи, наводили партизанский порядок: шестерых охранников уложили, остальных загнали в дзоты и связали боем. 236 рельсов взорвали, а так как время еще оставалось, собрали уцелевшие шпалы и устроили из них гигантский костер.

— Обычное дело, — закончил свой рассказ Карабид. Он бы и не начинал его, если б не настаивал Курман.

— Да нет, не совсем уж и обычное. На 87 часов вывести из строя линию Минск—Молодечно не так-то просто. Немцы научились прорехи чинить. — Курман замолкает. Без слов тянет мелодию полюбившейся фронтовикам, а с ними пришедшую и в партизанские землянки грузинской песенки «Сулико». Непонятное у этой песенки очарование. Простенькая мелодия, наивные слова:

Я могилу милой искал,
Сердце мне томила тоска.
Сердцу без любви нелегко,
Где же ты моя, Сулико?

Десятилетия назад в Грузии она была гимном свободы. Полузабытая, снова расправила крылья в конце тридцатых годов, стала любимой песней студентов и курсантов военных училищ. В первые месяцы войны она облетела все окопы, стала такой же неразлучной с солдатами, как «Три танкиста», «Катюша». Душевная песенка. Сулико — это женское имя. А за ним у кого тоска по родному краю, у кого по любимой. И у всех мечта о тех счастливых днях, что когда-то не замечали, считали обычными.

Увидал я розу в лесу,
Что лила как слезы росу.

Я спросил, вздохнув глубоко.
Здесь ли ты, моя Сулико?

В партизанский отряд «Сулико» принес Курман Кипеев. Редко он расставался с этой песенкой. Сидит у костра напевает, оружие чистит тоже с этим мотивом. Еще в партизанских отделенных ходил. Потребуется он кому-либо, спрашивают:

— Где этот чернявый? Ну, тот, что Сулико?

Стал ротным, и тут в глаза и за глаза — Сулико. Получил под команду отряд — все равно так и остался Сулико. Уж если кличка пристанет — зубами не оторвешь.

...Курман чуть слышно перебирает тихие, словно окутанные дымкой тоски и надежды слова. Подбросив в печку полешек и задумчиво глядя на весело пляшущее пламя, в песню вступает Карабид. Давно уже стемнело. Дождь усиливается. Тревожно шумят сосны, где-то далеко в крошечной тьме глухо бухает взрыв.

— Соседи немцам дорогу чинят, — прервав песню, замечает Курман. Снова молчание и тихая мелодия песни. Курман в отблеске огня смотрит на часы.

— Ого, двадцать пятнадцать. В двадцать один выходить. Ты, Карабид, не стесняйся. Вот нары, вон запасная шинель. Отдыхай здесь.

— Нет, дорогой, нельзя: мне в четыре утра тоже выступать. Пора домой.

— Ну, тогда разгонную. Сухо щелкнув, немецкие кружки с французским вином сходятся снова.

— За тех, кто на партизанской тропе!

Значит, и этой, и следующей ночью чернильный мрак снова будет разорван вспышками выстрелов, торопливо залают пулеметы, а потом, задевая низко висящие тучи тяжелого осеннего неба, от линии железной дороги ввысь

рванутся желтовато-зеленые огни, земля задрожит, застонет, огненный коридор на секунду вспорет ночной мрак, а когда он снова ляжет на землю, невидимые фигуры в плащ-накидках, шинелях и просто в куртках домотканого сукна исчезнут в направлении пущи. Партизанский концерт гремит не прекращаясь.

Война на рельсах. Дорого обходились оккупантам эти «партизанские концерты». Постоянное крушение воинских эшелонов, взорванные водокачки, словно чудом за ночь исчезающие железнодорожные пути. Командование 3-й немецкой танковой армии доносит начальству: «Взрывы на дорогах, железнодорожных путях и всевозможные налеты превратились в систему, и движение в тыловых районах Белоруссии позади фронта стало совершенно невозможным».

Фашистские поезда идут со скоростью пятнадцать километров в час, дорогу патрулируют усиленные наряды, вдоль дороги грибами-поганками растут гитлеровские доты и дзоты. Не помогает и это. В начале августа шедшие к линии фронта 68-я и 125-я немецкие пехотные дивизии так и не доехали до Молодечно. Пришлось фашистам пешим строем, кляня партизан, идти на фронт, теряя время и силы. На участке Молодечно—Минск работали отряд Кипкеева, рота Хамукова, десятки других отрядов и бригад Барановичского соединения.

...Друзья-земляки живут рядом, воюют в одних и тех же местах, а встречаться приходится не часто. Задним числом, теми же трофейными кружками, на этот раз уже с испанским портвейном, отмечали 26-ю годовщину Красной Армии. В тот день заняты были другим. Армейская привычка — праздничные дни отмечать ударами по врагу.

— Это твои ребята под Алехновичами эшелон с гитлеровцами опрокинули? — поинтересовался Карабид.

— Мои,— ответил Кипкеев,— на том самом месте, где ты рельсы рвал. А чем твоя рота занималась?

— Немцы в маентке Ганулино собирались свой гарнизон ставить, мы вышибли из него полицаев, ну и спалили немецкое госимение.

— Здорово полыхало!— заметил Кипкеев.

Карабид досадливо махнул рукой.

Законы войны жестоки. И Карабид уже весной 1944 года, выбрав часок для встречи с другом, в командирском домике его не нашел.

— Сулико в госпитале. Тяжело ранен,— сообщил Хамукову ординарец командира.

У Курмана, обычно смуглого от никогда не сходящего загара, бледное, без кровинки лицо. Это от большой потери крови. Карабид уже знает, что Курман больше не солдат — ампутировали правую ногу.

— Где же это тебя, Курман?

— Под деревней Волчки. В драке с эсэсовцами. Ну, да и им тоже на орехи досталось... — Курман держится бодро, хотя вид у него — краше в гроб кладут. Посидев сколько мог, обняв друга и пожелав ему скорого выздоровления, Карабид заторопился по делам. Война в тылу врага шла к концу, а боев впереди, ох, еще сколько!

Следующая встреча не состоялась: 5 мая Курман был эвакуирован самолетом на Большую землю. Кировский отряд принял новый командир, но партизаны не забывали пришедшегося по сердцу молодого политрука с Кавказа.

В редкие часы досуга, у вечернего костра или у печи-самодельки стоило кому-либо запеть «Я могилу милой искал...», как кто-то, затянувшись самокруткой, словно у самого себя спрашивал:

— А где же наш Сулико сейчас? — и начинались дорогие солдатскому сердцу воспоминания: — А помнишь, как фашистский гарнизон в Городке разнесли?

Плохо бы нам пришлось, если бы Сулико гранатами по окнам немецкого штаба не ударил!

— Когда это было? Зимой 1942 года, кажется?

— Нет, в январе 43-го!..

— А первая блокада? Помнишь, как он хватает ручной пулемет, бросается вперед и кричит: «За мной!». А у меня нога между двух пней заклинилась. Рванулся — пни сапог клещами держат, выдернул ногу и босиком за командиром. Еле догнал. Немца покروшили тогда крепко, а у меня одна нога босая, штанина оторвана. Сулико увидел, брови у него на лоб лезут: что ты, говорит, от собак бегал, что ли? Хохоту тогда было...

— А помнишь?..

Хорошо это, если тебя боевые товарищи вспоминают теплым словом. Это значит, что ты был и воином настоящим, и человеком стоящим. А Курмана и боевые побратимы не забывают, и крестьяне из той партизанской округи помнят.

У лесных солдат была традиция: в бой идти с именем героя-товарища.

«Отомстим за геройскую гибель Ивана Сажнева». Сажнев был минером и пулеметчиком. Он ценою своей жизни в неравном бою обеспечил выход партизанской бригады из окружения.

«Отомстим фашизму за героическую смерть Султана Хасанова!». Хасанов был минером и погиб, подорвав вражеский эшелон, окруженный гитлеровцами и ведя с ними бой до последнего патрона.

Мстя врагу за товарищей-героев соединения, своих воинов не раз водил в атаки и Курман Кипкеев. А когда его среди партизан не стало, они шли в бой с именем Курмана. «Отомстим за раны командира отряда Кипкеева!». Этот призыв стоит и на донесениях о боевых операциях, проведенных в память о выбывшем из строя товарище.

Заканчивалась моя вторая поездка по местам партизанской славы. Многое стало яснее, выпуклей. И вот мы, прощаясь, снова беседуем с Иваном Петровичем Казаком. Я рассказываю о своих впечатлениях, о встречах и «белых пятнах», раскрыть которые и архивы и музеи бессильны.

— Деда Шпонку не нашли,— улыбается Казак.— А думается мне, что он был не один.

Вопросом жизни и смерти партизанского движения было оружие. Мало было его. На три партизана, это еще хорошо,— одна винтовка. К ней обойма патронов. Люди есть, а воевать нечем. Одиночных немцев да поллицаев били. Но разве это настоящее дело?

Партизаны из местных в один голос подсказывали:

— Оружие должно быть в могилах погибших воинов!

— Откуда оно там?

Многих погибших хоронили вместе с оружием. Что-бы оно немцам не досталось.

Военная необходимость. Стали копать. И верно. Чуть ли не в каждой могиле то винтовка, то скорострелка, патроны, клинки, ручные пулеметы. Однажды и станковый пулемет вырыли. Удивляйся не удивляйся, но оружие и боеприпасы чаще всего в тряпье, пропитанном маслом, а то и в армейской смазке в шинели замотано. Хоть сейчас в дело пускай. Ну, и шло, конечно, в дело.

— А чуток попозже,— рассказывает Казак,— кто-то опять из местных партизан докладывает мне, что он помогал деду-пастуху собирать и зарывать в землю под видом могил много разного оружия. Я не очень-то поверил, а все-таки ту могилу с крестом над ней мы отыскали и разрыли. И ахнули. Штук тридцать винтовок, полдесятка наших и немецких автоматов, три или четыре ручных пулемета, гранаты, патроны. Все по-хозяйски замотано в крестьянские рядна или солдатские шинели. А был этот тайник в том вот самом теперешнем

Воложинском районе, где, рассказывают о дедах-пастухах, потихоньку собиравших и прятавших оружие.

Мы долго потом вспоминали тот тайник. Хитро спрятано было это оружие. Кто прятал? Может, дед Шпонка, как рассказывали вам. Может, дед Михась. А может, они вместе или кто еще другой. Такие же склады-тайники находились и в других местах. Да вот тот же Филипп Зенько, наш связной из деревни Сазоновщина, передал отряду имени Кирова нашей бригады до десятка винтовок и автоматов, много патронов. Как он их хранил, не знаю. Да это нас не очень-то тогда интересовало. Передал оружие — сердечное спасибо тебе, боевой друг. Помогай и дальше громить врага.

И с того оружия, нужно сказать, и сила наша пошла, а стала она не малой.

Я показываю Ивану Петровичу архивную выписку: «К концу 1943 года на боевом счету 8-ми бригад и 3-х отдельных отрядов Ивенецко-Налибокской зоны числилось 668 пущенных под откос вражеских эшелонов, свыше 14 тысяч уничтоженных рельсов, 103 железнодорожных и 550 шоссейных мостов, 598 автомашин, 28 танков и бронемашин, 3 самолета. Разгромлен 51 фашистский гарнизон, уничтожено около сорока тысяч гитлеровцев».

— Работали на совесть! — подтверждает партизанский комиссар. — А ваши земляки Курман Кипкеев, Хамуков, их товарищи примером были. Курмана помню отлично. Знал и Хамукова. Партизанские орлы. Другого о них не скажешь.

Время позднее. У меня в кармане билет. Выезжать рано утром. Нужно прощаться и не хочется расставаться с душевным человеком, который, забывая о себе, щедро приобщает к немеркнувшей партизанской были новые подробности.

Задаю последний вопрос о комсомольцах-диверсантах Акульских, так и не разгаданном мною Сеньке.

— Склад в Молодечно?— понимающе кивает Иван Петрович.— «Чапай», «Тигра» и еще один мальчонка. Немец-охранник на свою голову обленился. Заставлял работать мальчишек. Привык к ним и смотреть за ними перестал. А ребята были отважные. Сами придумали, как немцу еще одну кость в горло вбить. Проверили у нас их, конечно. План казался рискованным. Но удавалось и не такое. Разрешили действовать. Пришла одиночная машина. Немец-охранник тюки таскать не хочет, шоферу тоже это дело, как говорят сейчас, до лампочки. Позвал ребят. Они и помогли. Прилепили у бочки с бензином партизанскую мину, получили за работу пачку сигарет, что ли. И тому немцу вежливо так «ауфвидерзейн». Остальное известно. Наши ребята. О них я от Давида Куловича Зухбы слышал. По его это чекистской линии. Он живет тут, в Минске, запишите адрес...

— Не надо. Я сегодня был у него. Мы познакомились в Воложине.

О встрече с Давидом Зухбой, думается, нужно рассказать подробнее.

РАЗВЕДЧИКИ НЕ УМИРАЮТ

Воложин — чистенький и приветливый городок, один из многих в Западной Белоруссии. Он словно набегает на крутой холм. Примета старины — каменный костел, построенный на века. Прочно собирались обосноваться здесь иезуиты. Только давно пустует костел. В парке — горькая дань войне и гордая слава воложинцев — памятник Герою Советского Союза командиру армейской разведгруппы, действовавшей в Ивенецкой зоне, майору Василию Щербине.

Обнажив головы, подолгу стоят здесь давно уже поседевшие соратники легендарного разведчика и командира. Воложинские комсомольцы принимают у памятника герою клятву на верность Родине, дети приносят цветы, связки ароматных сосновых веток.

В тот февральский, но уже с запахом весны день у памятника задумчиво стоял плотный, видно, за шестьдесят лет человек. Я остановился рядом.

Яркое, звонкое голосами птиц утро и доходящая до сердца тишина вечности.

— Вы тоже знали Василия Васильевича?

— Я с Кавказа. В этих местах впервые.

У собеседника ярко черные брови, энергичное, словно вычеканенное из гранита лицо.

— С Кавказа?! Земляк!

Большое это слово — земляк. Солдаты знают ему цену.

— Зухба... Подполковник в отставке Зухба Давид Кулович. Я из Абхазии. А вы? Из Ростова, Краснодара?..

— Нет, ваш сосед, из Черкесска.

Мы стискиваем друг другу руки. Где же еще, как не у памятника героически погибшему соратнику, незнакомым, но родным друг другу солдатам непобедимой Советской Армии находить друзей?

Поиск — это кропотливая и не всегда удачная работа в архивах, удивительные и, к сожалению, не частые находки в музеях, неожиданные, хотя совсем не случайные, встречи.

— Ивенецкая пуща, — говорит Зухба. — Мы ее называли Ивенецко-Налибокская. Здесь был огромный партизанский край, где уже в 1943 году действовали четыре партизанских бригады: имени Сталина, имени Чкалова, имени Щорса, имени Пономаренко и отдельный партизанский отряд Алыбина. Почти пять тысяч хорошо

вооруженных воинов. Тысячи умелых и храбрых патриотов нападали отсюда на врага. И мне довелось воевать в этих местах. Я был членом бюро подпольного Воложинского райкома партии, начальником разведки партизанской зоны. А пуца была надежной партизанской базой. Мы считали ее родным домом.

Мне не очень хотелось затруднять собеседника, но если уж он начал разговор об Ивенецкой партизанской зоне, то из многого, что может рассказать Давид Кулович, что-то очень необходимо мне, пишущему эти строки.

Веселый человек, партизанский комиссар Иван Казак, отправив меня в сердце партизанского края и февральские снега, знал, что предлагал.

Можно, конечно, писать и без отрыва от протертого стула. Но куда лучше оставаться и, сняв военную форму, разведчиком. Архивы и через тысячу лет останутся архивами. Нужно записать и сохранить живые голоса очевидцев. А разведка — это поиск, горькие неудачи и счастливые находки.

Память у подполковника Зухбы редкая. Повидал он, наверное, столько, что и в три человеческие жизни не уляжется. Я называю имена. Давид Кулович, помолчав, говорит:

— Помню... Не встречал... Об этом слышал...

Неожиданно и для меня самого появилась вот эта глава. Точки поставил щедрый сердцем человек из Абхазии родом, белорус душою, солдат по профессии Давид Зухба.

В рассказе «Партизанская конница» я не привел слова Тугана Узденова о том, как армейцы-окруженцы готовили себе смену. На тот случай, если ударит вражеская пуля. А место в строю не должно быть пустым.

Еще в начале 1942 года армейский разведчик-диверсант майор Василий Щербина настоял на создании «партизанской лесной академии». В Ивенецкой пуше ар-

мейцы-минеры и разведчики обучали людей Белоруссии тактике, подрывному делу, умению бить врага, разгадывать его замыслы.

Туган, минер по воинской специальности, по партизанской необходимости тоже один из инструкторов, учил своему рискованному и необходимому делу на войне многих. Были среди них и шестнадцатилетние ребята. Их не всегда брали на партизанские тропы. Сидите дома. А учить учили. Кто знает ее, войну. Она может продолжаться и год и пять. Выбывших заменят вот эти мальчишки, рвущиеся в огонь, умеющие молчать и молча ненавидящие врага.

Туган Узденов называл имена: Коля, Васек, Митька. Называл партизанские псевдонимы. Я запомнил Тигра. Очень уж он, этот Тигра, неуместен для тихих и задумчивых сосен Белоруссии.

Не отыскав деда Шпонку, я и Тигру посчитал народной легендой. А легенды собирают в одном лице сердца и подвиги многих.

Подполковник Зухба тыльной стороной руки поглаживает свои смоляные и кустистые, что твой шиповник, брови, припоминает:

— О гитлеровском складе в Молодечно и речи быть не может. Факт хорошо известный. Склад был очень крупным и горел на всю область. Очень удачная операция. Партизанского тигру я встречал в документах. Представляли к награде. А вы знаете, съездите-ка в Молодечно.

В Молодечно та же щедрая сердцем Беларусь, негромкий, напевный говор.

— Военный склад немцев был. Срежь бела дня пыхнул. Трещало долго. Кто его запалил? Вроде бы чапаевцы или чкаловцы. Партизаны такие были. Как их найти? С народом говорить надо.

И я записываю, просто из уважения к людям, с ко-

торами беседую, еще не легенды, но похожие на них рассказы о народе-воине. Это даже не рассказы, а горькая боль тоскующего сердца об отце, повешенном гитлеровцами, о растерзанной сестренке, о братишке, убитом в колыбели.

Народ-воин, потерявший в те годы каждого четвертого, имеет право на уважение.

Были могилы со сбереженным для партизан оружием, от руки неизвестных героев дымом уходили в небо немецкие военные склады. Сотни тысяч патриотов и их доблесть отражены в документах, о сотнях тысяч рассказывают песни, народная молва.

Обидно. Легендой документальную повесть можно украсить, но, увы, не подкрепить.

Больше для очистки совести, чем для дела, снова листаю тома боевых документов партизанской бригады «За Советскую Беларусь». Томов этих немало. Журналы боевых действий отрядов, наградные листы, боевые и другие донесения, списки личного состава, сводки. Каждая из партизанских бригад прошла большой и героический путь. О любом из партизанских отрядов следует писать эпопеи. На успех почти не рассчитываю. И вдруг — находка! Переписываю этот документ слово в слово, с запятыми и точками, очень уж он выразителен:

«Акт

Составлен 16 марта 1944 года группой диверсантов, организованной из местного населения в составе «Чай», «Тигра» и «Незамай».

На станции Молодечно в воинском складе была поставлена магнитная мина к бочке с бензином. Горящий бензин залил склад полосой 30 метров длины и 15 ширины. В результате взрыва один немец сгорел, другой, находящийся у склада, тяжело потерпел—ранен.

Сгорело: 200 литров бензина, до 100 штук гранат,

одна тысяча (1000) винтовок и автоматов, до 7 тыс. патронов и на пять тыс. немец. солдат. обмундирования.

Увесь склад тоже погорел.

Диверсанты: *Чапай, Тигра, Незамай*».

Людская молва, что морская волна,— не остановишь. Дед Шпонка, выходит, вроде политрука учил людей верить в победу, а его внучата одним махом пустили дымом в небо крупный фашистский военный склад.

Старожилы городка Молодечно рассказывали:

— Тот склад был очень большой. Чаще всего к нему подходили колонны автомашин. Погрузку или что там еще вели немецкие солдаты. Мы старались держаться подальше. У немцев дело известное — чуть что — и очередь из автомата. Умирать кому охота? А мальчишки у склада вертелись с утра до ночи. Придет одиночная машина, шоферу разгружать ее лень, охранник тоже тюки таскать не охотник. Кликнет ребятишек. А их и звать не надо — рядом. Раз-два, и покидали что куда требуется. Голодные ведь. А немец им то коробку спичек даст, то какую-никакую денежку. Кто-то из ребят и присмотрелся. А уж как, только гадать можно.

Весной 1944 года загудел тот склад. Всполюшилась немчура, оцепили все. А склад горит и рвется. У нас и других таких дел хватало. В наших краях немцам скучать не приходилось.

Немецко-фашистским оккупантам было, действительно, весело. Кто-то подсунул в карман приехавшему гитлеровскому чину мину-малютку. Разорвало того фашиста на улице средь бела дня. Кто-то запалил эшелон бензоцистерн...

Почему кто-то? Вот еще пожелтевшая страничка из пухлой папки о партизанских делах. Написана эта страничка по-русски, но с явным мальчишеским акцентом. Где им было учиться, тем ребятам, в годы оккупации!

«Акт

составлен 15 апреля 1944 года в том, что 29 марта 1944 года на станции Молодечно подложена магнитка до бензины стоявшего эшелона платформов, при чем згорело 5-ть (пять) платформов. На каждой платформе было нагружено 18-ть бочек бензина, у одной бочки — 200 литров.

Итого згорело пять платформов и 1800 (одна тысяча восемь сот) литров бензина. При этом действовали: 1) Чапай, 2) Тигра. Магнитку от партизан доставив Незамай.

В чем и расписуемся

Диверсанты *Чапай (Акульский Иван),*
Тигра (Акульский Владимир),
Незамай (Сенька)».

Интересная деталь. Если подсчитать точнее, то сгорело не 1800 литров бензина, а 18 тысяч литров (90 двухсотлитровых бочек). Но дело даже не в том, что ребята второпях неточно подвели итог. Под донесением (оно, видимо, писалось в партизанском штабе) две настоящие фамилии.

Легенда стала былью. Известны имена двоюродных братишек Ивана и Володи Акульских. Они назовут и Незамая-Сеньку, третьего орленка из подпольной молодежной группы.

Дальше поиск кажется простым. Поможет картотека. Она составлена по алфавиту. Вот и учетная карточка партизана. Ее номер 3805. Тяжелым оказался этот листок тоненького картона.

«Акульский Иван Иванович, белорус, член ВЛКСМ, образование 8 классов. В партизанах с июня 1943 года. Разведчик-диверсант из местных, погиб 2 июня 1944 года при выполнении боевого задания от взрыва шоссейной мины-самоделки. Похоронен в деревне Хожево».

Вечная память тебе, юный белорусский Чапай. Ты еще выше поднял полюбившийся тебе героический образ легендарного героя гражданской войны. Да и сам стал героической легендой.

Еще одна учетная карточка. Ее номер 3304. Володя Акульский, двоюродный братишка Вани, он же Тигра.

«Акульский Владимир Александрович, отряд имени Кузнецова, бригада имени Чкалова. Белорус. Беспартийный, образование 4 класса, из деревни Хожево, Молодечненского района.

В партизанах с 16 декабря 1943 года. Диверсант-разведчик из местных. Передан в Красную Армию после освобождения Белоруссии 20 июня 1944 года».

Других данных о Володе Акульском нет. В Молодечно я его не нашел.

Где ты Володя? И где ты, Сеня?

Откликнитесь! Расскажите сами, как уничтожали оккупантов и помогали отцам и матерям в святой битве за родную землю.

Сеня! Похоже, ты был помоложе товарищей, может быть, ты из скромности молчишь о том, что делал, и не знаешь, что о твоих делах говорят документы. Отзовись. Расскажи, кто учил тебя и твоих друзей нелегкой и для солдата действительной службы профессии минера? Туган Узденов, его друг Абдулла Еслемесов или какой другой армейский кадровик, из числа пропавших без вести в первые дни войны?

Талантливыми и храбрыми вы оказались учениками.

С Давидом Куловичем Зухбой впоследствии мы не однажды встречались в Минске. Я показал ему эти выписки из документов. Подполковник подтвердил:

— Теперь и я припоминаю этих ребят. А делами ихними восхищался весь наш партизанский край. Имена, конечно, знали немногие. Конспирация. Обидно, что и

сейчас имена юных героев неизвестны. Но это и понятно. Белоруссия. Здесь в каждой семье был свой герой-партизан. Тысячи людей были партизанскими разведчиками и диверсантами. У нас в Барановичском военно-оперативном соединении, к слову сказать, под ружьем было около 30 тысяч человек, а содействовали нам, били врага изнутри сотни тысяч людей.

Это изматывало гитлеровскую армию, парализовало действия ее агентуры.

Фашисты дважды пытались нас раздавить. Первый раз двинули против партизан до 30 тысяч своих солдат, а второй раз более 50 тысяч. Застигли нас врасплох — немцы могли бы торжествовать победу. Но мы и планы фашистов и их силы разведали своевременно. А гитлеровская разведка горела на корню.

К особой бдительности нас призывала гибель одного из зачинателей партизанского движения в пуще Сергея Рыжака. Он был убит гитлеровскими агентами.

Тогда Столбцовский, Ивенецкий, Воложинский и другие подпольные райкомы партии провели специальную работу среди населения и создали плотную контршпионскую сеть. Она надежно закрыла нас от вражеских лазутчиков.

— Судите сами...— подполковник Зухба привычным движением приглаживает свои густые брови, раздумывает.— Западная Белоруссия десятилетия входила в состав панской Польши. Были здесь и кулаки из местных, и щедро обласканные панами хуторяне-«осадники» из военных, и тщательно законспирированные агенты польской и немецкой охранных.

Могу назвать фамилию Вег. Это был опытный и хитро спрятанный немецкий шпион. Он с провокационными целями организовал с помощью своих хозяев в Барановичах подпольную патриотическую группу, носившую название «Союз беспартийных большевиков», выдал ее

гитлеровцам и явился к нам, заявив, что бежал от расправы.

По указанию начальника разведотдела службы безопасности (СД) Барановичского округа штурмбанфюрера Адольфа Брюггемана Вег должен был втереться в доверие к партизанам, клеветой и другими способами устранить наиболее видных партизанских командиров, а взамен их поставить гитлеровских агентов, в итоге — подорвать партизанские силы в пуще.

Замысел был хитрый, продуманный и обеспеченный агентурой.

Вег был разоблачен и схвачен. Он пытался выдавать себя за патриота, но был приперт к стенке и сознался во всем.

Нам помогла и предусмотрительность. С 1943 года в партизанские леса стали приходить тысячи людей. Все они заявляли о желании бить врага. В большинстве это были честные советские люди. Но за спинами патриотов проскальзывали и вражеские агенты.

Кто они были? Из местных, чаще всего бывшие уголовники, кулачье, матерые, вроде того Вега, немецкие шпионы. Мы организовали партизанский лагерь-карантин. И через своих людей проверяли каждого добровольца. Гитлеровским лазутчикам попасть в партизанские отряды было не так-то просто.

И все же, несмотря на постоянные провалы, полиция и служба СД не прекращали своей подрывной работы.

В конце апреля 1944 года я получил срочное агентурное донесение о выступлении против нас большого карательного отряда гитлеровцев. Проводником с ним шел один из местных кулаков, хорошо знающий пущу.

Гитлеровцы хитро выбрали момент для нападения. Все партизанские отряды за десятки верст ушли в рейды для нанесения ударов по фашистским коммуникациям,

Проводился очередной «партизанский концерт» — уничтожение линий железных дорог. Фашисты решили внезапным ударом разгромить Барановичский подпольный обком, штаб соединения.

А подступы к Лысой горе, где размещались обком и штаб, партизанский аэродром и госпитали, типография и склады, охраняло всего несколько малочисленных тыловых подразделений.

Один из гитлеровских агентов все-таки проник в нашу среду и, сбежав на марше, передал оккупантам об уходе партизанских отрядов на боевые операции. Но этот мерзавец знал немногое. Не представлял он и того, что отряды действуют по графику и что сразу же за уходом последнего отряда должен вернуться на базу ушедший первым отряд имени Кирова. Тревожные то были часы. Ведь отряд мог и задержаться. Мало ли что может случиться. Но, к счастью, отряд вернулся точно. В указанный час. А отряд был крепкий. Им командовал армейский политрук Курман Кипкеев. Секретарь подпольного обкома Василий Ефимович Чернышев и приказал Кипкееву разгромить карателей. Сориентировался Кипкеев моментально. Он знал, что к Лысой горе путь один — тропа через невысыхающее болото-трясину. На тропе и устроили засаду.

Кировцы подпустили эсэсовцев на десять-пятнадцать шагов. Ударили в упор, перешли врукопашную. Стреляли, дрались штыками, прикладами, ножами. Сломали врага. Карателей вел эсэсовский полковник. И его самого, и почти всех его солдат и офицеров кировцы перебили. А того предателя, что нацелил гитлеровцев на наш штаб, фашисты сами повесили. Решили, видимо, что он их обманул а может быть, и просто так, со зла. К предателям ни у кого нет ни веры, ни жалости.

Кипкеев проучил фашистов... Кипкеев, наш земляк. Вот и еще один эпизод его партизанской жизни.

А судьба предателя примечательна. Выслуживался, продавал тех, с кем ел из одного котелка и курил пущенную по кругу самокрутку. Зарабатывал иудины деньги и от хозяев же получил бесплатный пеньковый галстук на шею.

Были и они, люди, которых совестно и по именам-то называть. Но они были. Один из таких, некий Казаченко, имел задание уничтожить командира Сенненской партизанской бригады Василия Леонова и его заместителя Кичибатыра Хаиркизова.

Великий русский гуманист Максим Горький о таких иудах говорил: сравни предателя с тифозной вошью, и ты оскорбишь ее.

История этой черной подлости такова.

У него, у Казаченко, было имя и отчество. Я не называю их. У кого-то в Белоруссии и сейчас такие имена. Их при рождении любящие отец и мать дают сынам.

— Ты будешь номер зэт драй унд цванциг. По-русски двадцать три.— Гауптман полистал немецко-русский военный разговорник, досадливо оттолкнул его.

— Зэт драй унд цванциг, твой задача бегать из лагеря. Собирай себе группа человек. Лучше, если оно будет офицер и большевик. Не надо поспешай. Бегать нужно по-настоящий. Ми будем ловить беглец и устраивать показательный справедливость. Пороть, вешать. Ты получаешь деньги, хороший еда. Потом будет другой задания. Иди на выход, нумер драй унд цванциг.

Если человек согласен стать номером у врага, он становится предателем.

— Курт!

Огромный, гориллаобразный в лопающейся по швам форме верзила вырос в двери, упираясь головой в прилолку.

— Герр гауптман?!

— Будешь смотреть за этим номером. Сорвется —

не будет отпуска, не будет шнапса, будут фронт, траншеи и русские пули. Русские отличные стрелки. Что известно о твоих братьях, Курт?

— Во имя Великой Германии и дорогого фюрера геройски...

— Довольно. Ты тоже можешь... геройски. Работать нужно. Бежать будут десять-двенадцать комиссаров. Двух отпустим. Один из них будет номер драй унд цванциг. Они пойдут к партизанам. Понял, остолоп?

— Яволь, герр гауптман!

Начальник окружной службы безопасности поднялся из-за стола, скептически осмотрел тушу, заслонившую дверной проем, и повторил:

— Курт, тебе будет очень плохо, совсем плохо, если с этим номером не получится дела. Ты знаешь, что такое плохо? Плохо, это когда нечего кушать, когда спишь на земле и каждую минуту можно отдать воздух — так говорят русские. И если ты провалишь эту операцию, то поедешь туда, где много, очень много русских пуль. А русские умеют и штыками действовать. Ты понял?

— Яволь!

— Убирайся! — гауптман прошагал от стола к окну и обратно, закурил, рассеянно побарабанил по зеленому сукну, обтягивающему крышку стола, подумал вслух:

— Двадцать третий — находка. Местный, согласился без принуждения. Побег получится. Остальное трудней. Много трудней.

Эт драй унд цванциг вместе с другими жадно поглощал лагерную похлебку — его сознательно держали в черном теле, — с показной ненавистью провожал глазами лагерное начальство. Держался поближе к молчаливым и сдержанным военнопленным. Нутром чувствовал — они, эти молчаливые, — сердце лагеря. Заросший, как и все, колючей щетиной; как и все, вечно голодный приветил умирающего ясноглазого паренька, сглатывая го-

лодную слюну, отливал ему своей баланды, отщипывал крохи от землистой пайки. Шептал:

— Бежать надо... Уходить. Сгинем под немцем.

Ясноглазый, того не ведая, стал мостиком. Бежало четырнадцать. Подрыли колючую проволоку и ушли. Вел двадцать третий. Зэт драй унд цванциг. Он, захлебываясь, убеждал:

— Я местный. Все тропки знаю. Выйдем к лесу, там партизаны. Родная земля не выдаст!

Измощенных и безоружных их взяли на ночлеге. В копнах сена, когда казалось, что светлая воля не кончится. Прорваться было невозможно, и все же той июньской ночью из копны, стоящей у дороги, трое ушли. Среди них был и зэт драй унд цванциг.

«Наш агент зэт драй унд цванциг заслан в партизанскую бригаду Леонова с задачей уничтожить комбрига и его заместителя. Легализован как беглец из лагеря. Для прикрытия отпущено двое военнопленных солдат. Одиннадцать руководителей большевистского подполья в лагере при попытке к бегству схвачены и в назидание другим подвергнуты казни. Хайль Гитлер!»

— Зэт драй унд цванциг, ви работал молодец! Позавтра идешь родной дом, нах жена. Детки нет? Будут. Вам сопровождает Курт. Это ваш шеф. Наши люди,— немец полистал разговорник,— будут обеспечивать ваш операций. Вот награда,— немец протянул агенту пачку русских червонцев и пистолет «вальтер».— Деньги мусор пускать нет нужно. Трать тихонько. Деньги дадим много. Их поберегай. Ты беглец — кушать нет, деньги — нет, оружия нет. Стреляй в спину. Это удобно. Убрать нужно Леонова — он комбриг — и его помощника, кличка какой-то Шварц, по-русски — Черный. Фамилия Хаиркизов,— немец несколько раз запнулся,— отшель опасен. Дело трудное. Вернешься — медаль, погоны ефрейтора и десять тысяч.

Ночью стук в темное окно бревенчатой хаты.

Как не узнать этот силуэт. Два года ждала. Глаза выплакала. Приходили и свои, окруженцы, и чужие, осевшие по соседским хатам. Верила в счастье, в заветную долю. Ждала своего солдата. Вот и он.

Вошли двое. Муж коротко бросил:

— Завесь окно. Собери на стол,— достал из кармана угольчатую бутылку.— Дай стаканы.

Жена, порозовевшая, покачивая бедрами, поплыла по горнице.

Двое, налив по полной, выпили. Женщина с загоревшимися глазами, прильнула к мужу. Любовно провела ладонью по его плечу. Засмутившись перед чужим, молчаливым и страшным, налилась огнем, неловко склонилась к тарелкам, показав молочное тело в вырез блузки.

Чужой прилип глазами. Хрипло произнес:

— Ви... пей компанию. Водка найдем.— И потянул из кармана куртки записную книжечку. Тяжело сопя, стал писать. Приказал хозяину:

— Отнеси эта адрес. Бистра. Возьмешь водка. Иди. Испуганной перепелкой метнулась женщина.

— Я пойду!

— Оставайся свой дом. А ты быстро уходи. Шнелы!

Муж вышел, слыша грохот упавшего стула и хриплый голос:

— Ти царапай не надо. Гут, гут, аллес гут...

«Задержи на полчаса. Дай две бутылки шнапсу»,— было написано на листке бумаги. В полицейской управе сонный дежурный долго чего-то писал, куда-то уходил, принес бутылки, заставил написать расписку, взглянул на часы, махнул рукой: «Иди!»

Все понимая, открыл дверь дома. Жена, поблекшая и заплаканная, прижималась к стенке. Сытый и огромный немец, чавкая, закусывал:

— Принес шнапс? Лей! Хороший здоровье!

— Товарищ комбриг! Женщину задержали. Плачет. До вас просится.

Леонов поморщился. Саднило голову, вчера контузило. Сорвало фуражку, обожгло висок. По армейской привычке комбриг фуражку носил щегольски, чуть сдвинув на бок. Фуражка заметная, видно немецкий снайпер углядел. По ней и выстрелил. Чуть бы точнее, и наповал. Хорошая была фуражка, когда снова такую найдешь?

Комбриг зол. Голову разламывает. А тут еще баба какая-то просится. Принесла ее нелегкая.

— Ладно, веди женщину. Видно, дело есть.

Женщина миловидная, плотная, как говорится, в полном соку, но трясется и не говорит, стонет:

— Не могу больше я. Опоганена. Муж загубил. У вас он. Предатель, фашистам служит...

Комбриг слушает молча. Голова болит. А пуля, выходит, могла быть и со спины. Черт. Не ждал такого. Бой был обычный. Гитлеровцев подкараулили из засады. Открыли огонь. Очередь дал и он, перебежав, упал к сосне-великану, тут и ударило. Сосна вроде прикрывала, а пуля ударила в фуражку, козырек разбила и шарпанула по волосам.

За столом в шалаше трое: комбриг, его заместитель, начальник особого отдела.

Кичибатыр подхватывается. Он здесь самый молодой.

— Кто он?

Женщина белыми губами, шепча, называет имя, фамилию.

Начальник разведки роняет:

— Есть такой.— И со значением комбригу:— На проверке. Вчера участвовал в засаде. Активно вел огонь. Был недалеко от тебя.

Кичибатыр Хаиркизов выскакивает из шалаша, останавливает двух проходящих партизан.

— Привести Козаченко! И чтоб не ушел!

А женщина, истекая тоской, все говорит и говорит:

— Немец этот и раньше не стеснялся. А сейчас с приятелями ходит. Напьются и... говорить муторно... Человек я... Сжальтесь.

Леонов все растирает висок. Лицо его багровеет.

— Твоего позора нет. Разберемся.

Двое вводят в шалаш арестованного. Увидев женщину, тот дергается в сторону, но две железные руки плотно ложатся ему на плечи.

Леонов спрашивает:

— Он?

— Он и есть.

— Обыскать!— Партизаны обшаривают карманы задержанного и выкладывают на стол поблескивающий черным лаком маленький «вальтер», вытаскивают обойму. Одного патрона нет... Вчера выстрелил, гад?

У задержанного серое лицо. В глазах его мечется ужас.

— Уведите!— приказывает Леонов.— Нужно судить подлеца. Сегодня же.

Омытый прозрачным летним дождем лес до корней вековых сосен пронизан солнечными лучами, дышит ароматом хвои, теплом зеленой травы.

Комбриг сжимает руку в кулак, говорит Кичибатыру:

— Займись гарнизоном в селе, откуда этот Козаченко. И немца этого взять надо.

— Доверьте мне позор искупить,— просит женщина.

— Тебе?— Леонов хмурится.— Непростое это дело. Мы аккуратней сработаем.

Женщина валится на колени.

— Родненькие... Сгорело у меня все. Зола пересыпается вместо сердца. Дайте расплатиться за муки.

Начальник разведки задумчиво вертит в руках немецкий пистолет.— Стрелять умеешь?

— Могу. А что не знаю, покажете. Немец явится не сегодня-завтра. Решу его и приду к вам. Только не гоните меня...

— Детей нет?

— Одна я...

— Ну, что ж... Возьми пистолет.

Деревня — на перекрестке дорог. У немцев здесь сильный гарнизон. Где-то рядом партизанская бригада. Гитлеровцы подбираются к ней.

Массивный, лоснящийся от жирного пота немец хозяйски носком сапога толкнул дверь, бросил на стол пакет, приказал женщине:

— Жарить. Быстро, — и стал расстегивать френч.

Женщина взяла пакет, вышла на кухню и тотчас вернулась, держа руку за спиной. Немец, сидя за столом, ковырял пробку в граненой бутылке.

— Ти будешь выпить? — и осекся. В лицо ему смотрел черный зрачок пистолета.

— Эй-эй, кинь его! — Женщина, прищурив глаз, сделала шаг и выстрелила. Бутылка разлетелась вдребезги. Немец схватился за грудь. Еще и еще выстрелы. И вот огромное тело распластано на полу.

— Ти, ти... — нашаривая трясущимися руками кобур, в дверях стоял второй гитлеровец. Рванувшись назад, он споткнулся о порог. Женщина дважды выстрелила ему в спину. Гитлеровец упал. Во дворе раздались крики. Рванув дверь, в комнату вскочил еще один фашист. Увидев трупы, рванул назад и захлопнул дверь.

Брызнули осколки стекла. Со двора в окно дали очередь из автомата, вторую. Женщина, набросив на дверь крючок, подобрала оружие убитых и, прижавшись в угол несколько раз выстрелила в окно.

— Партизан, выходи! — слышались крики со двора. — Хату жечь будем!

Женщина снова выстрелила. Потянуло дымом. В разбитое окно влетел пук горящей соломы. Женщина продолжала стрелять. Комната наполнялась дымом.

— Эй, выходи!— дверь задрожала под ударами. Женщина разрядила в нее обойму. Грохот прекратился.

Вспыхнула залитая спиртом скатерть. Огоньки, потрескивая, побежали по доскам крашеного пола. Тогда женщина провела рукой по груди, нащупала сердце и приставила к нему дуло пистолета.

На окраине местечка затрещали выстрелы. Налетели партизаны. После короткого боя, к вечеру остатки гитлеровского гарнизона поспешно отошли. Перед зданием полицейской управы, у поставленной фашистами виселицы собрались люди. Рядом живой, но уже раздавленный страхом, жалкий человечешко.

В толпе голоса:

— Да ведь это Козаченко!

Это он и есть, бывший земляк, нуда, зэт драй унд цванциг. Это он предал беглецов из лагеря военнопленных, он отдал жену на поругание, он стрелял в спину партизанского комбрига.

— За измену Родине, подлое предательство — к смертной казни через повешение...

— Мало ему! На куски разорвать гада!..

— Приговор привести в исполнение!

Обжигаясь о ненавидящие взгляды, предатель бредет к веревке, трясущимися руками растягивает петлю.

Все. Был человеком с Родиной, именем, имел семью. Все предал. Оказался гнидой, и гниду раздавили. И не хочется называть его имя. Он опоганил его.

Каждому свое: героям цветы и песни, народу за доблестных сынов — слава, а предателям — подлая смерть и позор.



САБУРОВЦЫ

РОДИНА ПОМНИТ, РОДИНА ЗНАЕТ...

В июне 1946 года двадцатипятилетний Алеша Гнездилов вернулся в родной Кардоник. И парень собой неплох. И ухватка во всем казачья. А на гимнастерке всего-навсего один гвардейский знак.

Кое-кто из таких же фронтовиков подкалывал:

— Доложите, гвардии старший сержант артиллерии, как воевалось, какой каптеркой заведовали?

Алексей отвечал со спокойной улыбкой:

— Каптерка — дело тоже важное. Без сапог и штанов много не навоюешь.

Задавали вопросы и пообиднее.

— Вы были в окружении?

— Был, но в составе батареи пробился в Брянские леса к партизанам Сабурова. Александр Николаевич Сабуров, Герой Советского Союза, генерал. Справедливый, настоящий командир.

— Где попали в окружение, когда?

— У реки Десны. В плену не был. Дрался всю войну.

Алексей Гнездилов по-русски бил врага, умело и крепко.

Сейчас музеи и архивы страны завалены письмами юных участников походов по местам боевой славы.

— Пожалуйста, пришлите документы о наших земляках-воинах!..

— Пожалуйста, расскажите, как учились и воевали питомцы нашей школы!..

— Пожалуйста, помогите собрать фотографии участников Великой Отечественной!..

— Пожалуйста!.. Пожалуйста!.. Пожалуйста!..

Не ответить нельзя. Но как отвечать? До обидного мало сохранилось документов. А многих воинов уже нет. Известно о них далеко не все. Не удивительно, что книги о Великой Отечественной расходятся буквально

в несколько дней. Рассказы о войне — любимое чтение пионеров, комсомольцев.

Великая Отечественная потрясла всю нашу страну, оставила неизгладимый след в истории. Во многих семьях, как немеркнущая память о героях, хранятся боевые медали солдат, близким переданы на вечное хранение ордена погибших героев.

Великая Отечественная полыхала пламенем смертельной борьбы вековых сил света и мрака. Черная фашистская свастика не затмила животворного солнца. Одним из тех, кто самоотверженно бился за счастье народа, был и скромный солдат Алексей Гнездилов.

В личных документах бывших военных есть записи о прохождении воинской службы. Привожу эти записи из военного билета сержанта Алексея Гнездилова, сейчас уже пятидесятилетнего проходчика шахты № 1 треста «Ставропольуголь», что в горах Карачаево-Черкесии.

Вот эта выписка:

1. Артиллерийский разведчик 393-го гаубичного артиллерийского полка: апрель 1940 года — декабрь 1942 года.

2. Раненобольной. Эвакогоспиталь: апрель 1944 года — июнь 1944 года.

3. Командир отделения 89-го запасного стрелкового полка: июнь 1944 года — август 1944 года.

4. Помощник командира стрелкового взвода 17-й гвардейской стрелковой дивизии: август 1944 года — январь 1945 года.

5. Раненобольной. Эвакогоспиталь: январь 1945 года — апрель 1945 г.

6. Стрелок 202-го запасного стрелкового полка: апрель 1945 года — июль 1945 года.

7. Командир орудия 174-го стрелкового полка: июль 1945 года — май 1946 года.

Не трудно заметить в этом солдатском формуляре

немалый пробел. Что делал солдат Алексей Гнездилов с декабря 1942 года по апрель 1944 года?

Есть и такая графа в армейских документах наших людей: «Участие в боях, боевых походах, партизанских отрядах». У сержанта Алексея Гнездилова в этой графе записано:

«В партизанском соединении Сабурова, отряд имени Жукова с 20 декабря 1942 года по апрель 1944 года».

Записана только боевая партизанская служба. Здесь точно указали день ранения. Армейские медики уточнили дату приема раненого партизана в свой госпиталь. К этому нужно добавить, что еще почти два месяца тяжелораненого Алексея Гнездилова спасали партизанские фельдшеры. Получается, что солдат провоевал войну от звонка до звонка: бои да госпитали, снова бои после излечения. А вернулся домой и глаза от людей прятать надо.

Но это не так. И командиры его ценили, и Родина лаской и отличиями не обижала. То, что солдат заслужил,— это твое. Каждый твой шаг командиры видят. Доложат. Отметят. Лег командир в бою. Это и твое горе неизбывное. И воевать тяжелее будет, и сам ты останешься безымянным. Солдаты воюют. А командир, кроме того, еще ведет летопись доблести армейской. Не зря же сами солдаты говорят:

Потерял командира в бою,—
Потерял и доблесть свою!

У сержанта Алексея Гнездилова немало было командиров за долгие годы войны. Многие погибли в огне, не успев исполнить свой долг — донести по службе о ходе боя и отличившихся. О тех, кто решал судьбу боя. А годы были огненные, страшные: сегодня бой, сегодня же и вечный покой,— хорошо, если найдут и похоронят тебя боевые друзья, а может быть, враг одолеет, и по-

литая твоей кровью земля, хоть и на время, останется у врага, и на ней ты безмолвный. Тогда твое последнее счастье, если подберут неизвестные, но родные руки, и хоть ляжешь ты в землю без грохота прощального салюта, без четкого стука подошв солдатского строя над головой,— тебя погребут свои. И оплачут.

Вроде бы мертвым все безразлично. Неправда. Солдат имеет высокие права. Погибший в бою уходит из жизни под гром салюта, возвещающего и победу и бесмертие защитника Родины. Прощальный залп для солдата то же, что и горсть родной земли, упавшая на доски гроба из рук, которые готовы, всегда готовы приглубить ушедшего. Всегда готовы были отдать многое, и в прощальный час, скорбя и негодуя, отдают земле самое святое — свои сердца.

Возможно, и не думалось об этом. Но кому хочется лечь даже и в родную землю чужеродным бобылем, изгоем без рода и племени, без Родины, без друзей?

От правды не уйдешь. Было и по-другому. По большому счету мужества. Смертельно раненный в бою офицер из студентов или кадровик, выпускник военной школы, мальчонка-лейтенант, напрягая последние силы, диктовал медсестре на госпитальной койке имена отличившихся солдат и умирал, не успев написать последнее письмо матери своей. А она-то, единственная, до своего последнего дыхания ждала, а может быть, и сейчас ждет это последнее сыновнее «прости». И лейтенант, ротный или взводный командир, человек мужества и долга, тоже мог по нелепой и проклятой логике войны остаться безымянным. Он, забывая о себе и близких своих, успел доложить о подчиненных, а если его командир погиб, о нем самом доложить некому. В боевой обстановке счастье редко заглядывает на линию фронта, как и в палаты умирающих от ран воинов.

Война — это кровавая накипь на истории челове-

ства. В войнах гибнет и самое светлое и самое несокрушимое. К чести русского народа,— мы войны не развязываем. Наши друзья и товарищи тоже в чужих землях не нуждаются.

На войне один закон: огонь и смерть. У жизни мирной тоже свои правила. Бои отгремели. Надо возрождать жизнь, пахать и строить.

В родной станице Кардоникской встретил бывалый и вроде бы ничем не отличившийся солдат свою судьбу — Варю. Девушку, для которой он и без орденов и медалей был единственным и самым лучшим.

А потом началось совсем непонятное.

Вызывают в станицу Зеленчукскую, в райвоенкомат.

Он, теперь уже гражданский человек, а думает все по-солдатски: а вдруг чем-то проштрафился? Начальство чаще всего зовет воспитывать.

— Вручаю орден Красной Звезды за боевую доблесть. Сердечно поздравляю!

Военком прижал солдата к сердцу. В те первые, послевоенные годы, это случалось не часто, чтобы вручали ордена.

И еще вызов. И снова орден, о котором мечтали и солдаты, и офицеры, и генералы. Второй орден Красной Звезды.

Звезда моя, звезда моя!..

Так писал поэт и солдат в первые дни Великой Отечественной Виктор Гусев. А на солдата, обычного защитника родной русской земли, обрушился целый звездопад.

Вторая «Красная Звезда», за ней — третья. Серебряная медаль «Партизану Великой Отечественной войны», медали за победу и взятые с бою вражеские крепости и столицы.

Смущается солдат. На сердце радостно, но уж что-то многовато наград.

— Я, Варя, воевал, как все. Не одному мне такой почет вышел.

А чего смущаться, солдат?! Лишнего тебе не дали. Воевал не жалея крови своей, не думал ты о жизни, не боялся последнего окопа (а из него и по зову матери не поднимешься), и этот окоп, кляня войну, вырыли бы тебе дружки-солдаты.

Воевал ты как надо. Не забыли твою доблесть командиры, посылавшие тебя в огонь и на пули.

С гордостью носи знаки воинской славы, не стесняйся рассказать юношам о боевом пути своем, о навечно умолкших друзьях. Ты один из многих тысяч, кто сражался за Родину, отстоял ее, сокрушил врага. А это было трудно, очень тяжело. И все же победили мы.

ЗА ЧТО ДАЮТ СОЛДАТАМ ОРДЕНА

Случилось это в мае 1943 года. Группа партизан-сабуровцев заминировала железную дорогу. Гнездилов — впереди со шнуром в руках ждет состав. Остальные метрах в ста позади прячутся в леску, чтобы не демаскировать подрывника.

Начало светать, а эшелона все нет. Конец мая, на зорьке прохладно. Гнездилов ежится, нервничает. Что-то случилось: надо ждать не эшелон, а вражеский патруль. Так и есть. Группа до тридцати гитлеровцев прочесывает местность, тщательно осматривая железнодорожное полотно. Партизана отрезают от леса. Обстановка тревожная, что делать? Уходить поздно. Изрешетят. Лежать? Все равно обнаружат!

Ага, большая группа немцев сгрудилась на полотне: отыскиали мину. Ну, держитесь! Алексей рывком дергает шнур. Грохот взрыва. В воздухе рельсы, шпалы. Дым, пыль. Немцы попадали. Гнездилов бегом к ржаному

полю, а оно до леса. По ржи и ушел. Сработала и эта партизанская мина. До десятка немцев уничтожила и подрывнику помогла уйти.

А растеряйся солдат, плохо бы ему пришлось.

Или случай под Кенигсбергом. Гнездилов уже снова в армии. Наша и немецкая разведгруппы столкнулись лицом к лицу. Силы примерно равные: и тех и других по семь-восемь человек. Дело идет к полуночи. И наши и немцы в маскхалатах. Сориентируйся тут. Гнездилов по оружию и манере держаться определил, что перед ним враги.

— Огонь! — эта команда выручила наших разведчиков, которые чуть было не влезли в расположение фашистской танковой части. Зарытые в землю танки гитлеровцев стояли рядом.

Но тут началось! И танки загрохотали, и автоматная трескотня пошла, и мины зачивкали. Немцы палят в темную ночь, словно боеприпасов не жалко. А наши разведчики отлежались, прислушались: кто-то стонет. Гнездилов с напарником туда. Немец, видно, из «тотальщиков» — хлипкий, маленький, лицо мокрое, вроде слезы, натерпелся, видно, страху. Сунули ему собственную же пилотку в рот, поволокли: «язык» командованию всегда пригодится; таскать пленных с вражеской передовой — постоянная забота разведчиков. И не всегда они так легко достаются.

Неделю назад с дружкой Генкой-сибиряком пробрались во вражескую траншею. Гнездилов спрыгнул вниз, попал на что-то мягкое. А оно как взвояет, промежду ног, и ходу. Хорошо, Генка нашелся: сорвал с себя каску, шарах немца по башке, тот и присел. Выгашили трофей из траншеи, потянули к себе. Но шум-то уже пошел. Гитлеровцы ракет навешали, осветили местность и давай садить изо всех видов оружия. Ночь, снег глубокий да маскхалаты выручили. Ночь добрый помощник. — «А от

немецких траншей до нашего переднего края,— улыбается Гнездилов,— мы с Генкой такие борозды пропахали, что в них хоть пушки прячь». Ползли, не поднимая голов. Пронесло. И потрудились не зря — крикун унтер-офицером оказался. А в другой раз, гляди, и на более простом деле пулю или осколок схлопочешь за милую душу.

Боевые эпизоды. Сколько их может припомнить бывалый солдат! Был он и артиллеристом, и стрелком, и разведчиком. Не уронил своей чести и в партизанах: и вражеские гарнизоны громил, и фашистские эшелоны опрокидывал, приходилось и отступать, и в атаки ходить, и боевым друзьям под огнем противника раны бинтовать.

Да разве дело только в боевых эпизодах?

Он всегда был на своем месте, знал и честно выполнял суровые законы солдатской дружбы.

С апреля 1940 по май 1941 года служил Родине солдат. Шесть лет в строю. Почти четыре года в огне боя да по госпитальным койкам, где тебя режут и сшивают, колят и держат на том же самом нелегком армейском режиме.

В конце 1942 года перед прорывом из окружения, вспоминает Алексей Гнездилов, его «царапнуло»: с клочками шинели и гимнастерки вырвало из правого предплечья кусок мяса. Ругнулся, выломал из патрона пулю, по старому солдатскому рецепту присыпал рану порохом и побежал догонять товарищей. Лекпом, ходивший у партизан в фельдшерах, накладывая повязку с реванолем (других лекарств и в помине не было), посочувствовал:

— Здорово тяпнуло. Но сам знаешь: были бы кости целы...

Попадало и покрепче.

В бою 10 апреля 1944 года при штурме вражеских

укреплений пуля ударила его в правую сторону лба и вышла в затылочной части. Хирурги полевого госпиталя сделали трепанацию черепа, отходили парня.

Придя в сознание, солдат поинтересовался:

— Ну, как мои дела? Отцу-матери писать или обойдется?

Дежурная сестра поняла вопрос:

— Помалкивай больше да сил набирайся. Таковую пулю выдержал, а уж наши врачи выходят!

Три месяца выхаживали, поставили на ноги, все допытывались: не болит ли голова? Отшучивался:

— А с чего ей болеть-то?

— Годен к строевой,— признала медкомиссия, а ее председатель, хирург, оперировавший Гнездилова, напутствовал его крепким рукопожатием и словами:

— Воюй, гвардеец, победа уже не за горами, да только хоть мы люди и гостеприимные, к нам больше не попадай.

— На передовой оно веселей,— отозвался солдат,— а госпиталя стороной обходить буду...

Не удалось. На кенигсбергском направлении помощник командира стрелкового взвода гвардии старший сержант Гнездилов получил третью пулю — в руку. Опять госпиталь, снова хирурги и операции.

— Везучий ты, сержант, удивлялись врачи,— судя по шраму на голове, смерть на сантиметр ошиблась, а сейчас тоже несколько сантиметров, и был бы разбит локтевой сустав, с правой рукой пришлось бы распрощаться.

Но и с его «везучестью» пришлось гвардейцу снова отлежать два месяца в госпитале. И правая рука стала, «как новая», и снова в строй, на фронт, ускорять День Победы.

Полил своей кровушки солдат, зато и перед врагами в долгу не остался.

Встретил он войну на границе, неподалеку от белорусского города Слуцка. 22 июня на рассвете, когда батарея, где Гнездилов служил корректировщиком, шла занимать новые позиции, ее неожиданно и подло атаковали фашистские бомбардировщики. Батарея быстро рассредоточилась, солдаты по-уставному попадали на землю, стволы винтовок и пулеметов — вверх, и по фашистским стервятникам ударил плотный свинцовый град. Немцам, которые атаковали дивизион чуть ли не на бреющем полете, пришлось набирать высоту.

Потери от бомбежки были небольшие, и то в конском составе (батарея была на конной тяге). Солдат до ярости возмутило вероломное нападение гитлеровцев.

Новые позиции советских артиллеристов были почти на самой границе. От гитлеровцев их отделяла полоса кустарника с редколесьем да неглубокая речушка.

На следующий день войны, рано утром, гитлеровцы начали танковую атаку. Тут артиллеристы припомнили немцам и вчерашнюю бомбежку: 122-миллиметровые пушки — гаубицы — штука серьезная, особенно если бьют прямой наводкой.

После первого боя немцы недосчитались полдесятка танков и более взвода солдат. Вторая атака, и ее итоги также неутешительны для фашистов. Наши пушкарки с незапамятных времен — краса и гордость России, неурушимо держат священный для каждого советского человека рубеж — границу.

Атака за атакой. Трое суток советские артиллеристы крушат нахально лезущих вперед захватчиков, их боевую технику.

Неудачные для нас итоги пограничных боев в начале войны мы не забываем, не имеем права забыть. Недруги наши раздувают первые успехи предательски напавшей Германии на мирную страну. Что ж, это неудивительно.

Но стоит помнить и то, во что обошлись гитлеровцам их в общем-то недолгие и совсем уж непрочные победы. Говоря о начале войны, не стоит забывать и ее конец.

Солдат Гнездилов вспоминает:

— Танков немецких на участке дивизиона сожгли и разбили 15 или 16. Впереди меня вспыхнуло четыре танка. Некоторые, чадя и ковыляя, словно на костылях, все-таки уползли. Вражеской пехоты полегло роты две с гаком. Но,— сразу же уточняет ветеран Великой Отечественной,— пехоту гитлеровцев нужно отнести на счет нашего стрелкового охранения. Оно сработало на пять со многими плюсами. Без наших стрелков немцы смяли бы наш тяжелый артдивизион.

Поступил приказ отойти. Завели коней в упряжки, покатали. Дошли до укрепрайона. Приказ: остановиться. А нам и самим отступить неохота. Заняли огневые позиции. Лезут вражеские танки, пехота, грохочет немецкая артиллерия. И мы снарядов не жалеем. Снарядов хватало. Бывало, пушки расставляли веером — окружает гитлеровец. Все равно отбивались и отходили, не теряя боевого порядка, сами готовые к наступлению.

Так с непрерывными боями пятились до Десны. Река эта солидная, хоть и тихая, на ней областной центр город Брянск стоит.

Здесь оборону держали крепко. Потом отвели нас на переформирование. Прошла первая военная зима. Пополнение было обучено, техника пополнена. Немец под Москвой получил хорошую зуботычину и покатился назад, теряя десятки тысяч солдат, тысячи орудий и танков. В весеннем наступлении 1942 года приняли участие и мы. Хорошо шли. И в «клеши» гитлеровцев брали и в «котлах» парили. Поучили их и наши тяжелые пушки, с которыми мы начали обратный путь к границе.

Народ у нас в дивизионе подобрался многонациональный, но крепко спаянный солдатской дружбой. Сре-

ди них немало было и ставропольцев. Нас из Зеленчукского района оказалось 12 человек. Растасовали по батареям. Уже после войны встретил земляков — однопольчан: Даниила Мизюру да Ивана Касаева. Радостными были встречи. Иван и Даниил воевали на совесть, хоть и попали в огонь почти мальчишками. Они помоложе меня, а я первый бой принял в двадцать один год. Тогда думал: ох, какой я взрослый да сурьезный, а сейчас оглядываюсь назад и понимаю: недорослем я в начале войны был самым настоящим. Присягу сполнял, как и другие годки, ревностно, службу любил, отделенного, не говоря уже о старшине, уважал вроде батьки справедливого, а понятия о жизни, как сейчас разумею, было у меня с поросенкин хвост.

Алексей Александрович тепло посмеивается над понятной каждому, стоящему на полувековой грани человеку, самоуверенностью молодежи. Не один он был таким в свой возраст. Добавляет:

— А дрались лихо! — и сразу же уточняет — гвардии старший сержант Гнездилов любит ясность: — Били немцев с воинским мастерством.

Мы разговариваем неторопливо. Вечер предсубботного дня. Настежь открытое окно, бабочки, атакующие электрическую лампочку. Июль. На ставропольских равнинах он нередко дьявольски ветрен, а пыльные бури Ставрополя — это такой аттракцион, которого и черт не выдержит. А здесь, в горном шахтерском поселке Орджоникидзевском, после заката яркого южного солнца прохладно, ласково, тихо. Лишь неугомонная, стремительная и неумолчная Кубань — до нее десятка четыре метров от дома Алексея Александровича и Варвары Павловны Гнездиловых — бурлит и шумит, шлифует друг о друга голыши и обломки гранитных скал, которые катит эта неумемная река из-под седого, затаившего до поры до времени свою исполинскую мощь Эльбруса.

Два фронтовика-гвардейца всегда найдут общий язык. Алексей Гнездилов говорит:

— И вот у той же самой Десны, куда мы отступили, а в том 1942 году, откуда начали наступать, немец нас и подстерег. Силенки у гитлеровцев еще были. Успели они подтянуть резервы. И навалились. Гремит кругом. Пушки уже не веером, а в круговую оборону развернуты. И дорогих наших побратимов, армейских стрелков, прикрывающих нас от вражеской пехоты, все меньше и меньше. И снаряды кончаются. От ездовых требуют боеприпасы, продовольствие, бинты, а им не проскочить. Окружил немец наш артдивизион плотно, жмет. У нас старшина был дотошный. как уж он смог, спасибо ему, а у наших батарей снарядов с загашником. И запас, похоже, немалый, соседям выделяем подмогу. Фашистов держим и колотим. Но и враг нажима не ослабляет.

В огневом взводе младшего лейтенанта Дубровина вся оружейная прислуга погибла, об упряжных конях и говорить нечего — мишень крупная, немцы их повыбили в первую очередь. Прибегает Дубровин к командиру батареи лейтенанту Белому, а он хоть и сам усы отрастить не успел, а по хватке и злости к врагу не уступит и участникам прежней войны с германцами. Приказывает мне, а я был рядом:

— Гнездилов, взять трех бойцов и в распоряжение младшего лейтенанта Дубровина.

Младшему лейтенанту дополнительный приказ:

— Возглавить группу. Выяснить обстановку. Собрать раненых. Пушки немцам не отдавать. Драться до последнего. Обстановку доложить через Гнездилова. Невыполнение приказа сочту трусостью и предательством. Арест и военный трибунал. Не найдем трибунала — именем Родины и своей властью! Ясно!

— Ясно, товарищ лейтенант!

— Выполняйте!

— Слушаюсь!.. — отчеканил молоденький офицер в окровавленной шинели, сам чудом уцелевший в неравной схватке, израненный, измученный, но не потерявший ни офицерской доблести, ни своей юн шеской гордости. Тут же запальчиво и горячо добавил:— Я и без трибунала и без приказа могу сам... Сам могу приговорить себя, командир!..

Комбатр — так сокращенно называли командиров батарей, а Белых был ну, может, года на три старше Дубровина — воевал, правда, от границы. Этот разговор запал в память как будто был он вчера. Тяжелый, жесткий и, на первый взгляд, несправедливый. А какая справедливость у войны?

Алексей Гнездилов снова ненадолго замолкает.

— Младший лейтенант Дубровин был из молодых, да, как говорится, из ранних. Его огневой взвод считался если не лучшим, то и не хуже лучших. Это знал и командир батареи лейтенант Белых, и командир дивизиона капитан Синельников, а капитана мы считали уже бывалым и немолодым человеком, хоть было ему лет около тридцати. Он умел быть и душевным и безжалостным, когда это нужно. Офицеры дивизиона учились выдержке и поведению у капитана Синельникова. В таких учениках ходил и наш комбатр. У Белых голова и сердце тоже были настоящими.

Многое забыто, а это помню все. Комбатр, не повышая голоса, не то досадуя, что его не понимают, не то ласково, — он умел держать себя в руках, говорит Дубровину:

— Пушки-то потерял. А системы, сам знаешь, отличные. И снаряды оставил. А если завтра немцы из наших пушек, нашими снарядами по нас? Не понял?! Уходишь — взорви пушку и боеприпасы. Тогда и докладывай. А у меня еще один взвод гибнет! — помолчал, потер себе верхнюю губу, где до появления гвардейских усов

нужно было еще потопать, и, не снимая с голоса прежнего тона, откровенно нажал на армейскую субординацию, по-нынешнему говоря, стал читать мораль:

— В армии, тем более на войне, сами себе приговор выносят трусы и дураки. Дуракам вы, знаете, законы не писаны. Гибнет достоинство батарен, дивизиона, а вы слюни распустили. Время напрасно теряем! Бегом к пушкам!

Младший лейтенант бросил руку к фуражке, волчком крутнулся на каблуках и ходу. Мы, четверо солдат,— за ним. Понимаем, что и помочь надо и что исправные пушки врагу оставлять нельзя. Бежим, спотыкаемся о корни дубов и сосен. Брянщина. Лес. И ночь вроде бы не очень темная, сентябрьская, а ветки деревьев по лицу хлещут, только успевай поворачиваться да отирать кровь.

Вышли к опушке леса. Пушки рядом. Дубровин приказал залечь и слушать. Не зря младшего лейтенанта любили солдаты и хвалили командиры. Прислушались: треск сучьев под тяжелыми сапогами, непонятный чужеземный говор. Ночь такая, что в жмурки и без завязанных глаз можно играть. А темень и для нас и для немцев одинаковая. Погода себе друзей не выбирает. Немцы ищут наши пушки, мы рядом с этими пушками. Фашисты вроде бы на нас идут. Мы изготовились к бою. Немцев много. Взвод, а может, и больше. А на позициях погибшего огневого взвода безмолвие: ни стоны не слышно, ни шороха. Артиллеристы дрались до последней капли крови: раненые подносили снаряды, наводили стволы и стреляли.

Немцы проходят куда-то в сторону. Подползаем вплотную к пушкам. Дубровин рядом. Слышу его почти безмолвный — очень уж тихо шепчет — приказ:

— Доложи командиру обстановку. Обнаружили у орудий восемь убитых. Раненые, полагаю, отползли в сторону и где-то здесь, в лесу. Орудия надо вытягивать

на плечах. Жду тридцать минут. Если ты не дойдешь, скажи, кого посылать с донесением вторым?

— Посылайте Вовку Абидина. Он сумеет доложить обстановку...

Алексей Гнездилов продолжает рассказ об этом очень нелегком дне своей солдатской жизни:

— Обратный путь я проделал вдвое быстрее. Добежал на последнем дыхании к шалашу командира батареи, приложил руку к пилотке:

— Товарищ командир, разрешите...

— Короче!— оборвал меня комбатр,— что и как?

— Пушки целы и на месте. Убитых восемь. Раненые не обнаружены. Младший лейтенант Дубровин и трое бойцов разведывательной группы готовят пушки к прорыву. Ждут вашего приказа.

Лейтенант засопел носом:

— Второй огневой взвод отбился, да и немца попугал. Подожди,— и закрутил ручку полевого телефона, потом жестко приказал:

— Пятнадцать солдат в мое распоряжение! Немедленно!— послушав ответ, разозлился:— Сегодня помогаешь соседу, завтра тебя на руках вынесут... Такое уже слышал. Выполняйте приказ!— и придавил телефонной трубкой аппарат.

Минут через десять-двенадцать сержант, за спиной которого стояло пятнадцать солдат, докладывал:

— По приказанию командира второго огневого взвода...

— Пойдете с сержантом Гнездиловым в распоряжение младшего лейтенанта Дубровина. С ним выкатывать пушки первого огневого взвода на руках. Без шума. Умно действуйте, осторожно. Желаю удачи!

Удача сопутствовала им. Артиллеристы, напрягаясь сверх предела обычных сил, откатили пушки на указанный рубеж, вторым рейсом вынесли на своих плечах

снаряды. Утром, занимаясь, казалось, никому не пужной в этих условиях физзарядкой, сверхпросоленными солдатскими словами поминали беспокойную ночь и радовались тому, что и завтрак вовремя и что порядок армейский сохранен, что выбриты и начищены командиры и, что того дороже, пушки батареи все целы, все готовы к новому бою и что их, самих солдат, хоть и с натяжкой, а хватит, чтобы обеспечить настоящий огонь по врагу.

И этот огонь последними снарядами был открыт, как только гитлеровцы снова пошли в атаку. Каким он был, этот последний огонь гибнущей батареи, знают леса Брянщины, ее земля с привольными полями, топами да междуозерьями. Край задумчивый, душевный, суровый. Немца отбросили и в тот раз. Он больше не лез.

А днями, в конце того же сентября, соседние армейские части попали под сосредоточенный удар врага и стали отходить.

— Наша и соседняя батарея,— вспоминает Гнездилов,— были окружены. Поступила команда: взрывать орудия и выходить поодиночке. Лейтенант Белых приказал:

— Орудийные замки снять, закопать в землю, надульные тормоза орудий подорвать связками гранат, всем собраться в колонну и выполнять дальнейшие приказания!

Мы так и сделали. Белых приказал готовиться к прорыву через кольцо врага. Ночью ударили. Нелегкой ценой, а все же пробились. Во главе с командиром и комиссаром. И оказались в тылу врага.

Месяца три блукали по полям и лесам. Кормились то сбереженными сухарями — их получали по строгому рациону — да подножной ягодой. Два раза удалось подкараулить немецкие обозы. Полицейские гарнизоны стали щипать.

Заснежило. Люди мерзли, голодали. И вот 20 декабря 1942 года (среди других и этот день у солдата Гнездилова незабываем) встретилась армейская группа лейтенанта Белых с партизанами, армейцами майора Сабурова, которые шли рейдом в Белоруссию.

Разведчиков-сабуровцев было человек семь. У лейтенанта Белых — до сорока опытных и злых, безлошадных и беспущечных артиллеристов. Залегли и те и другие.

— Вы кто?

— А вы?

Лязгают затворы, солдаты готовятся к бою. Сдерживает родной русский язык, но и на него полагаться нельзя — немецких уловок насмотрелись. Гитлеровцы, когда им необходимо, и по-русски очень неплохо «шпрехают».

Лейтенант Белых, на то он и командир, нашел выход:

— Я лейтенант Советской Армии Белых. Мои бойцы охватили ваши фланги. Сейчас открою огонь. У меня пять пулеметов (честно говоря, пулеметов было два). Если вы наши, я встаю и иду воп к тому дубу, что в створе двух березок. Туда же пусть идет ваш командир. Сподличаете — легкой смерти не обещаю. Если вы русские, то знаете, какую кровь берут с врага солдаты за гибель командира.

Белых встал. Он в форме, ремнях, с оружием. Руками стряхнул с брюк снег и пошел, может быть, и на смерть. А рассчитал он верно. Его бойцы уже окружали группу неизвестных. Если полицай, те вряд ли откроют огонь — им в таком разе не поздоровится, если свои — то в этом можно будет убедиться.

Сабуровские разведчики тоже не лыком шиты. Набросив на крупную группу солдат в армейской форме, они сразу же послали нарочного в штаб, повели слежку за группой, были обнаружены сами и поняли, что про-

тив них опытные и решительные солдаты. Нужно было выгадать время, короче говоря, волюнтерить. Отбиваться? А вдруг свои! В Брянских лесах бывали и каратели, но ходили и группы армейцев, оказавшихся в окружении.

Командир сабуровской разведгруппы с двумя трехгольниками на петлицах шнурел тоже поднялся от земли и пошел навстречу лейтенанту Белых. Тот, встретившись, выжидательно уставился на подошедшего, затем напряженное молчание прервал голосом, в котором звучало бешенство:

— Вы что, младший сержант, язык проглотили? Перед вами пень или командир? Кто вы, по какому заданию. Докладывайте.

— Я командир группы партизанского отряда. Прошу вас, товарищ лейтенант, взаимно проверить документы.

Белых достал карточку кандидата партии и офицерское удостоверение, младший сержант — комсомольский билет и служебную книжку. Документы изучали внимательно. Вроде бы все настоящее. Напряжение поослабло.

— Слушай, сержант, — просто сказал Белых. — Мы армейцы. Пробились из окружения. Ищем партизан. Верю тебе и твоим документам. А солдатами рисковать не имею права. Ты в заложниках останешься. Посылай связного в штаб. Одного выпустим. Договоримся с командирами, и твой отряд получит батарею орлов.

От батареи осталось чуть более половины. Но то, что это орлы, Белых не преувеличивал.

Они, эти ребята из разгромленного артдивизиона, в партизанском соединении майора, а потом Героя Советского Союза генерал-майора Сабурова были примером.

Осведомленный о неудачах наших некоторых частей на реке Десне, Сабуров принял в свою бригаду не один десяток армейцев. В душе порадовался и новому пополнению: молодцы, выдюжили! Спросил для ясности:

— Как думаете действовать? Самостоятельно или с нами?

— Народ хочет к вам!

— Значит, пробился, лейтенант! И людей вывел! Жалеешь, что пушки потерял. Пушки будут. Их подбросят с Большой земли и у врага отобьем. А то и свои отыщешь!

— Подорвали мы их,— глухо сказал лейтенант.

— А ты не переживай. Людей вывел, сохранил — чего же надо еще? Будут тебе твои артиллерийские системы. Не сегодня, конечно, а будут, обещаю.. Твой отряд принимаем в партизаны. Всем боевое дело найдем.

Александр Сабуров — плотный, рослый, с добродушной усмешинкой — был человеком волевым и когда надо крутым.

У партизан закон жизни — тщательнейшая проверка приходящих: нельзя же впускать в дом змею, а в партизанскую семью вражеских лазутчиков — немцы и таких засылали. Но здесь было другое: солдаты, вырвавшиеся из окружения по приказу командира и во главе с ним. Все с настоящими советскими документами, в оборванном, но отечественном обмундировании, с помороженными руками и ногами, с яростью русского человека, которого разозлили и вынудили защищать землю свою, дедовские могилы и колыбели младенцев.

Сабуров определил безошибочно: свои, намаявшиеся. Такие не подведут. Кадровики! Они и черта сломят в бою. Без команды не отойдут, без приказа не лягут, а в атаке таких остановит разве только пуля, да и то если смертельная.

И еще порадовался Сабуров, когда в полночь, надував посмотреть, как отдыхают его новые бойцы, зашагал к их землянкам и на подходе был остановлен властным и резким окриком:

— Стой, кто идет? — лязгнула сталь, и майор понял,

что измученные голодом и неудачей армейцы знают и отлично несут караульную службу.

Назвал пароль. Получив отзыв, услышал:

— Подходи! Что надо, товарищ командир?

Слово «товарищ» разряжало обстановку. Но часовой держал винтовку на весу, под локтем. Сабуров знал, что может быть дальше, так, слету, быют и рябчиков, и медведей. Этот постовой времени зря не потеряет. Винтовку к плечу вскидывать не будет. Прижмет ложе к бедру локтем и лупанет. И сам знал, что часовой — личность неприкосновенная. Пришлось представиться...

— Я майор Сабуров, командир соединения.

— Прошу вас, товарищ майор, дождаться разводящего.

Разводящий уже рядом. Сабуров сказал:

— Хочу посмотреть, как устроились. Людей не поднимать!

Появился дневальный. Положив руку на кобуру своего кавалерийского нагана, он сопровождал Сабурова.

Командир соединения прошел в землянку. Запах махорки и портянок. Дружный храп. Видно, что люди дома и спокойны. Такой богатырский сон тоже не подделаешь. Командир соединения никого не стал тревожить, вышел из землянки и пошел отдыхать.

А часовой (им был Алексей Гнездилов) в первый раз увидел человека, который стал для него образцом солдатской доблести, по-армейски, как постовой, встретил будущего Героя Советского Союза и генерала.

В партизанское соединение Сабурова Алексей Гнездилов и его товарищи попали тогда, когда сабуровцы двинулись в рейд по тылам врага через Смоленщину в Белоруссию. Группа лейтенанта Белых была определена в отряд Селивоненко, одного из опытных командиров отряда.

Селивоненко уже после разгрома гитлеровцев в Белоруссии на одном из разборов боевых операций показывал разведчикам в свое время совершенно секретную карту с маршрутом рейда. Жирная красная линия начиналась от города Трубчевска, от южной границы Брянских лесов, пересекала синие ниточки Десны, Днепра и уходила за Припять. Партизан у Сабурова было около двух тысяч, обоз насчитывал до тысячи повозок. Параллельно сабуровцам шло соединение Ковпака. Тысячу километров, громя фашистские гарнизоны, прошли партизаны и вышли в район белорусского городка Лельчицы. Здесь, в южной части Гомельской и на севере Житомирской области, после длительных боев сабуровцы создали освобожденный район, охвативший города Лельчицы, Ельск, Овруч. Продолжая погром вражеских тылов, партизаны Сабурова ходили в рейды до Минской области по Белоруссии и пробирались под столицу Украины — Киев. В этих рейдах участвовали и партизаны Селивоненко, а в их числе и боец разведгруппы Алексей Гнездилов.

О тех рейдах рассказывает Александр Николаевич Сабуров:

— После выхода в южную Белоруссию нам нужно было решить несколько задач. Прежде всего — запутать немцев и отвлечь их внимание. А для создания партизанского края требовалось установить связи с подпольными партийными организациями, с местными партизанскими отрядами, населением.

Было принято решение отряд Селивоненко направить для действий в Киевскую область. Отряду Боровика двинуться в обход на железнодорожную станцию Словеchnя, выйти к мостам между городами Ельск и Овруч и разрушить мосты.

Отряд Федорова должен был захватить райцентр Наровля (восточнее Ельска), а отряд Иванова — станцию

Михайлевичи (между Ельском и Мозырем). Партизанский взвод Калашникова отправлялся в рейд к центру Белоруссии.

Темная ночь. Партизанский штаб вместе с отрядами Таратуты и Шитова движется к Ельску. Позади пылает зарево. Это значит, что отряд Федорова освобождает от фашистов город Наровлю. Слева, там, где раскинулись Мухоедовские леса, словно северное сияние, сверкают вспышки артиллерийских залпов. Это идущий на юг отряд Селивоненко расстроил осиное гнездо гитлеровцев. Справа от железнодорожной станции Михалевичи доносится слабеющая перестрелка. Видимо, отряд Иванова заканчивает бой.

Как прошли эти операции? Как и положено, по плану. Отряд Павла Ревы к тому же еще захватил большое местечко Скородное. Несколько позже был взят городок Словечно, где партизанам достались большие трофеи, в том числе тысячи три тонн зерна, что было очень кстати, так как партизанская семья разрослась, а с удовольствием было туго.

От Минска до Киева — четыре сотни верст с гаком. Такое у партизанского соединения было «плечо».

Вот донесение Ивана Селивоненко из-под Киева:

«Во исполнение вашего приказа вверенный мне отряд провел несколько боевых операций в Киевской области. Юго-восточней железнодорожной станции Терещинской пустили под откос два следовавших на восток воинских эшелона с техникой. Уничтожено 15 тягачей, 10 орудий, 2 паровоза, 19 вагонов. Отрядом совершен налет на гарнизон эсэсовских войск. Убито 22 гитлеровца. Много раненых противнику удалось вывезти в госпитали г. Киева.

Взяты трофеи: пулеметов — 6, винтовок — 65, автоматов — 3, револьверов — 5. В этом бою пали смертью храбрых 6 партизан.

В результате переговоров в отряд перешло с оружием 107 полицейских...»

На просторах Белоруссии и Украины полыхал и разгорался партизанский костер. В январе отряд Павла Ревы занял город Столин (в Брестской области). Оккупанты понесли тяжелые потери. Под партизанский кулак попал и находившийся в Столине дом отдыха старших офицеров гитлеровской армии — они отдыхают там и по сей день.

— В начале февраля 1943 года,— говорит Александр Николаевич,— маракуем мы как-то с начштабом соединения Ильей Бородачевым над картой, какие-то новые данные он оставил у себя в сейфе, пошел за ними и через несколько минут врывается ураганом ко мне.

Бородачев кадровый офицер. Знающий себе цену штабник, невозмутимый, спокойный. Куда его невозмутимость делась. Чуть не пляшет:

— Калашников вернулся! Да с какой армией!!!

Захлопали двери домов. Радостная весть и без крыльев летит быстрее птицы.

— Калашников идет!

— Калашников воскрес!

— Калашников вернулся!

Наш отличный минер и удалой музыкант Илья Наценко с трофейным аккордеоном в руках еле протиснулся через толпу, сгрудившуюся у штаба. И как только Иван Калашников — он шел впереди конного обоза, облепленного людьми,— поравнялся с ним, Илюша грянул боевой марш. А Наценко так играл, что и старухи ходили вприсядку.

Калашников с трудом добрался до крыльца, где стояли Сабуров с Бородачевым. Калашников — смелый и решительный командир, а так скромнен был до удивления. Доложил, как и положено:

— Товарищ командир! Двадцать пять суток нас преследовал противник. За это время взвод с боями прошел через Полесскую, Гомельскую, Могилевскую области Белоруссии и вышел в Минскую к партизанам соединения Козлова. Потерь нет. Имеем сто двадцать человек пополнения. Трофеи: одно орудие, девять пулеметов, пять минометов, двести винтовок, десять тысяч патронов...

Вот так Иван Иванович! Порадовал партизан. Они ведь тебя уже в покойники записали. А ты вон что отколол.

Друзья жмут Калашникова в объятиях, а он теребит шапку и, скрывая смущение, тихо говорит:

— С нами депутат Верховного Совета СССР Василий Андреевич Бегма. Он партизанам Ковпака награды вручал и к нам прибыл по этому же делу.

А рядом звучит басистый добродушный голос:

— Ну, хватит, хватит! Задушите человека. От немцев Калашников ушел, свои до смерти затискают! Отпустите для роздыху!

Генерал Сабуров улыбается своим воспоминаниям — светлые они — и продолжает:

— Ко мне подходил моложавый, уже полнеющий, крепкий человек. Глаза его весело блестели: «Будем знакомы, Бегма». Крепкое рукопожатие скрепило мое знакомство с одним из виднейших партийных работников Украины, действовавших в глубоком тылу врага. Потом Василию Бегме мы выделили из своего соединения отряд Ивана Филипповича Федорова, который уже оперировал как рейдовый отряд в Ровенской области.

Василий Андреевич Бегма избирался депутатом Верховного Совета Союза ССР от населения Ровенской области. К своим избирателям он вернулся не с пустыми руками. Народ оценил это.

— Вот так и воевали! — молодо и звонко смеется

Сабуров.— Ради народа и с его постоянной поддержкой били врага! Давали прикурить немчуре!

Силы партизан росли, с помощью Большой земли они были хорошо вооружены: хватало и автоматов, и пулеметов. И в штабе Сабурова созрел дерзкий замысел — штурмом взять город Овруч.

— Горячее то было дело!— вспоминает Алексей Гнездилов. Разведка установила, что в Овруче восемь немецких батальонов, много дзотов. Улицы и усадьбы города изрыты окопами и траншеями. Гитлеровцы опасались нападения партизан и принимали меры предосторожности. И все же удар народных мстителей оказался внезапным.

Отряд Селивоненко находился южнее местечка Рулевщины и прикрывал другие отряды. Фашистские части, брошенные для захвата перерезанной партизанами дороги Овруч—Прилуки, натолкнулись на засады, перегруппировались и всеми силами навалились на отряд Селивоненко, предприняв одну за другой пять атак. Донесение Селивоненко говорило:

«Отряд надежно удерживает позиции и не пропустит врага к Овручу».

Комиссар соединения Захар Богатырь, находившийся в ходе боя в этом отряде, подтвердил:

— Немцы жали на Селивоненко изо всех сил. Но там дело надежное: хлопцы дерутся как львы, отряд окопался, и гитлеровцам не выбить его!

Фашисты, действительно, скоро выдохлись и отступили. Гарнизон Овруча остался без подмоги, а отряд Селивоненко получил приказ штурмовать казармы, в которых еще держались гитлеровцы.

Уже наступила ночь. Разведать обстановку по приказу Селивоненко командир роты Иван Теренин послал Алексея Гнездилова и его друга Михаила Маламужева — сейчас он живет под Кисловодском на станции Ми-

нутка. В качестве связного они взяли с собой общего любимца соединения Колю Кирделева, четырнадцатилетнего паренька-сироту. Он шел с партизанами от Брянских лесов. Бывало, по малолетству что и напроказит, а так послушный и смелый мальчонка. Его партизаны звали Коля-маленький.

Разведчиков прикрывал взвод автоматчиков. Алексей Гнездилов говорит неторопливо, вспоминая:

— Овруч — весь в аллеях и вековых деревьях, а они и ночью очень хорошее прикрытие. Идем под деревьями, луна тоже дает тень. Навстречу два грузовых автофургона. Мы разведчики, обнаруживать себя нельзя. Но не упускать же фашистов?! Забросали их гранатами. Машины подбили, немцы, кто смог, поубегали. Подходим к казарме. Нас заметили. Из окна открыли огонь. Одного немца мы сняли, подошли автоматчики. Стрельбы почти нет. Осмотрели местность — тихо. Командир автоматчиков и говорит: давай, ребята, в казарму. Заскочили. Брошенное оружие, перевернутые топчаны. Собрали автоматы, послали Колю-маленького доложить Теренину. Рассветает. Выходит, гитлеровцы убежали. Потом узнали, что гарнизон, отходя из казарм, нарвался на наш отряд и почти полностью был истреблен в жарком бою.

Овруч сабуровцы взяли 17 ноября 1943 года, до подхода частей Советской Армии удерживали его, а затем передали армейскому командованию и через линию фронта опять пошли в тыл немцев. Но наступление Советской Армии развивалось так стремительно, что между городами Луцк—Ровно линия фронта догнала сабуровцев и пошла дальше на Запад. Партизанам предложили отдохнуть, помыться, почиститься. Отдохнули — и снова за линию фронта, в рейд, держа направление на Львов.

— Но в этом походе, — уточняет Гнездилов, — я не

участвовал, с группой армейцев был отправлен в кадровую часть.

О последних боях сабуровцев может рассказать Татари Андреевич Черкасов, председатель шахткома, он живет неподалеку. Татари по профессии учитель. В соединении Сабурова командовал отделением в отряде имени Павла Ревы. Был такой геройский командир отряда. Погиб в бою за деревню Храпунь.

Да разве из командиров только Павла Реву потеряли? В бою за Овруч, атакуя немцев во главе чехословацкого партизанского отряда, действовавшего в нашем соединении, погиб молодой офицер Ян Налепка. На памятнике, который сооружен в городе Овруч Герою Советского Союза капитану Налепке, он серьезный, строгий.

— Если припомнить все в деталях,— говорит Гнездилов,— то наш генерал Александр Николаевич Сабуров весь свой партизанский народ любил и умел организовать его, а разведку уважал вдвое. И все же отряд имени Павла Ревы у нас был вроде партизанской гвардии, на особой примете у командования. А Татари Черкасов в отряде Павла Ревы — это не просто разведчик, как я, а командир отделения. Мужик он памятный, иногда вспомнит и расскажет такое, что и друзей и партизанские костры видишь. И заслуженный солдат. Знаю, что воевал старшим сержантом в противотанковой артиллерии.

— Немец крепок. Это у него не отнимешь,— говорит Татари,— но любит драться с превосходством в людях и технике. А против нашего русского немец — не солдат! Оглуши его, и немец уже другой.

Татари Черкасов по национальности осетин. Он плотен, невысок, говорит негромко, горячо и убеждающе:

— В партизанах я пробыл недолго. В 1942 году высадился с десантом в Крым. Людей с Кавказа было

много. Дрались упорно. Но десант оказался неудачным. Попали в плен. А туда по доброй воле не идут. Меня взяли раненым. Немало мытарились по концлагерям. О воле мечтали, как птицы о воздухе. Удалось уйти. Мечту о победе доверяли только своим. Ушло нас человек тридцать. Заводилой был офицер-осетин. Так и получилось, что среди нас, вырвавшихся из фашистской каторги, больше всего было осетин. Были и русские, и дагестанцы.

Думали, что вырвались, попали к партизанам, а они оказались... бульбовцы. Был такой на Украине атаман Бульба. Вроде бы партизан. Солдат, бежавших из плена, к себе принимал и вооружал. И бои вел. Но с кем?

Поосмотрелись мы и просто ужаснулись. Не к тому привыкли, не то понимали с детства. А Бульба бьет поляков только за то, что они поляки, не разбирая, враги они или друзья. Антисемитизм у бульбовцев — фашистский. Для нас главные враги — гитлеровцы, а Бульба с ними дипломатическую политику ведет. А больше грабежами да пьянками его банда занимается.

Быстро мы поняли — не туда попали. Нужно уходить, оружие-то в руках, сейчас это сделать легче. Договорились между собой быстро. Бульбовцами никто быть не хотел. А наши ребята, что потом стали сабуровцами, народ был обстрелянный, на драку упрямый, к огню привычный.

— Знали, — продолжает Татари, — что друг за друга стоять надо, что нужно держать силу. А сила — она в дружбе, в единстве. Я не очень точно сказал о нашей группе. В ней кроме русских, осетин и дагестанцев, были армяне, башкиры, удмурты, чуваш.

От бульбовцев мы отделались быстро. Дождались, когда двух из наших ребят поставили на пост по охране бульбовского лагеря, и перед рассветом тихо поднялись, оружие на изготовку — в случае чего, уйдем с боем.

Бульбовцы, видимо, спохватились не сразу, на ночь самогонки перебрали, спали как убитые. Нас никто не преследовал.

Место, где располагались сабуровцы, мы знали. Добрались до его часовых: так и так, вызывая начальство.

Отвели нам место: располагайтесь, ждите.

Ждем. Пришел сам Сабуров.

Февраль 1944 года был метельным, колючим. Сгрудились мы все в хате. Сабуров нас подробно расспрашивает, как попали к нему. Я доложил о всех наших мытарствах.

— Значит, к Бульбе попали? Вредная это тварь. Доберемся и до него!

Сабуров беседовал с нами долго. Просмотрел списки. Улыбнулся, говорит:

— У вас не взвод, а настоящий интернационал. Пойдете в отряд имени Павла Ревы. Им командует кадровый офицер Сошин. Мужик крутоватый, но дельный. Отряд боевой. С достоинством носит свое славное имя...

...А. Н. Сабуров и Павел Рева с возвышенности наблюдали за деревней Храпунь, в которой хозяйничали недавно заявившиеся немцы. Рева стал отползать, метров через сто, у дороги, поднялся в рост. Ударил короткая пулеметная очередь. И тут же послышались голоса: Реву ранили.

— Я не помню,— вспоминает Александр Николаевич Сабуров,— как сорвался с места и побежал к дороге. Реву несли на руках. Как побелело лицо моего самого близкого, самого дорогого друга!

— Ты ранен, Павел? Что с тобой?

— Нет, Александр, Павел не ранен... Павел убит...

— Больше я его голоса не слышал. За Храпунь дрались жестоко. Когда я вернулся на базу, Павла Реву собирали в путь, из которого не возвращаются.

Потеря Павла Ревы была тяжелой. Павлу не следовало вести своих партизан в атаку за собою, к чему он готовился. Но это была его манера боя. Спорить с ним, ругать или наказывать его было бесполезно. Человек привык идти впереди. Инженер по тракторам и комбайнам, гражданский человек с головы до пят, шинель носить так и не научился, а воевал на зависть кадровикам.

И в тот день свои партизанские роты Рева расставил у Храпуни так, что будь немцы послабее, никто из них не ушел бы.

Гитлеровцев было много больше. В бою и разведкой было установлено самое худшее.

— Мы,— говорит Сабуров,— ожидали наступления гитлеровцев, но оно началось раньше, чем мы предполагали. Подошла дивизия эсэсовцев, имеющая на вооружении новинку — пулеметы с оптическим прицелом. Надо было обмануть врага. И отряд Павла Ревы, уже без своего командира, боем сдерживал фашистов, пока другие отряды уходили ускоренным маршем. Храпунь мы не взяли. Да и я эту задачу уже отменил. А немцев мы боем сковали и заставили стоять на месте. После захода солнца наши отряды, сдерживавшие фашистов, снялись и ушли. А ночью немца не выманишь из населенных пунктов и сдобным калачом. Эсэсовцы потеряли партизан.

Вот в какой обстановке погиб наш Павел. Сколько уже лет, а вспомню его, сердце сжимается.

Рассказ продолжает Татари Черкасов:

— Сабуров осмотрел наше оружие, назначил отдельных командиров. Командиром отделения поставил и меня.

— Воюйте, орлы. Умножайте доблесть и славу партизанскую!

Порядки в соединении были родные, армейские. Строгие, конечно. Нам к ним не привыкать. Дрались мы

не за страх, а за совесть. И соединение наше воевало крепко. То самостоятельно действовали в тылах врага, то били немцев совместными ударами с армейскими частями. Армия наша в 1944 году шла ходко. Линия фронта два раза обгоняла нас. И оба раза мы снова уходили в тылы фашистов. Партизанили и на польской земле. Помогали полякам свои партизанские отряды создавать. Так до августа 1944 года, когда мы снова оказались у линии фронта и поступил приказ о расформировании нашего соединения. Тут уж дело известное: кадровиков и годных к военной службе — в армию; стариков, подростков, женщин — а их среди партизан было немало — по домам.

Со мною по партизанским тропам ходили и мои боевые друзья: Володя Дзанаев из села Коста Хетагурова, Борис Газаев и Кубады Дзайнуков из города Орджоникидзе, Костя Алибегов из села Хумалага (он все любил расписываться на стенах разгромленных нами полицейских управ и немецких казарм).

Кубады Дзайнуков был пулеметчиком. Погиб в бою. Вел огонь и вдруг замолчал. Я подполз к нему — все, отстрелялся Кубады. А он нам вдвое дорог. Это Кубады отыскал сабуровцев и вывел нас к ним.

Трагичной оказалась и судьба моего друга и земляка Володи Дзанаева. Во время рейда по вражеским тылам в Белоруссии, мы попали в окружение. Атаковали врага и вырвались. Собрал я свое отделение — нет Володи. Парень он был отважный, ну, думаю, погиб в бою. Страшней оказалось. Разведка наша через местных жителей выяснила: Володя был тяжело ранен и схвачен немцами. Фашисты облили его бензином и сожгли заживо.

Попасть в руки немцев означало не только смерть, но мучительную смерть. Нам приходилось хоронить партизан, исполосованных фашистскими штыками и ножа-

ми, изуверченных... Если грозит плен, лучше уж сам стреляйся!

Гитлеровцы зверствовали и над мирным населением.

В январе 1944 года было такое. Мы действовали еще самостоятельной группой — около двадцати пяти человек. В деревне Углы подкараулили три грузовика, окружили и перебили вражеских солдат, а машины подорвали. Когда мы ушли, гитлеровцы пустили танки и всю деревню сожгли. Фашистские «факельщики» от теплого человеческого жилья оставили одни черные головешки, сады подавили гусеницами танков. Крестьян, пытавшихся защитить свое имущество, расстреляли. Короче говоря, отыгрались на беспомощных и безоружных людях. А деревня была красивая.

— Это было в юго-восточной части Гомельщины в ноябре 1942 года,— рассказывает Алексей Гнездилов.— Мы искали встречи с партизанами, шли следом за сабуровцами. Но догнать их все не могли. Продукты кончились. Животы, как их ремнями ни затягивай, бурчат от голода. Надо подаваться в деревню. Чем-чем, а крестьяне хоть картошкой снабдят, а если немцев в деревне нет, то и обогреться удастся и горячего похлебать. Народ с нами делился последним.

Командиры наши вытащили карты, сориентировались, определили расстояние — около восьми верст, недалеко. Идем. Поднялись на пригорок. Вроде деревня должна быть рядом. Перед нами — заснеженное поле с какими-то непонятными столбами.

Спустились — глазам не верим. По снежному насту — колья. На них человеческие головы. Женщины, старики, подростки. Заледенелые, блестящие от закатного солнца глаза. Ветер волосы треплет. Кажется, что головы эти вот-вот заговорят. Меня холодный пот от этого ужаса прошиб. И товарищи побледнели. Дышат тяжело, с ноги сбиваются. В такое и поверить нельзя.

Политрук наш Турков, человек спокойный, вдумчивый, стал белее снега, кричит нам:

— В глаза, в глаза этим мученикам смотрите!.. Гитлеровцы свой след оставили!..

Подтянулись мы. Твердым шагом прошли мимо казненных. И о голоде забыли.

— Мне об этом диком преступлении фашистов,— говорит генерал Сабуров,— рассказал дед Колос из деревни Картеничи, где мы останавливались на дневку. Дед этот был мрачноват, молчалив. Я все пытался разговаривать с ним. Он ограничивался ответами на вопросы. Тогда я прямо предложил: давай, отец, побеседуем.

— Разве что надобность,— неопределенно произнес дед, но все же присел рядом перед печкой, где весело полыхали еловые чурки. Он задумчиво смотрел на огонь и, видно, сердцем отходить начал.

— Вот ты житухой нашей интересуешься, мил человек,— глухим, ровным голосом заговорил дед.— Не охотник я зря языком молотить. Сычом меня за это прозвали. Но и молчать трудно. Невеселое житье, командир. А прямо сказать — хуже некуда.

Дед помолчал и, круто меняя разговор, спросил:

— Ты деревню Симоновичи, к примеру, знаешь?

— Только по карте.

— А знать бы надо! Там каратели всех людей побили, кто не успел убежать. А мертвым головы поотрубали и на колья посадили. Для устрашения, значит. А за что? За то, что полушубки и валенки народ немцу отдавать не захотел. Три-четыре старых полушубка да сношенных валенков две пары всего сдала деревня. Немец и разъярился. Агитация у фашистов в таких случаях известная: на деревню «красного петуха», людей под пули. А сейчас в Симоновичах и над побитыми надругательства устраивает...

Наши комиссары и политруки рассказывали партиза-

нам о злодеяниях гитлеровцев. Проводились беседы и о деревне Симоновичи. Да разве только в ней одной фашисты такое изуверство устроили? В десятках деревень гитлеровцы, загнав в сарай, заживо сжигали стариков, женщин, детишек. Грудных жгли вместе с матерями.

— В 1944 году уже стало ясно, что фашистам скоро конец, но зверства они не прекращали,— продолжает рассказ сабуровец Татари Черкасов.— Наоборот, злодействовали еще свирепее. Но и мы усиливали удары по врагу. В отряде имени Павла Ревы я пробыл немного. Всего полгода. А наш отряд за это время провел более двадцати боев. В 20 боевых операциях, не считая засад и разведки, участвовал и я. У меня сохранился документ. Вот он.— Татари Андреевич протягивает пожелтевший от времени листок бумаги:

«Боевая характеристика

Дана отважному, политически выдержанному командиру отделения партизан тов. Черкасову Татари Андреевичу: т. Черкасов Т. А. участвовал в 20 боевых операциях, захватил 7 «языков».

За боевые действия в тылу врага представлен к правительственной награде.

Командир отряда лейтенант *Сошин*.
Начальник штаба лейтенант *Блохин*».

Такая же короткая и по-своему выразительная боевая характеристика и у Алексея Гнездилова. Правда, партизанскими тропами он ходил больше своего друга Татари, боевых дел у него тоже побольше. Но основная черта характера, выделенная командирами обоих партизан, одна — отважность. Потому и громили сабуровцы врага, совершали по его тылам тысячеверстные рейды, что вела их в бои отвага и самоотверженность, неистребимая любовь к Родине, вера в свой народ.

Земля родная... На Кавказе это и горы, и снеговой

холодный блеск двухглавого Эльбруса; украинцы жизнь отдадут за раздолье своих полей, белорусы выросли под задумчивый шелест бескрайних своих лесов. Пуши в Белой Руси, действительно, могучие, звонкие. Побудешь в них час, а вспоминать будешь всю жизнь.

Сплетающиеся и расходящиеся тропы партизан в те неблизкие уже годы еще одним узлом закрепили вековую дружбу людей ленинской России.

Партизанское соединение Александра Сабурова действовало по указанию ЦК Компартии Украины. От Брянских лесов до белорусских пуш и дальше, под Киев и Житомир, до Польши ходили с боями сабуровцы. Оккупантов били и на земле Брянщины, и в Белоруссии, и на Украине.

Рязанские озорные парни, горячие сыны Кавказа, настоячивые и упорные сыны Белоруссии — разве всех назовешь?

Имеются ли весы, на которых можно взвесить плечо друга или незнакомого тебе солдата, сердцем своим прикрывающего тебя?

Сейчас Алексей Гнездилов и Татары Черкасов — друзья. А когда-то могли и перестрелять друг друга.

Было это под деревней Углы, которую гитлеровцы уничтожили начисто — сейчас она втрое краше.

Разведчик сабуровского соединения партизан Алексей Гнездилов пришел в деревню Углы, чтобы выяснить обстановку: кто и как в их партизанской зоне «разговаривал» с фашистами.

Январь сорок четвертого года нес поземки, крутил снега, вприсядку плясал с метелями. Самая лучшая одежда в январе — полушубок. И тепло, и драться удобно. И в этом полушубке с винтовкой, готовый стрелять, Алешка Гнездилов осматривал дымящиеся головешки, оставшиеся от большого и дружного человеческого жилья, от того, что мы сегодня называем станицами,

селами, аулами. В них сердечный и гостеприимный народ.

Сабуровский разведчик Гнездилов в полушубке. Кто он, полицаи или свой — разберись.

Сосед толкнул Татари в плечо:

— Снимем? А? Полушубок добрый и винтовка!

— Не стрелять! Полицаи не ходят в одиночку. Нужно остановить его. Поможет к партизанам перейти!

Но человек в полушубке вдруг исчез. Был, и не стало. Хватать было некого. Армейские разведчики умеют исчезать.

А когда Сабуров принимал в свое соединение взвод Черкасова, на его решение немало подействовало донесение Гнездилова о бое в деревне Углы. И Александр Сабуров, уже генерал и Герой Советского Союза, поверил людям, рвущимся в огонь. Поверил и не ошибся.

Разными дорогами шли к победе воины земли Советской. И пришли к монументу Славы. Пришли и те, кто не вернулся с войны.

Отрывки из этой были, рассказывающие о боевых делах Алексея Гнездилова и Татари Черкасова, в октябре 1969 года были напечатаны в Карачаево-Черкесской областной газете «Ленинское знамя». Через несколько дней я получил письмо. Вот оно:

«Сердечно благодарю вас за то, что познакомили меня с партизанской жизнью Татари Черкасова. Мы с ним из одного села. Оказывается, что и воевали в одном и том же партизанском соединении генерала Сабурова. Татари был командиром отделения в отряде Селивоненко, а я с октября 1943 года по апрель 1944 года командовал взводом разведки в диверсионном отряде капитана Савицкого.

Я слышал, что в соединении Сабурова много воинов с Кубани и Северного Кавказа, по встречаться не дово-

дилось. Отрядов было много, и чаще всего они находились в рейдах. Да и наш разведвзвод на базе долго не задерживался.

С Татари мы по соседству жили в селе Коста Хетагурова и выросли вместе. Знаем друг друга давно.

А сейчас мы можем вспомнить и совместные бои, которые велись отрядами партизан Сабурова под Мозырем, Олевском, в Овруче, на Украине и в Белоруссии.

Теперь вместе с Алексеем Гнездиловым нас в Карачаевском районе уже трое сабуровцев. Мне думается, что и другие земляки — партизанские однополчане отыщутся. И мы когда-то соберемся в наш армейский праздник для дружеской беседы.

Александр Каргинов,
старший лейтенант милиции».

Живет Александр Константинович Каргинов в г. Карачаевске, в семи километрах от Гнездилова.

Мне казалось, что многолетние поиски, упорная работа в архивах, список, в котором почти полтораста имен армейцев-партизан, дают более или менее полную картину участия наших земляков в партизанской войне на земле Белоруссии. Но число армейцев, которые продолжали бить врага, оказавшись в окружении или бежав из плена, все растет и растет.

Свято выполняют воинскую присягу советские солдаты. В надежные сыновние руки вручала Родина-мать боевое оружие...

В армейском деле лейтенанта запаса Александра Каргинова записаны и воинские части, в которых он служил, и его боевой путь.

Семнадцатилетний парнишка-доброволец попал на фронт, добавив себе для солидности год — таких «находчивых» юнцов были тысячи. Замученные работой без сна и отдыха, военкоматцы за всеми уследить не могли.

Чтобы не ошибиться, направили парнишку-добровольца Сашу Каргинова в июле 1941 года подальше от передовой, в батальон аэродромного обслуживания. Оттуда через полгода Сашу — ему уже исполнилось восемнадцать — послали в офицерское училище. 7 июля Саша был призван, а в скором времени получил звание младшего лейтенанта и должность командира курсантского взвода конной разведки.

Молоденький командир попал на Донской фронт, водил свой взвод в тыл врага под Ростовом, с боями отходил к Сталинграду, участвовал в тяжелой его обороне. Зато и повеселил свою душу, добывая окруженные у города-героя гитлеровские дивизии.

За Сталинградом последовала битва на Орловско-Курской дуге. В «Истории Великой Отечественной войны» (том 3-й) есть примечательные строки о железной стойкости 148-й стрелковой дивизии:

«Наступление врага на правом фланге 13-й армии против 8-й и 148-й дивизий не принесло ему успеха. Вначале немцам удалось приблизиться к переднему краю обороны, а на ряде участков ворваться в первые траншеи, но затем части 8-й и 148-й дивизий контратаками и огнем артиллерии отбросили врага на его исходные позиции».

Войска 13-й армии, которой командовал генерал Н. П. Пухов, отличились в наступлении на черниговском направлении и в форсировании Днепра. Закрепляя блестящий успех в битве на Днепре, войска армии за сутки упорных боев продвинулись на Запад на 35 километров, вырвавшись далеко вперед, создали известный в те дни по жестоким боям Чернобыльский плацдарм на западном берегу Днепра. 148-я дивизия, в 507-м полку которой Александр Каргинов командовал взводом разведки, была острием тарана, крушившего вражескую оборону.

Но война — это не только успехи. Гитлеровцы срочно перебросили в район Чернобыля четыре танковых дивизии и начали контратаки. Не ослабляли усилий и наши войска. На некоторых участках советские и германские части сошлись вплотную, линия фронта перемещалась в самых неожиданных направлениях, в окружение попадали то наши, то вражеские полки.

От своих войск были отрезаны и некоторые подразделения 507-го полка. Советские солдаты, неожиданно оказавшиеся в тылу врага, несколько раз упорно пытались прорвать его передний край и выйти к своим. Но гитлеровцы уже укрепили оборону. Попытки прорваться обходились дорого и срывались. В окружение попало человек двести. После атак на прорыв уцелела десятая часть. Из командиров — один лейтенант Каргинов. На винтовку осталось два-три патрона. От попыток выйти к своим пришлось отказаться.

Чернобыль расположен на севере Киевской области, на границе с Белоруссией. Украинские и белорусские партизаны помогали армейцам форсировать Днепр и завоевать плацдарм, они были где-то рядом. Лейтенант Каргинов принял решение: вести свою группу дальше в тыл немцев на соединение с партизанами. А там дело покажет. Главное — продолжать воевать и вести войну не маленькой группой, а в составе настоящей боевой силы.

Партизан долго искать не пришлось. Наскочили на штаб самого Сабурова. А он к армейцам был неравнодушен. Вызвал к себе.

— Потрепали вас, лейтенант?

— Ну, мы, товарищ генерал, тоже в долгу не остались!.. — не без задора ответил двадцатилетний Каргинов.

— Тогда все в порядке! — согласился Сабуров и задал свой всегдашний вопрос: — с нами пойдете или самостоятельно действовать хотите?

— Со мною тридцать человек. Лучше будет, если вы нас в отряд примете.

Порядки у Сабурова были твердые. Подробная беседа, изучение документов, проверка через армейские штабы — связь действовала безотказно. И солдаты стали партизанами.

— Ну, а вам, лейтенант, — определили судьбу Каргинова в сабуровском штабе, — воевать и дальше по своей специальности. В отряд Савицкого нужен командир взвода разведки. Вот предписание. Боевых успехов, лейтенант!

Интересная деталь: 8 октября 1943 года командир взвода конной разведки 507-го полка А. К. Каргинов был исключен из армейских списков как пропавший без вести, но с того же 8 октября во 2-м партизанском отряде соединения Сабурова появился командир взвода разведки лейтенант Александр Каргинов. Ни единого дня вне строя!

Партизанские разведчики — народ лихой. Разведка в тылу врага — дело тоже непростое. Но все это Александру было не в новинку. Армейские разведчики свое дело знают. И на нелегкой партизанской должности молодой офицер-армеец оказался на месте. Организовать разведку и захват «языков» он умел, остальному научился. Да и народ помогал крепко. Связные из местных жителей не щадили себя, рисковали семьями, но партизан оберегали.

Один из таких связных был в селе Кушиловка. Дед Суббота. Кряжистый старикан лет под семьдесят. Гитлеровцев он ненавидел люто. Да и было за что. Хату спалили. Хата бог с ней. Дело наживное. Хату и отстроить можно. А вот семья... С ней простился навеки. Немцы истребили.

Осиротили деда на старости лет. Лишили радости и надежд.

Пришел дед к разведчикам, а он для них всегда был другом и помощником.

— Принимайте до своего куреня. Один я остался!— и смахнул с глаз горькую стариковскую слезу.

Дед Суббота так и воевал с разведчиками. Округу он знал верст на сто, в походах был двужилым. К смерти относился равнодушно. Да еще и мастером был на все руки.

Весной сорок четвертого года разведчики Каргинова сбросили западнее Ковеля под откос вражеский эшелон. А у рейдовиков был закон: боевые действия подтверди. Принеси в штаб фотопленку со снимком результатов работы. Трофейных фотоаппаратов хватало, щелкать «цейсами» научились быстро, да и штаб особых красот от пленок не требовал, главное, чтоб пленка подтверждала донесение. Каргинов только-только отснял разбитый эшелон, насчитал четыре перевернутых и покореженных танка, как над его головой засвистели пули.

Один из вагонов с охраной эшелона уцелел, и разъяренные немцы открыли яростный огонь по партизанским диверсантам. Каргинов скомандовал группе отход. В группе шесть человек минеров: младший лейтенант Дуда, сержант Мирошниченко, дед Суббота и еще два паренька из местных. Где ползком, где перебежками минеры стали уходить. Гитлеровцы — их человек сорок — не отстают. Загнали в болото, окружили, прижали к кочкам огнем. К немцам подкрепление подошло. Подрывники ведут огонь, экономя каждый патрон. Хлебный припас, какой был, на вторые сутки доели. А немцы не уходят. Кончились третьи сутки. Гитлеровцев вроде еще больше стало, и огонь они усилили. Из минометов бить начали. Дед Суббота и предлагает:

— Подползу я, ребята, к немцам с гранатами. Шугану их, а вы, сынки, в другую сторону тикайте. Авось и уйдете!

— Нет,— не согласился Каргинов,— умирать, так вместе.

Немцы яростной пальбой себе же и навредили. На шум перестрелки подошел партизанский отряд Буйносова, он действовал вблизи. Немцы были атакованы со спины и бросились бежать. Немногие ушли.

Вспоминая деда Субботу, Александр Каргинов говорит:

— Большой смелости был этот дед. Умер, наверное. А когда в июне 1944 года наш отряд расформировывался, мы с дедом Субботой как с отцом прощались. Он пошел на родное пепелище, а большинство из нас в армию, добивать немца. Я воевал в Польше, освобождал Чехословакию, в Чехословакии и войну закончил.

Таков боевой путь еще одного партизана-сабуровца.

У Александра Каргинова за боевые отличия орден Красной Звезды и целый ряд медалей: армейские, партизанские. Недавно к ним добавилась и еще одна — «50 лет Советской милиции».

Честно воевал парень из села Коста Хетагурова, и сейчас он на переднем крае борьбы за счастье и спокойный труд советского народа.



ПРОШЛОЕ
И НАСТОЯЩЕЕ

Скорый Минск — Москва, переводя дух на остановках, рвет и рвет пространство. За окном то заколдованные пушистым февралем леса, то широкие панорамы индустриальных городов. Сказочно неповторима белорусская зима. Любуюсь в окно стремительно проносящейся чудесной панорамой.

Сосед по купе, спокойный, располагающий к себе человек — ему где-то за сорок — уже час шуршит газетой. Откладывает ее, доброжелательно интересуется:

— Нравится Беларусь? Бывали в наших краях?

— В составе 10-й гвардейской армии в конце 1943 года воевал под Оршей и Витебском. Давно это было. Все изменилось.

И действительно, как непохож он, этот в узорах зимы, наполненный жизнью и творческим трудом край на то, что было здесь зимой 1943 года.

— Как же встречал наш народ армейцев в те военные годы?

Я молча улыбаюсь. Улыбается и собеседник. О чем говорить? Рассказать, как белорусские матери варили для солдат последнюю бульбу? Как белорусские мальчишки влюбленно смотрели нам в глаза и гладили поставленные в угол хаты заиндевевшие от злой декабрьской стужи солдатские трехлинейки? Иногда можно обменяться мыслями без слов.

Наша гвардейская армия отбрасывала немца от Москвы, воевала под Ржевом, рвала оборонительный вал гитлеровцев под Спас-Деменском, освобождала Ельню и Смоленск — города немеркнущей воинской славы.

Попутчик протягивает портсигар с минским «Беломором». Я закуриваю и снова прилипаю к окну. Остановка. Тренированный девичий голос на русском и белорусском языках объявляет:

— Станция Орша. Стоянка поезда шесть минут...

В моих блокнотах, если можно назвать блокнотами исписанные вдоль и поперек ученические тетрадки «в клетку» и «в линию», более сотни имен белорусских партизан из Карачаево-Черкесии, многие выписки из партизанских документов, рассказы бывалых людей, крестьян — жителей Ивенецко-Налибокской и соседней Радмянской пущ.

В том 1943 году, когда наша армия рвала вражескую оборону атаками в лоб, народные мстители били фашистов с тыла.

Так было не только под Оршей и Витебском, но и на всем протяжении советско-германского фронта от Баренцева до Черного моря. Эта бесконечная линия огня и здесь, где-то под Оршей, разделяла родных братьев — солдат в серых шинелях и воинов в партизанских папахах. Она называлась передним краем, гремела артиллерийской канонадой, стрекотала пулеметными очередями из дзотов и бронеколпаков, чадила горелым железом, терпко отдавала запахом человеческой крови.

На этой линии стояли многие тысячи солдат, сотни танков и самоходок утюжили белорусскую землю. Дивизии фашистской Германии упорно оборонялись, и далеко еще, ох как далеко, был солнечный День Победы.

О многом можно передумать за минуты стоянки поезда на земле, которую помнишь истерзанной и сожженной...

Уже за Белоруссией, где-то под Смоленском, мы разговаривали. Чувствовалось, что случайный попутчик внимателен и ему этот разговор не безразличен. Я рассказал об удачах в поиске и рядом идущих горьких разочарованиях.

Сосед по купе мягко спросил:

— А вполне ли выполнимо дело, которое вы поставили себе целью? *

— Трудно, — соглашаюсь я, — а нужно. Солдаты,

ставшие партизанами, достойны, чтобы был восстановлен их каждый шаг.

Я рассказал о ясных глазенках малышей-школьников, жадно ловящих слова о боевых подвигах их земляков — солдат и партизан. Ведь они, ветераны боев, ходили теми же тропами, в ту же самую школу, которая и их, любознательных, учит уму-разуму. Видимо, увлекшись, стал приводить имена земляков — сынов Кавказа, рассказывая о том, что наиболее близко мне.

Мысль была проста: сколько же выдержали, сколько перенесли солдаты-партизаны Белоруссии и ее народ во имя Родины, ее солнечных радуг и зеленых лужаек, как дорога каждому советскому человеку любая пядь земли необъятной Родины!

Я назвал близкие сердцам нашим имена: Осман Касаев, Кичибатыр Хаиркизов, Хмара Догужиев, Михаил Симхов, Аскер Бархозов. И почувствовал, что собеседник настроился.

— Аскер... Мне очень дорого это имя. Что вам удалось найти о нем?

— Архив Быховского подпольного райкома партии сохранился, — ответил я. — Многое рассказали соратники Аскера. Он остался в сердцах друзей.

— Я тоже знал Аскера Бархозова, — как-то тревожно повторил попутчик. — Он заслужил добрую память. Смелый и скромный это был человек.

Видимо, взволнованно и не очень последовательно я рассказал, как Аскер Бархозов воевал, что его трижды от верной гибели спасли белорусские крестьяне, что его подругой, а потом и женой стала белорусская девушка Маша Макаёнок из деревни Журавичи. Она вместе с братом Иваном была в отряде Бархозова и участвовала во многих боевых операциях, хотя этой девушке, когда она встала на защиту Родины, было всего 16 лет.

Нахожу в одной из тетрадок коротенькую выписку

из документов партархива Института истории ЦК КПБ: «Макаёнок Мария Григорьевна 1926 года рождения, член ВЛКСМ, рядовая партизанского отряда № 830 Быховской военно-оперативной группы. В отряде с 15 сентября 1942 года. Участвовала в нескольких боевых операциях».

Спутник прищуривается, долго смотрит в окно и, прервав молчание, говорит спокойным, потеплевшим голосом:

— Маша — это моя сестра, Ваня — брат... — Мы так и не познакомились. Моя фамилия Макаёнок. Макаёнок Андрей Григорьевич... Нет Аскера, нет Маши. Сколько лет уже прошло. А бывшее все рядом.

Андрей Григорьевич, по-местному Егорович, известный и за пределами Белоруссии писатель, редактор минского журнала «Неман». В годы войны он был на фронте.

— Маша и Ваня партизанили. Маша погибла после родов. Осложнения. Нервная горячка. Не усмотрели за ней. А Ваня — он сейчас неподалеку от Минска в колхозе трудится. Агроном.

Андрей Егорович говорит о настоящем, видя прошлое.

— Сынишку Машиного — Толика бабушка наша, мать Олимпиада Федосовна, выпестовала. Сейчас он Анатолий Аскерович Бархозов. Сын карачевца, а по воспитанию и языку — белорус. И сам себя считает белорусом. Окончил в Минске музыкальное училище. Отец — кадровый офицер, сын — преподаватель по классу фортепьяно, профессия совсем уж невоенная. У жизни в разные периоды и почерк иной. То пишет кровью солдатской по опаленной земле, а потом переходит на другой ритм и звучит музыкальными аккордами в учебных классах...

Андрей Макаёнок замолкает.

Жизнь не останавливается. У каждого поколения свое дыхание. Давно вернулись к мирному труду Карабид Хамуков, Туган Узденов, Ахмед Алимов, Курман Кипкеев. С почетом преданы земле их соратники Осман Касаев, Аскер Бархозов, Кичибатыр Хаиркизов, Юнус Каракетов, Хмара Догужиев. А гордая слава воинов-партизан, их доблесть и верность Родине — великое и неоценимое наследство идущим на смену новым поколениям.

Не все рождаются солдатами. Но когда Родина вручит оружие, в огонь должны идти все. Получив оружие, нельзя выпускать его. У настоящих сынов Родины и смерть не выбьет оружия из рук. Они падают головой вперед и смертью своей устрояя врага. Продолжают сражаться и погибнув: своими несгорающими сердцами согревают соратников, освещают им путь к победе. Герои и погибшими остаются в боевом строю. А через десятилетия и века они становятся славой народа, его песнями и легендами.

На одном из поворотов с автостреды Минск—Белыничи—Могилев в Техтинские леса, где когда-то находилась база 121-го краснопартизанского полка — огромная, в четыре метра, мраморная плита. На ней — барельеф Османа Касаева в бурке с автоматом в руках. Таким его видели в последнем бою. От поворота неподалеку — село Осман-Касаево, где долгое время находился штаб партизан. Отсюда Осман водил своих воинов громить врага. Тут же рядом, ныне восстановленная, — первая партизанская землянка легендарного командира...

Май 1969 года. Весна затянулась, но уже очистился от снега и подсох большак, желтоватой лентой разрезающий вековой бор. Взбодренные зимними метелями еще ярче и зеленее стали кроны могучих сосен, в прозрачной и нежной весенней вуали зазеленели березки.

Ой, березы да сосны —
Партизанские сестры,
Лес шумливый. ты в сердце всегда.
Слыша песню лесную,
О друзьях я тоскую,
Вспоминаю былые года.

— Это строчки из любимой партизанами «Лесной песни», — написанной поэтом А. Русаком и композитором У. Аловниковым, — говорит бывший начальник штаба партизанского соединения Могилевщины Савелий Герасимович Сидоренко-Солдатенко. — Она стала партизанским гимном. «Лесная песня» напоминает нам о ночных походах, партизанских землянках, о дорогих друзьях, что дрались рядом и погибли; об Османе Касаеве — белорусском национальном герое, его земляках с Кавказа.

А за тысячи верст от Техтинских лесов в горах Карачаево-Черкесии сотни людей воодушевленно трудятся в Учкуланском совхозе имени Героя Советского Союза Османа Касаева. Здесь песни о славном партизанском командире и его белорусских друзьях звучат на карачаевском языке.

Доблесть советских воинов, их сыновняя верность родным очагам, пролитая в години лихолетья и суровых испытаний за огромную и единую Родину кровь сплести узами неразрывной дружбы многонациональную страну Советов в единую семью. И у многих народов нашей необъятной Родины героями-земляками стали парни в солдатских шинелях и партизанских полушубках, пришедшие выполнить свой воинский долг за тысячи верст от родного дома. Сыны солнечного Казахстана насмерть стояли под Москвой, татары и якуты, армяне и азербайджанцы, адыги и грузины стойко, перенося блокаду, отстаивали город Ленина, таджики сражались в Прибалтике, белорусы и украинцы дрались за Кавказ

и Сталинград, русские героически умирали на полях Украины и Молдавии.

Это один из ленинских законов нашего великого единства.

И в Белоруссии, и на Ставрополье многие улицы и поселки, школы, пионерские дружины, колхозные и районные клубы, спортивные призы названы именами:

Османа Касаева...

Кичибатыра Хаиркизова...

Хмары Догужиева...

Аскера Бархозова...

Шла Великая Отечественная. В огне боев сгорали надежды и молодые жизни отважных. Они первыми поднимались на врага. Воодушевляли и вели за собой товарищей. Знали, что у воина, вставшего на бой с врагом, есть только победа или соколиная смерть. Иной судьбы солдату не дано.

Память народа сберегла имена и подвиги героев, возвеличивает их и наделяет бессмертием. Отважные навеки в сердце народном, в его делах. Героическое прошлое отцов — это наше сегодня, будущее наших внуков и правнуков.



ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ	4
АСКЕР	28
ЛЕСНЫМИ ТРОПАМИ	64
Миша-черкес	65
Партизанская дочь	90
СОЛДАТЫ УМИРАЮТ С ОРУЖИЕМ	112
ГЕРОЙ ИЗ АУЛА КУБИНА	144
Горжусь солдатским званием...	145
Воины встречаются в строю	159
Кровь за кровь	169
Герой не забыт	177
БОЕВЫЕ ПОБРАТИМЫ	184
Побег	185
Партизанская конница	200

ВСТРЕЧА С ПАРТИЗАНСКОЙ БЫЛЬЮ	220
В лесах Белоруссии	221
Враг вторгся	228
Кавалер Шпонка	236
Сулико	243
Разведчики не умирают	263
САБУРОВЦЫ	282
Родина помнит, Родина знает...	283
За что дают солдатам ордена	288
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ	326

Нежинский Валентин Алексеевич.
СОЛДАТЫ УМИРАЮТ С ОРУЖИЕМ.

Ставрополь, Кн. изд., 1971 г.
336 с.

Редактор П. Степанов.
Художник С. Каретко.
Худож. редактор Г. Говорков.
Техн. редактор Т. Стеблянко.
Корректоры: Ю. Забелло,
Н. Парашенко, З. Кулиш.

Сдано в набор 18.VI-70 г. Подписа-
но к печати 9.III-71 г. Бумага
70x108¹/₃₂. Типографская № 3. Объ-
ем: 10,5 физ. л.; 14,7 усл. л.; 14,0
уч.-изд. л. Зак. 4168. Тираж 30.000.
Цена 47 коп. ВГ75153.

Краевая типография, г. Ставрополь,
ул. Артема, 18.

7

47 коп.

1